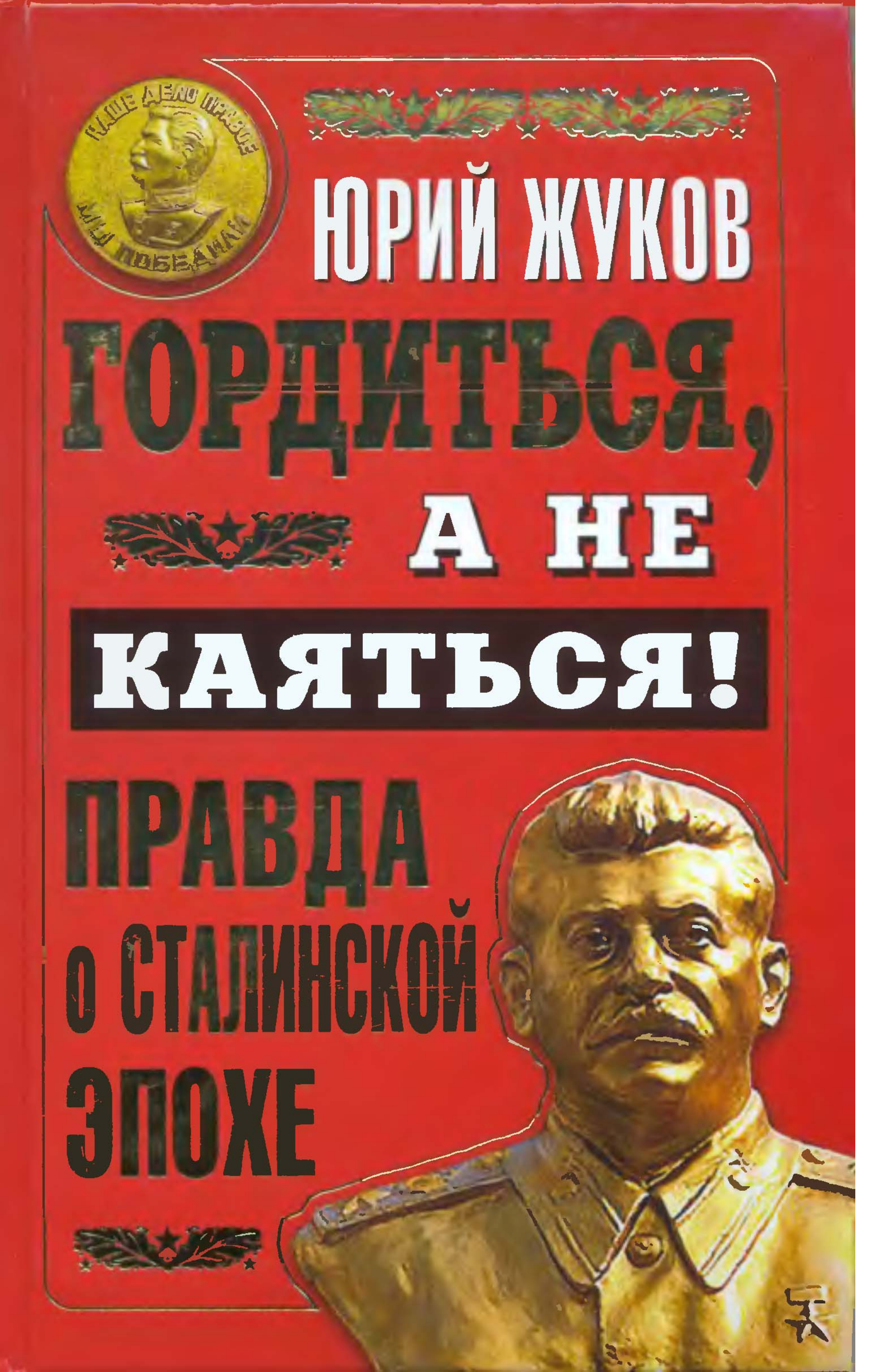

ЮРИЙ ЖУКОВ
ГОРДИТЬСЯ,
А НЕ
КАЯТЬСЯ!
ПРАВДА
О СТАЛИНСКОЙ
ЭПОХЕ

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ
МЫ ПОБЕДИЛИ

ЮРИЙ ЖУКОВ

Гордиться, а не каяться!

ПРАВДА О СТАЛИНСКОЙ ЭПОХЕ

МОСКВА
2011

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
Ж 86

Оформление серии *С. Курбатова*

Жуков Ю. Н.
Ж 86 Гордиться, а не каяться! Правда о Сталинской эпохе / Юрий Жуков. — М. : Яуза : Эксмо, 2011. — 256 с. — (Сталинист).

ISBN 978-5-699-46904-8

Новый проект от автора бестселлера «Настольная книга сталиниста». Ошеломляющие открытия ведущего исследователя Сталинской эпохи, который, один из немногих, получил доступ к засекреченным архивным фондам Сталина, Ежова и Берии. Сенсационная версия ключевых событий XX века, основанная не на грязных антисоветских мифах, а на изучении подлинных документов.

Почему Сталин в отличие от нынешних временщиков не нуждался в «партии власти» и фактически объявил войну партократам? Существовал ли в реальности заговор Тухачевского? Кто променял нефть на Родину? Какую войну проиграл СССР? Почему в ожесточенной борьбе за власть, разгоревшейся в последние годы жизни Сталина и сразу после его смерти, победили не те, кого сам он хотел видеть во главе страны после себя, а самозваные лже-«наследники», втайне ненавидевшие сталинизм и предавшие дело и память Вождя при первой возможности? И есть ли основания подозревать «ближний круг» Сталина в его убийстве?

Отвечая на самые сложные и спорные вопросы отечественной истории, эта книга убедительно доказывает: что бы там ни врали враги народа, подлинная история СССР дает повод не для самобичеваний и осуждения, а для благодарности — **оглядываясь назад, на великую Сталинскую эпоху, мы должны гордиться, а не каяться!**

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-46904-8

Глава 1

Россия и СССР. Тайны власти

ТАК БЫЛ ЛИ «ЗАГОВОР ТУХАЧЕВСКОГО»?[1]

Историки уже давно занимаются изучением того мрачного и кровавого периода нашей истории, который начался с убийства Кирова и завершился принятием трех постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) и циркулярной телеграммой Молотова и Сталина, фактически остановивших вакханалию массовых репрессий в ноябре 1938 г. Начнем с того, что самым важным остается вопрос: почему именно выстрел в Смольном 1 декабря 1934 г. стал, как принято считать, поводом для начала устранения Сталиным своих политических противников, в том числе и высшего комсостава РККА?

Если принять во внимание то, на чем даже сегодня упорно настаивают все последовательные антисталинисты безотносительно своей нынешней партийной принадлежности, а именно патологические черты характера Сталина, его постоянный и безосновательный страх за свою жизнь, то следует оценить два события, которые часто описываются публицистами, но полностью игнорируются историками. Два события, позволявшие Сталину начать ликвидацию своих противников более чем на год раньше выстрела Николаева.

---

[1] Публикуется по: Отечественная история, № 1, 1999 г.

18 августа 1933 г. у Сталина начался очередной отпуск, который он решил использовать для ознакомительной поездки по стране. Из Москвы он выехал поездом, в вагоне «особой нормы», в Нижний Новгород. Там пересел на теплоход «Клара Цеткин» и направился к Сталинграду. Четыре дня путешествия в компании с К.Е. Ворошиловым, А.А. Ждановым и начальником оперативного отдела ОГПУ К.В. Паукером пролетели незаметно. Столь же приятной оказалась и поездка автомобилем от Сталинграда до Сальска с посещением воинской части и конного завода, где в роли хозяина выступал инспектор кавалерии РККА С.М. Буденный. От Сальска через Тихорецкую до Сочи Сталин и Ворошилов снова ехали поездом.

25 августа, в 23 часа 55 минут, они прибыли в Сочи, а спустя примерно час выехали на «бюике» Сталина на одну из правительственных дач — «Зеленую рощу» близ Мацесты. Но при проезде через небольшой Ривьерский мост в самом центре Сочи произошло то, что ныне на милицейском языке именуется дорожно-транспортным происшествием. На «бюик», в котором сидели Сталин с Ворошиловым, налетел грузовик. Охрана, находившаяся во второй машине, немедленно открыла стрельбу. Испуганный более других всем происходившим шофер грузовика — некий Арешидзе, изрядно выпивший перед злополучным рейсом, тут же скрылся. После непродолжительной задержки Сталин и Ворошилов поехали дальше, а на следующее утро в Сочи были приняты экстраординарные меры: по улицам было расклеено постановление горисполкома, ужесточившее правила дорожного движения, а все без исключения шоферы обязаны были незамедлительно пройти перерегистрацию и заодно дать подписку о том, что готовы нести самую строгую ответственность за любые нарушения новых правил.

Месяц спустя, 23 сентября, Сталин, уже перебравшийся на другую дачу — «Холодную речку» близ Гагры, решил совершить морскую прогулку. В 13 часов 30 минут катер «Красная звезда» отвалил от причала и взял курс на юг к мысу Пицунда, где Сталин и сошел на берег. После пикника он отправился назад, но разыгравшаяся непогода, поднявшая сильную волну, затянула возвращение на два часа. Уже при подходе к Гагре, примерно в 17 часов, катер был внезапно обстрелян с берега из винтовки. Однако пули легли в воду, и на борту никто не пострадал.

Поздним вечером из Тбилиси в Пицунду прибыли Берия и Гоглидзе, которые, согласно бытующей и поныне легенде, якобы инсценировали это покушение, чтобы Берия смог прикрыть собою любимого вождя и доказать тем самым свою безграничную ему преданность. На деле же Берии пришлось доказывать свою непричастность к этому инциденту и вместе с Гоглидзе и Власиком, отвечавшим в то время за охрану высших должностных лиц страны, отдыхавших на Черноморском побережье Кавказа, проводить расследование случившегося. Спустя два дня до истины удалось докопаться. Установили, что была допущена преступная небрежность: пограничный пост не был информирован о задержке катера, и командир отделения Лавров, проявив излишнюю инициативу, сделал положенные по уставу три предупредительных выстрела по неожиданно появившемуся в закрытой зоне «неизвестному» кораблю.

Как ни странно, Сталин даже не пытался представить все случившееся как возможные террористические акты и не вмешивался в ход расследования. Однако он коренным образом изменил свое отношение к такого рода событиям после убийства Кирова, да и то далеко не сразу. К такому выводу заставляют прийти весьма существенные факты, не привлекшие внима-

ния ни одной из трех специальных комиссий, создававшихся ЦК КПСС для расследования обстоятельств смерти Кирова.

Факт первый. Ровно через пятнадцать минут после рокового выстрела в Смольном, когда сам убийца, Николаев, еще находился в глубоком обмороке, на Литейном, 4, — в управлении НКВД по Ленинграду и Ленинградской области — начался допрос его жены, Милды Драуле, которая, по одной из версий, была в близких отношениях с Кировым и 1 декабря тоже находилась в Смольном. Почему это было сделано и что рассказала чекистам несчастная женщина, до сих пор неизвестно.

Факт второй. Допросы Николаева начались поздно вечером 1 декабря, только после того, как за два с лишним часа врачи сумели вывести его из коматозного состояния. Поначалу допросы вел сам начальник управления НКВД по Ленинграду и области Ф.Д. Медведь, понуждавший убийцу признать, что стрелять в Кирова его заставила неудовлетворенность своей жизнью. Только это и ничто другое. Однако Николаев не подписал ни одного протокола допросов 1 и 2 декабря.

Факт третий. После суточного перерыва (можно лишь предполагать, для чего его использовали), уже после приезда в Ленинград Сталина, ведение допросов передали Я.С. Агранову — первому заместителю наркома внутренних дел. Тот сначала настойчиво внушал Николаеву, что его вынудили совершить убийство Кирова троцкисты в политических целях, а затем заставил убийцу признать, что «направляли» его зиновьевцы.

Факт четвертый. Уже после появления закрытого письма ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 г. «Уроки событий, связанных со злодейским убийством С.М. Кирова», в закрытом письме по НКВД от 26 января нарком Г.Г. Ягода отмечал: и в ленинградском управлении

наркомата, и в самой службе охраны, являвшейся тогда частью оперативного отдела ГУГБ, царили «преступная бездеятельность», «благодушие», «самоуспокоенность». И если бы, делал вывод Ягода, служба охраны действовала «строго по инструкции», то убийства не произошло бы.

Теперь об ином аспекте данной проблемы. Начиная с широко освещавшегося в печати первого открытого процесса над Зиновьевым и Каменевым (15—16 января 1935 г.), на протяжении двух последующих лет, когда осуществлялись аресты большинства представителей «ленинской гвардии» и начались повторный процесс над Каменевым (10 июля 1935 г.) и большой процесс над «троцкистско-зиновьевским центром» (19—24 августа 1936 г.), всем, кого уже судили и кого лишь допрашивали после ареста, предъявлялось одно и то же обвинение: подготовка терактов против руководителей партии и правительства. Если учесть, что именно тогда политический терроризм, проводимый нацистской Германией, стал страшной реальностью, оказывая необходимое Гитлеру воздействие на ситуацию в Европе (убийства румынского премьера Иона Дука, австрийского канцлера Дольфуса, югославского короля Александра, французского министра иностранных дел Жана Барту), то обвинения, предъявленные представителям «правой» и «левой» оппозиций в ВКП(б), требовали незамедлительного принятия соответствующих мер в самом НКВД. Однако практически два года после убийства Кирова служба охраны высших должностных лиц СССР оставалась без изменений.

Она была образована в октябре 1920 г. как специальное отделение при президиуме коллегии ВЧК и насчитывала всего 14 сотрудников, которыми до 1928 г. руководил А.Я. Беленький. В 1930 г. спецотделение (к тому времени немногим более 100 человек) вошло в

состав оперативного отдела ОГПУ — НКВД, получив в качестве шефа (по совместительству) К.В. Паукера. Численный рост сотрудников объяснялся просто: если в конце 1920 г. они должны были обеспечивать безопасность только Ленина, Троцкого и Дзержинского, то к середине 30-х гг. охраняли уже пятнадцать членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (они же были и руководителями СНК СССР). И только с приходом на пост наркома внутренних дел Ежова 28 ноября 1936 г. в структуре ГУГБ образовали самостоятельный, состоявший из 24 отделений отдел охраны, начальником которого назначили все того же К.В. Паукера.

Единственной структурой, также связанной с охраной, но не только и не столько высших должностных лиц страны, сколько ЦИК СССР, ВЦИК, СНК СССР и РСФСР, на которой незамедлительно отразилось убийство Кирова, стало управление коменданта Московского Кремля (УКМК). Созданное в марте 1918 г., сразу же после переезда советского правительства из Петрограда в Москву, оно находилось в своеобразном двойном подчинении. Юридически оно подчинялось президиуму ВЦИК (затем ЦИК СССР) в лице А.С. Енукидзе, фактически — Реввоенсовету республики (затем наркомату обороны). При этом все сотрудники УКМК были военнослужащими, а не чекистами. И только 14 февраля 1935 г. в УКМК ввели дополнительную должность — второго заместителя коменданта по внутренней охране — сотрудника НКВД, подчинявшегося все тому же Паукеру. Лишь год спустя, 28 января 1936 г., УКМК передали из НКО в НКВД на правах отдела ГУГБ, подчинив напрямую наркому Ягоде.

Заслуживает самого пристального внимания и судьба того, кто пятнадцать лет был комендантом Кремля, — Р.А. Петерсона — человека, бесспорно, близкого Троцкому. В годы Гражданской войны он был началь-

ником сводного отряда (личной охраны) Троцкого и знаменитого бронепоезда председателя Реввоенсовета. Затем, в апреле 1920 г., Петерсона по требованию Троцкого назначили комендантом Кремля вместо уволенного «по собственному желанию» П.Д. Малькова. Заметим, что свой важный пост Петерсон потерял не из-за близости к Троцкому, и не тогда, когда практически всех видных троцкистов в административном порядке отправили в ссылку, а семь лет спустя, в апреле 1935 г., когда КПК ВКП(б) вынес ему выговор «за отсутствие большевистского руководства подчиненной комендатурой». Приказом по личному составу НКО Петерсона перевели из Москвы в столицу УССР, назначив помощником командующего войсками Киевского военного округа по материальному обеспечению.

У читателя, наверное, давно уже возник вопрос: а какое все это имеет отношение к разгадке дела Тухачевского? Как покажут факты, о которых речь пойдет ниже, — самое прямое.

Более чем запоздалые меры по усилению охраны руководителей партии и государства заставляют нас признать два весьма существенных обстоятельства. Во-первых, начиная массовые политические репрессии и использовав в качестве предлога для этого убийство Кирова, ни Сталин, ни его ближайшие сподвижники не верили в те обвинения, которые сами же предъявляли своим противникам. Во-вторых, они явно не беспокоились за свою безопасность и не опасались терактов как результата «левого», «правого» или «лево-правого» заговора, который угрожал бы их положению. И все же один «заговор» Сталина действительно беспокоил. В самом начале 1935 г. он получил донос от одного из очень близких к нему людей, поверил ему и поручил расследование дела, вскоре получившего кодовое название «Клубок», персонально Г.Г. Ягоде.

Согласно доносу, комендант Кремля Петерсон совместно с членом президиума и секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе при поддержке командующего войсками Московского военного округа А.И. Корка из-за «полного расхождения» со Сталиным «по вопросам внутренней и внешней политики» якобы составили заговор с целью отстранения от власти Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе. Они намеревались затем создать своеобразную военную хунту, выдвинув на роль диктатора замнаркома обороны М.Н. Тухачевского или В.К. Пугну — тогда военного атташе в Великобритании. Арест высшего руководства страны предполагалось осуществить силами кремлевского гарнизона по приказу Петерсона на квартирах «пятерки», или в кабинете Сталина во время какого-нибудь заседания, или — что считалось наилучшим вариантом — в кинозале на втором этаже Кавалерского корпуса Кремля. Участники «заговора» якобы считали, что для проведения переворота потребуется не более 12—15 человек, но абсолютно надежных и готовых на все.

Результаты еще не самого следствия, которое только начали, а лишь доноса не заставили себя ждать. Уже 3 марта 1935 г. со всех постов был снят Енукидзе, а в начале июня на Пленуме ЦК ВКП(б) его вывели из состава ЦК и исключили из партии. Затем был переведен в Киев Петерсон, а еще через три месяца, 5 сентября, решением Политбюро, внесенным только в «особую папку», освободили от должности командующего МВО Корка, назначив его начальником Военной академии имени Фрунзе. Примерно тогда же его заместителя Б.М. Фельдмана перевели в центральный аппарат НКО, подальше от подчиненных ему тогда воинских частей, а командующего ПВО РККА М.Е. Медведева, на чью весьма косвенную причастность к заговору донос только намекал, вообще отправили в от-

ставку. На этом в 1935 г. первое действие драмы «Клубок» завершилось, хотя вслед за ним и последовала весьма странная интермедия — мало кем ныне вспоминаемое фиктивное дело «контрреволюционной террористической группы в Кремле»: процесс 10 июля 1935 г. над Л.Б. Каменевым, его женой (сестрой Троцкого) О.Д. Каменевой — в прошлом заведующей театральным отделом Наркомпроса, а потом председателем ВОКС, братом Каменева — Розенфельдом, заведовавшим кремлевской библиотекой, а также неким Чернявским — единственным, приговоренным к расстрелу, и еще 35 мелкими служащими различных кремлевских учреждений, признанными «участниками» террористической группы.

До поры до времени основных фигурантов по делу «Клубок» не трогали. Всерьез занялись ими только в начале 1937 г., т.е. уже после того, как Ежов сосредоточил в своих руках поистине огромную власть. Первым 11 февраля 1937 г. арестовали руководителя «заговора» А.С. Енукидзе. Это произошло в Харькове, где он тогда работал в скромной должности. 29 марта вслед за ним взяли Г.Г. Ягоду — уже как руководителя самостоятельного «заговора в НКВД», стремившегося затянуть расследование по делу «Клубок». 27 апреля в Киеве арестовали Петерсона. И вот тогда-то произошло самое загадочное. Уже в момент обыска Петерсон написал покаянное письмо на имя Ежова. Он добровольно признался и в самом «заговоре», в своем активном участии в нем, заодно назвав всех «соучастников» — Енукидзе, Корка, Тухачевского и Путну.

С этого момента следствие, а вместе с ним и аресты новых лиц пошли одновременно по трем линиям. По делу «Клубок» проходили Енукидзе, Петерсон, Корк, Медведев, Фельдман, Тухачевский, Путна и Якир, при котором последние два года служил Петерсон. В «заго-

воре в НКВД» оказались замешанными бывший нарком Г.Г. Ягода, его заместитель Г.Е. Прокофьев, начальник особого отдела ГУГБ М.И. Гай (призванный по должности обеспечить лояльность армии), начальник отдела охраны К.В. Паукер, его заместитель по оперативному отделу З.И. Волович. По делу о «военном заговоре» арестовали еще в августе 1936 г. В.М. Примакова и В.К. Путну, а в конце мая 1937 г. — М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, М.Е. Медведева, Б.М. Фельдмана, А.И. Корка, Я.Б. Гамарника. И здесь бросается в глаза одна, казалось бы, странная деталь: большинство военачальников проходило одновременно по двум, вроде бы не связанным между собой (если верить официальной версии) «делам». Чем это было вызвано? Невольно напрашивается самое простое объяснение. Процесс над высшим комсоставом РККА мог служить своеобразным прикрытием иного расследования, которое велось в «особом порядке» и в полной тайне. Подтверждением тому служит хотя бы то, что, рассказывая о раскрытии «заговора» в НКО, Ворошилов и Сталин почему-то сочли необходимым (либо просто проговорились) упомянуть Енукидзе. Случайность?

Таковы факты. Однако и они не позволяют сделать окончательных выводов. Ведь мы до сих пор лишены возможности познакомиться с документами, хранящимися в Президентском архиве и в ЦА ФСБ, все еще остающимися под грифом «совершенно секретно». Помогут ли они прояснить проблему, если их когда-нибудь сделают доступными исследователям? Честно говоря, даже в этом приходится сомневаться. Ведь некоторые документы в свое время были уничтожены (пример тому — 130 листов, изъятых «по акту» из дела Енукидзе), а иные никогда и не существовали, поскольку многие решения принимались устно и никогда не фиксировались.

И все же оснований для пессимизма нет. Ведь существуют и иные пути расследования исторических тайн. Но для этого нужно резко расширить область поисков. И главное — решительно отказаться от ставших традиционными представлений, порожденных «секретным» докладом Хрущева на XX съезде КПСС и разоблачениями, сделанными на XXII съезде КПСС, ставшим всего лишь новой формой непрекращавшейся политической борьбы за власть, за монопольное право узкого руководства решать судьбы страны.

До сих пор, рассматривая проблему массовых репрессий (в том числе и в РККА), подавляющее большинство историков объясняло происходившее в 1934—1938 гг. маниакальной подозрительностью Сталина, его садистскими наклонностями. К этому добавляли личностные характеристики Ягоды, Ежова, а потом и Берии. Поступать так было очень удобно, ибо, найдя нескольких виноватых, можно было сделать их, и только их, ответственными за страшную трагедию нашей страны. Поэтому при обращении к событиям 1934—1938 гг. все внимание до сих пор концентрировалось лишь на самих репрессиях — числе жертв, незаконности методов ведения следствия, описании бесчеловечных условий, существовавших в ГУЛАГе. Жизнь же страны во всей ее полноте и многообразии сознательно исключалась из исторического контекста. А ведь с этим исчезает и наиболее плодотворная методика — системный анализ, предусматривающий выявление, сопоставление и поиск взаимосвязи всех без исключения фактов в их максимально возможной полноте. Между тем, по моему твердому убеждению, только обращение к анализу внешней и внутренней политики СССР даст нам возможность приблизиться к истине.

Теперь позволю себе перейти к основному — к собственной контргипотезе, к тому, что, по-моему, и породило события 1934—1938 гг.

27 марта 1933 г. Япония, ссылаясь на несогласие с выводами комиссии Литтона, признавшей незаконной оккупацию японскими войсками Маньчжурии и создание там марионеточного образования Манчжоу-го, демонстративно вышла из Лиги Наций. Семь месяцев спустя аналогичное решение приняла и нацистская Германия. Правда, она мотивировала свой поступок довольно своеобразно — отказом Лиги Наций отменить военные статьи Версальского договора. Все это принципиально изменило ситуацию в мире и изменило к худшему, продемонстрировав явную агрессивность Японии и Германии, их готовность противопоставить себя мировому сообществу и решимость пойти на все, вплоть до развязывания новой мировой войны. Для Советского Союза это создавало угрозу военного нападения, причем возможно сразу и с запада, и с востока.

26 января 1934 г. было подписано германо-польское соглашение, зафиксировавшее отказ Варшавы от ориентации на Париж, отход от Локарнского договора 1925 г., включавшего в себя и франко-польские взаимные гарантии, обеспечивавшие их границы с Германией. Для СССР германо-польское соглашение было чем-то гораздо бóльшим, нежели крах Версальской системы. Оно означало, что наиболее протяженный участок советской западной границы в любой момент мог стать воротами для немецкой агрессии, ибо ни Гитлер, ни его партия не скрывали своего воинствующего антибольшевизма и стремления любой ценой возобновить «дранг нах остен» ради расширения «жизненного пространства» Германии.

Первой на кардинально изменившуюся ситуацию отреагировала Франция, предложившая Германии вернуться в Лигу Наций. Однако Берлин 16 апреля ответил на это практически отказом, обусловив принятие парижских рекомендаций согласием всех великих держав

на увеличение численности вермахта со 100 до 300 тыс. человек. Обострение положения, растущая агрессивность Берлина и нежелание Лондона вмешиваться в события на континенте вынудили главу французского правительства Думерга и министра иностранных дел Барту выступить с идеей создания Восточного Локарно — сугубо оборонительного, в рамках Лиги Наций, союза Франции с Польшей, Чехословакией, Румынией и Югославией при непременном участии СССР. Москва, достаточно трезво оценив и положение в Европе, и свою обороноспособность, выразила полное согласие с предложением Парижа. 18 сентября СССР при поддержке Франции официально вступил в Лигу Наций. И все же план Думерга — Барту так и не стал реальностью. 28 сентября Варшава объявила о нежелании участвовать в Восточном Локарно. Мало того, Польша прозрачно намекнула на свое одобрение возможного раздела Чехословакии между Германией и Венгрией.

Новая расстановка сил на международной арене привела к расколу политиков Франции, Великобритании, Румынии и Югославии на тех, кто готов был попустительствовать Германии, уже открыто заявившей о своих притязаниях на Австрию и Чехию, ради того, чтобы любой ценой (но, разумеется, за чужой счет) избежать участия в войне, и на тех, кто пытался противостоять агрессивным замыслам Берлина и создать для этого систему коллективной безопасности, заключив для начала франко-чехословацкий, франко-советский и советско-чехословацкий пакты.

Нет никаких оснований категорически утверждать, что подобный раскол не затронул и советское руководство, разделив его на сторонников и противников системы коллективной безопасности, сохранения или расторжения десятилетних дружественных отношений с Германией. Для такого раскола была и еще одна потен-

циальная причина, связанная с намерениями Сталина, Молотова и некоторых других членов Политбюро отказаться от прежней Конституции, провозглашавшей диктатуру пролетариата, лишение гражданских прав значительной части населения страны по классовому принципу и многоступенчатую систему выборов, а в итоге — противостояние СССР всему миру капитализма. И далеко не случайно, что проявились эти разногласия именно в первой половине 1934 г., в частности в дискуссии с Зиновьевым на страницах журнала «Большевик».

Большевики из «ленинской гвардии», большевики-«фундаменталисты» не могли легко отказаться от своих убеждений и приверженности марксистско-ленинской доктрине. А толчком для размежевания внутри политической элиты СССР должно было послужить вступление Советского Союза в Лигу Наций, стремление заключить оборонительные договоры с Францией и Великобританией против союзника СССР со времен Рапалло — Германии.

Как можно полагать, совсем не случайно выступление Молотова 1 февраля 1935 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) о необходимости создать новую Конституцию последовало только после первого процесса над Каменевым и Зиновьевым. Процесса, который ограничился (как, впрочем, и второй процесс над Каменевым в июле того же года) весьма мягким приговором. Скорее всего, такая мера должна была послужить предупреждением всем, кто готов был выступить против смены курса страны. Добавим к этому еще один факт. Последний, VII, конгресс Коминтерна состоялся в августе того же 1935 г. и призвал коммунистов отказаться от самоизоляции, перейти к тактике широких народных фронтов с участием не только социал-демократов, но и вообще всех без исключения антифашистов. Но произошло это лишь после того, как были заключены договоры СССР с Францией

(2 мая 1935 г.) и с Чехословакией (16 мая), а также после переговоров, которые вели в Париже В.П. Потемкин, а в Москве с прибывшим с официальным визитом новым премьером Франции Лавалем И.В. Сталин, М.М. Литвинов, К.А. Уманский (небезынтересная деталь: трех названных советских дипломатов репрессии, вскоре обрушившиеся на НКИД, не затронули).

Нельзя исключить, но пока только как возможную версию, что открытые политические «московские» процессы 1935—1938 гг. стали варварской, азиатской формой разрешения реальных, хотя и до предела скрытых разногласий в среде советского руководства по вопросам внешней и внутренней политики. Уж слишком очевидны временные совпадения репрессий, «московских» процессов, подготовки и принятия «сталинской» Конституции и попыток создания системы коллективной безопасности. Напомним, что и создание службы охраны произошло накануне принятия новой Конституции, а это значит, что именно в это время высшее руководство партии и государства почувствовало реальную угрозу своему положению, а может быть, и жизни.

Разумеется, данная гипотеза нуждается в серьезной проверке на базе новых документов. При этом необходимо отрешиться от использования таких понятий, как «заговор», «подготовка переворота», «подготовка терактов», «шпионаж», «диверсии» и т.п.

Мне представляется, что версия о каком-то особом «заговоре Тухачевского» неубедительна. Как показано в книге В.З. Роговина «1937» (с. 364—375), у Сталина было достаточно причин для чистки комсостава РККА и без всякого «заговора» (известная независимость высших красных командиров от сталинского диктата, наличие среди них многих бывших сторонников Троцкого, разногласия по поводу советской военной доктрины, отношение к наркому Ворошилову, зависть Сталина к Туха-

чевскому и т.д.). Кроме того, трудно предположить, что в ходе «чистки» не было бы выявлено каких-либо фактов, связанных с «заговором», если бы он действительно существовал, так как переворот в Кремле требовал участия десятков и сотен людей. Я уже не говорю о чисто технических трудностях устранения диктатора при существовавшей тогда системе его охраны.

ХОЗЯИН ДЕМОКРАТИИ[1]

Первые альтернативные выборы в СССР должны были состояться в 1937 году. Но инициатива Сталина обернулась массовыми репрессиями

Экономический кризис, обрушившийся на мир в октябре 1929 г., не только бросил Германию во власть нацизма, но и превратил в утопию твердое убеждение коммунистов-ортодоксов, что пролетарская революция обязательно победит в промышленно развитых странах Европы. К сожалению, новую международную ситуацию в Советском Союзе осознали очень немногие. Прежде всего те, кого недавний вождь Коминтерна Григорий Зиновьев и его соратник Лев Каменев называли «центристской группой» — Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе. Да еще и убежденные их идеологические союзники — нарком иностранных дел Литвинов, Прокурор Союза ССР Вышинский.

Сталин и его окружение весьма своевременно, как показали последующие события, осознали пагубность продолжения прежнего левого курса. Исхо-

---

[1] Публикуется по: Политический журнал, № 7, 1 марта 2004 г.

дили они в своих оценках и прогнозах не из умозрительных построений, выводимых из теории марксизма, а основывались на очевидных фактах. Знали по личному опыту: большевистская партия весьма своеобразна, отличается от парламентских партий. Она создавалась в условиях подполья с одной-единственной задачей: захватить власть и удержать ее в жестокой борьбе с противниками. Отсюда-то и все три программы партии, и ее устав с беспрекословной дисциплиной, так называемым «демократическим централизмом». И другая основа основ: «жесткая вертикаль» партийной структуры. Все это имело смысл сохранять в неприкосновенности лишь до тех пор, пока теплилась надежда на скорый приход мировой пролетарской революции. Рассматривали большевистскую партию СССР исключительно как «штаб», «арсенал» все той же мировой революции. Не столько подменяли Коминтерн, сколько действовали только для него, во имя его.

Теперь же, трезво осознав нереальность победы пролетариата в развитых европейских странах, во всяком случае, в ближайшие десятилетия, прагматическая «центристская группа» Сталина оказалась перед необходимостью реформировать партию коренным образом, поскольку она не соответствовала задачам мирного строительства.

Заодно следовало освободиться и от партократии — первых секретарей крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий. Все эти истинные революционеры обладали одним недостатком, ранее не игравшим особой роли, но теперь ставшим решающим: почти никто из них не имел даже среднего образования. Они обладали практически неограниченными полномочиями в подведомственных краях и областях. Почти сразу же эти первые

секретари чуть ли не автоматически стали и членами высшего органа партии, ее Центрального Комитета.

Полуграмотные, они брались руководить строительством металлургических комбинатов, тракторных, автомобильных, авиационных заводов и их пуском. Их промахи всегда можно было переквалифицировать в уголовно наказуемую преступную халатность.

ПЕРВЫЙ ХОД СТАЛИНА

Поворот предстоял слишком крутой. Поэтому сталинская группа растянула информационную подготовку политических реформ чуть ли не на 2 года. Да и начала с самого очевидного.

Уже с XVII съезда ВКП(б), состоявшегося в январе 1934 г., центристы не уставали твердить: да, Советский Союз уже не тот, каким был всего десять лет назад. Действительно, в стране произошли чуть ли не тектонические сдвиги. Но цель — социализм — все еще достаточно далека. К тому же возникла реальная угроза войны на два фронта. На Западе — с нацистской Германией. На Востоке — с Японией, которая оккупировала китайскую Маньчжурию и вышла к советской границе. Сталину было очевидно, что воевать в одиночку Советский Союз не сможет. А потому необходимо срочно было найти союзников. Разумеется, среди тех западных демократий, которым Германия и Япония также угрожают.

В январе 1934 г. все советские газеты поместили заявление Сталина о том, что СССР готов вступить в Лигу Наций. Ту самую, которую совсем недавно он же вслед за Лениным, Троцким, Зиновьевым, Бухариным клял как «замаскированный союз великих держав, присвоивших себе право распоряжаться судьбами более слабых народов».

Почти одновременно, на XVII съезде в отчетном докладе, Сталин неожиданно произнес немыслимую прежде, воистину крамольную для большевика фразу: «Мы ориентировались в прошлом, ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР». Правда, «прошлое» здесь было явно риторическим приемом. Всем слишком хорошо была известна интернационалистская ориентация страны на пролетарскую революцию.

РАНЬШЕ СКАЗАТЬ ТАК МОГ ЛИШЬ АНТИКОММУНИСТ

Ответ на вызов последовал лишь через полгода, да еще и в довольно завуалированной форме. Журнал «Большевик» опубликовал в августовском номере статью Зиновьева, десять лет возглавлявшего Коминтерн. Григорий Ефимович открыто не опровергал взглядов Сталина. Поступил иначе. Он утверждал: «Предотвратить новую войну может только победа пролетарской революции». И пояснил, что начнется она в ближайшее время. Во Франции. И чуть ли не мгновенно перекинется в Англию, Германию, Австрию. Потому и не нужно бороться против угрозы войны с помощью дипломатии, модернизируя вооружение СССР. Следует всемерно поддерживать, постоянно усиливая, подпольную работу Коминтерна.

Вот теперь-то у партии появилась возможность выбора. Вся целиком или силами лишь влиятельной группы она могла поддержать одно из двух предложений. Разумеется, с непременными «оргвыводами» — устранением из политической жизни либо Сталина, либо Зиновьева. Но партия, вернее — партократия, промолчала.

Верно расценив молчание, Сталин сделал следующий ход. В октябре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций. А спустя два месяца гражданам Советского Союза было сообщено о начале переговоров с Францией и Чехословакией о заключении Восточного пакта — антигерманского оборонительного союза, к которому, как предполагали в Париже, Праге и Москве, в ближайшее время присоединится и Великобритания. И по составу участников, и по целям Восточный пакт ничем не отличался от Антанты, которая в свое время предприняла интервенцию против революционной республики.

Во внутренней политике для сталинской группы на очереди стояло реформирование политической системы. Для начала — кардинальный пересмотр Конституции. Не просто Основного закона страны, но еще и образца того строя, который после победы пролетарской революции должен восторжествовать во всем мире. Во всяком случае, так полагал Бухарин.

В мае 1934 г. Сталин обратился к секретарю президиума Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР Енукидзе с просьбой подготовить проект «изменений и дополнений Конституции», в котором потребовал устранить все то, что пропагандировалось как суть советской системы, ее отличие от буржуазного парламентаризма: привилегированные права рабочих по сравнению с крестьянами, существование «лишенцев» — лиц, лишенных избирательных прав из-за своего происхождения (дворяне, дети жандармов, генералов) либо социального положения (нэпманы, кулаки, священнослужители). Взамен же ввести систему всеобщих, равных, прямых, тайных выборов.

Таких, которых еще не знала страна. Ни до, ни после революции.

Енукидзе обманул доверие. Затягивал выполнение поручения. И представил свой вариант проекта только в январе 1935 г. Пошел в нем лишь на введение выборов прямых и равных. Не более. Вынудил тем Сталина обратиться за помощью и поддержкой к Молотову.

Вячеслав Михайлович не подвел. В день открытия VII съезда Советов СССР он заявил о необходимости «сотрудничества двух противоположных систем». А накануне завершения работы съезда, 6 февраля 1935 г., сказал о самом важном — о предстоящем радикальном пересмотре Конституции, включая и избирательную систему, и избрании в ближайшем будущем на ее основе «советских парламентов в союзных республиках и общесоюзного советского парламента». Разумеется, путем всеобщих, равных, прямых и тайных выборов.

И вновь молчаливое большинство, партократия, не решилось выступить против. Согласилось сформировать конституционную комиссию, и только.

5 марта 1936 г. советские газеты опубликовали интервью, которое Сталин дал известному американскому журналисту Рою Говарду. В ответ на вопрос, может ли новая избирательная система изменить положение, коли в СССР всего одна партия, он сказал: «Избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации... Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

Такого объяснения оказалось достаточно, чтобы до смерти напугать партократию.

В мае 1936 г. новый вариант Конституции был готов. Он разительно отличался от прошлого Основного закона, принятого в 1924 г. В проекте отсутствовала та самая пресловутая преамбула, которая предельно открыто выражала леворадикальный курс страны и противопоставляла СССР всем остальным государствам. Она гласила: после Октября мир распался на два враждебных лагеря — социализма и капитализма; они непременно сойдутся в вооруженной борьбе, что неминуемо завершится созданием мировой Социалистической Советской Республики. Это положение исчезло. Зато появились иные выражавшие суть политических реформ Сталина. Прежде единая, одновременно законодательная и исполнительная, власть делилась на две ветви: законодательную — на высшем уровне ее представлял Верховный Совет СССР, который формировал подотчетное ему правительство, и исполнительную. Слово «социалистический» использовалось всего лишь в трех статьях, компартия упоминалась только раз, да и то в 126-й статье — как «ядро» организаций трудящихся. Зафиксировал проект и новые принципы избирательной системы.

Дело оставалось за «малым». Сначала принять новую Конституцию, а затем в полном соответствии с мировой практикой и закон о выборах. Партократия — ЦК в полном составе, подавляющая часть съезда Советов — не голосовала «против», не возражала, не сопротивлялась. Просто объявила «итальянскую забастовку»: затягивала окончательное решение как могла. На Пленуме, собранном в июне 1936 г., очень ловко отклонила настойчивое пожелание Сталина и Молотова собрать для принятия Конституции съезд Советов в октябре — не позже ноября, утвердить закон о выбо-

рах и провести выборы в Верховный Совет в декабре того же года. Сталину и Молотову объяснили, что осенью нужно собирать урожай, а не обсуждать проект Конституции.

Чрезвычайный VIII съезд Советов открылся в конце ноября. Текст Основного закона практически не обсуждали. Просто проголосовали «за». Насторожились, только когда Молотов стал разъяснять суть предстоящих выборов. Оказалось, что новая избирательная система должна выдвинуть «новые силы на смену отсталым обюрократившимся элементам». Более того, «при новом порядке выборов не исключается возможность выборов кого-либо и из враждебных элементов, если там или тут будет плоха наша агитация и пропаганда... Но и эта опасность в конце концов должна послужить на пользу дела».

5 декабря 1936 г. новая Конституция была принята, но вопрос о дате принятия закона о выборах и дате их проведения повис в воздухе. Партократия поняла, что согласие на альтернативные, или, как их тогда называли, состязательные, выборы грозит ей потерей позиций. Мало того, по неписаным правилам лишение мандата депутата Верховного Совета означало освобождение от партийной должности.

В том, что все будет происходить именно так, уже не оставалось сомнений. Ведь не случайно же Жданов на очередном Пленуме в феврале 1937 г. предупредил: «Наши партийные органы должны быть готовы к избирательной борьбе. При выборах нам придется иметь дело с враждебной агитацией и враждебными кандидатами... Тайное голосование представляет гораздо более широкие возможности отвода нежелательных и неугодных с точки зрения масс кандидатур, чем это было до сих пор». Да еще Сталин прямо заявил на Пленуме: «У нас некоторые товарищи думают, что если он нар-

ком, то он все знает. Думают, что чин сам по себе дает очень большое, почти исчерпывающее знание. Или думают: если я член ЦК, стало быть, не случайно я член ЦК, стало быть, я все знаю».

Теперь партократия больше не могла оттягивать принятие решения. С одной стороны, одобрение избирательного закона, предложенного от имени сталинской группы, было равносильно самоубийству. С другой — отклонить проект тоже было невозможно. Сталин уже продемонстрировал всем противникам политических реформ в ЦК, что их может ждать в подобном случае. Далеко не случайно открытие всех последних Пленумов сопровождалось ультимативными требованиями вывести из высшего органа партии без объяснения причин тех, кого уже арестовали.

Вполне возможно, такие подчеркнуто репрессивные действия Сталина и подсказали партократам идеальный выход из положения. Накануне закрытия Пленума первый секретарь Новосибирского обкома Роберт Эйхе обратился в Политбюро с просьбой. Напомнил, что на вверенной его попечению территории не так давно «вскрыта антисоветская контрреволюционная повстанческая организация». Выразил твердое убеждение — «арестовано меньшинство врагов». И просил разрешить ему создать «тройку», включающую его самого, прокурора области и начальника облуправления НКВД, дать им право судить и выносить смертные приговоры. Тем, мол, он и сможет обеспечить «свободное волеизъявление» во время предстоящих выборов.

Затем у Сталина в его кремлевском кабинете побывало еще девять первых секретарей. Судя по всему, они твердо заявили: без создания «троек», без массовых репрессий ни о каком одобрении избирательного закона не может быть и речи.

Сталин капитулировал, вынужден был согласиться с ультиматумом, ибо слишком хорошо понимал: в противном случае на трибуне Пленума появится кто-либо из уже обозначившей себя десятки — терять им было уже нечего — и объявит теперь не кого-либо, а его, Сталина, врагом народа. Предателем заветов Ленина и Октября. Оппортунистом, ревизионистом, наймитом империализма. А все присутствующие с облегчением одобрят такое предложение.

Сталин капитулировал. Хотя Пленум и утвердил все положения доклада Яковлева об изменениях в избирательной системе, альтернативные выборы уже ни при каких обстоятельствах состояться не могли. За следующие две недели первые секретари, поддержанные наркомом внутренних дел Ежовым, создали свои «тройки» по всей стране. И определили количество людей, которых намеревались репрессировать. Всего почти 200 тыс. человек, из которых следовало приговорить к расстрелу почти 70 тыс.! Самым кровожадным, как ни покажется сегодня это странным, оказался Хрущев. Буквально за несколько дней он удивительным образом сумел найти в Московской области свыше 40 тыс. «уголовников» и «кулаков». Под ними, несомненно, он подразумевал тех крестьян, которым вернули избирательные права, но которые не забыли, кто отдавал распоряжение об их аресте.

Так в стране воцарилась «ежовщина». Точнее, вторая Гражданская война, на этот раз развязанная партократией. Массовыми репрессиями она продемонстрировала населению, что их ждет при выдвижении собственных кандидатов в депутаты, в случае голосования против первых секретарей либо тех, кого выдвинут они.

Сталин не нуждался в партии власти[1]

ВКП(б), партию власти с ноября 1917 г., Сталин получил в наследство. Эта партия была создана с единственной целью — для захвата и удержания власти до победы мировой революции. С завершением Гражданской войны и после утраты надежд на приход к власти коммунистов хотя бы в Германии эта партия в тогдашнем виде фактически исчерпала себя. С началом индустриализации она стала нуждаться в коренном реформировании, ибо переродилась в профсоюз чиновников. Однако лишь немногие осознали это. В первую очередь — Сталин и его идейные соратники.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛ «КРАТКИЙ КУРС»

Первым, и отнюдь не двусмысленным сигналом, возвестившим о вполне возможной судьбе ВКП(б), стала публикация в октябре 1938 г. книги «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Сначала в 11 номерах газеты «Правда» и почти сразу же отдельным изданием, вышедшим многомиллионным тиражом. «Краткий курс» с момента своего появления оказался своеобразным «Священным Писанием» для всех коммунистов Советского Союза. Обязательным для «последовательного, систематического и глубокого» изучения. Он был предназначен для вполне определенного круга читателей, который состоял преимущественно из членов партии, имевших в лучшем случае начальное образова-

---

[1] Публикуется по: Политический журнал, № 15, 26 апреля 2004 г.

ние. И благодаря лапидарности и схематичности оказался доступным и убедительным для всех.

В «Кратком курсе» точку поставили на событиях декабря 1937 г. Даже объяснили почему: «Конституция (1936 г., «сталинская». — *Ю.Ж.)* закрепила тот всемирно-исторический факт, что СССР вступил в новую полосу развития». Завершалась книга более чем многозначительно: «Таковы основные уроки исторического пути, пройденного большевистской партией. Конец».

Разумеется, последнее слово можно было понимать просто. Как конец описанного, как констатацию окончания работы над конкретным текстом в столь же конкретное время. И не больше. Однако в сочетании с категоричным и необъясненным утверждением о вступлении страны в «новую полосу развития» неизбежно возникала и иная трактовка — буквальная: завершенность истории большевизма; завершенность истории той партии, которая существовала до конца 1937 г.

И действительно, с октября 1938 г. на истории ВКП(б) была поставлена точка. Ее не продолжали, не дописывали, хотя оснований тому было предостаточно. Например, XVIII съезд, XVIII партконференция, Великая Отечественная война, XIX съезд. Несмотря ни на что, к «Краткому курсу» не возвращались ни разу. Ни в 1945 г., ни в 1952-м. Никогда. Объяснение же такому странному факту может быть только одно. И для Сталина, и для того узкого круга высшего руководства, который сложился к моменту выхода «Краткого курса», история ВКП(б) действительно завершилась с принятием новой Конституции.

Для тех же, кому простого слова «конец» было недостаточно, объяснение дали еще раз на XVIII партконференции, прошедшей в феврале 1941 г., всего за 4 месяца до начала войны. Сделал это Георгий Маленков, уже тогда вошедший в высшее руководство. Он

занимал должность начальника Управления кадров ЦК ВКП(б).

В своем докладе, открывшем конференцию, а потому и расцененном всеми как главный, Маленков начал с экономики. Он поведал, что выполнение плана минувшего года оказалось сорванным чуть ли не во всех отраслях. И дал объяснение тому, объяснение со своей профессиональной точки зрения.

«Основным вопросом в деле подбора кадров, — четко объяснил он, — является вопрос о правильном выдвижении новых работников, умеющих организовать живое дело. При этом надо усвоить, что речь идет о выдвижении не только партийных, но и беспартийных большевиков. Среди беспартийных много честных и способных работников, которые хотя и не состоят в партии, не имеют коммунистического стажа, но работают часто лучше, добросовестнее, чем некоторые коммунисты со стажем».

Вслед за столь откровенным указанием опираться в работе на беспартийных профессионалов Маленков предложил избавляться от некомпетентных коммунистов, назвав их болтунами и невеждами. «Пора, — сказал он, — товарищи, вытащить такого сорта хозяйственников на свет божий. Болтунов, людей, не способных на живое дело, нужно освобождать и ставить на меньшую работу, безотносительно к тому, являются они партийными или беспартийными. Надо, товарищи, разоблачать таких невежд и гнать их в шею от руководства. Нельзя терпеть невежд во главе предприятий и вообще на руководящих постах».

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Сегодня невозможно даже обсуждать, был ли у Сталина, у членов его правившей группы конкретный план мирного, «кадрового» отстранения партии, точнее, партократии от властных постов или нет.

Скорее всего, был, иначе вряд ли Маленков позволил бы себе столь жесткие высказывания. Однако нападение нацистской Германии, первые поражения и отступление армий заставили решать иные задачи — спасать страну.

И все же уже с октября 1942 г., когда исход войны все еще оставался неясным, сталинская группа стала медленно, исподволь проводить в жизнь задуманное ранее. Сначала ликвидировала институт военных комиссаров, выглядевший явным анахронизмом. В августе 1944 г. решением Политбюро упразднила должности отраслевых секретарей — крайкомов, обкомов, ЦК компартий союзных республик. Мотивировала это необходимостью установить полное единоначалие.

А в январе 1944 г. попыталась сделать решающий шаг, воспользовавшись проведением единственных за весь период войны сессии Верховного Совета СССР и обязательного перед нею Пленума ЦК. Маленков, явно не по собственной инициативе, подготовил проект постановления ЦК ВКП(б) «Об улучшении государственных органов на местах». Заручился — в его поддержку — подписями Молотова и Хрущева и 24 января направил Сталину. Документ столь необычный, важный, беспрецедентный, что заслуживает того, чтобы привести его без купюр. Полностью:

«I. За время Отечественной войны против немецких захватчиков партийные и государственные органы на местах провели большую работу по организации тыла и мобилизации сил народа на отпор врагу. На полный ход пущены перебазированные на восток заводы. Колхозы и совхозы снабжают без серьезных перебоев армию и страну продовольствием. Транспорт обеспечивает перевозки военных и народно-хозяйственных грузов.

Осуществляя директивы партии и правительства по организации и укреплению тыла для нашего фронта, ме-

стные партийные и государственные органы добились серьезных улучшений в руководстве хозяйственным строительством и в основном успешно справились с задачей перевода хозяйства на военный лад, с задачей обеспечения Красной Армии всем необходимым для разгрома врага.

Вместе с тем нельзя не видеть и того, что в сложившейся практике руководства местных партийных и государственных органов хозяйственным и культурным строительством, как во время войны, так и в довоенный период, имелись и имеются крупные недостатки.

Наши местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизбежно приводит к смешению функций партийных и государственных органов, к подрыву их ответственности и к усилению бюрократизма в госаппарате. В результате смешения функций партийных и государственных органов беспартийные часто не знают, куда им следует обращаться за разрешением своих вопросов, так как руководящие работники исполкомов советских органов вместо самостоятельного решения вопросов оглядываются на обкомы, органы партии, ожидая по каждому случаю специальных указаний. Такое неправильное положение порождает также некоторую безответственность местных партийных руководителей, поскольку они считают себя ответственными только перед коммунистами и партийными организациями, но не перед беспартийными массами.

В организационном отношении указанные недостатки в работе местных партийных и советских органов привели к неправильному распределению руководящих работников между ними. В партийных организациях сосредоточены наиболее авторитетные и опытные руководящие работники за счет ослабления руководящих кад-

ров в советских органах, что неизбежно усиливает указанные выше недостатки работы государственных органов. Такая неправильная расстановка руководящих сил привела к тому, что в настоящее время без устранения этого серьезного организационного недостатка нельзя поднять работу советских органов на уровень современных задач советского государства.

II. В целях ликвидации указанных выше недостатков в работе партийных и государственных органов Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым:

А) покончить с установившейся вредной практикой дублирования и параллелизма в руководстве хозяйственным и культурным строительством со стороны местных партийных и государственных органов, с неправильной практикой подмены и обезличивания государственных органов и полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте — в государственных органах. Такое сосредоточение оперативного руководства и сил в одном месте целиком себя оправдало в деле руководства предприятиями промышленности и транспорта, где вся полнота власти принадлежит руководителю предприятия, а также в военном деле, где на командиров возложена полная ответственность за работу в войсках;

Б) укрепить государственные органы наиболее авторитетными и опытными кадрами, способными обеспечить дальнейший подъем работы государственных органов и сосредоточить в совнаркомах республик и исполкомах Советов дело руководства хозяйственным и культурным строительством;

В) повернуть внимание партийных организаций к всемерному укреплению государственных органов, поднятию их роли и авторитетности, освободив партийные органы от несвойственных им административно-хозяйственных функций и установить правильное разделение

и разграничение обязанностей между партийными и государственными органами;

Г) обязать руководящие партийные органы на местах, проводя перестройку взаимоотношений с советскими органами, осуществлять политическое руководство работой государственных органов и политический контроль за правильностью проведения ими директив партии и правительства; обеспечить правильный подбор и выдвижение кадров в государственном аппарате, неуклонно заботясь об их идейно-политическом росте; развернуть политико-просветительную работу в массах трудящихся, еще больше сплачивая массы вокруг Советов для поддержки проводимых ими мероприятий.

III. В качестве организационных мер, обеспечивающих перестройку и укрепление местных руководящих государственных органов, Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым:

1) признать целесообразным, чтобы первый секретарь ЦК коммунистической партии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии был одновременно и председателем совнаркома союзной (автономной) республики, исполкома краевого, областного, окружного, городского, районного Совета депутатов трудящихся;

2) укрепить руководящие кадры и аппарат совнаркома союзных и автономных республик, исполкомов краевых, областных, окружных, городских и районных Советов, переведя для этой цели в советские органы из партийных органов руководящих работников, занятых в настоящее время вопросами хозяйственной работы;

3) упразднить в горкомах, окружкомах, обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик должности заместителей секретарей по отдельным отраслям промышленности, торговли, транспорта и сельского хо-

зяйства, а также соответствующие отделы партийных органов;

4) поручить Политбюро ЦК определить порядок и сроки практического осуществления указаний, изложенных в пунктах 1, 2, 3 настоящего постановления».

Сталин проект поддержал. Собственноручно начертал резолюцию: «За (с поправками в тексте). И. Сталин». Правку же внес не смысловую, принципиальную, а чисто стилистическую. Вычеркнул последнюю фразу из пункта «а» второго раздела да еще шесть слов — явные повторы и предложил свой вариант названия: «Об объединении руководства партийных и государственных органов на местах».

После столь явно выраженного мнения Иосифа Виссарионовича к сторонникам проекта присоединился еще один член Политбюро, секретарь ЦК Андреев. Казалось, теперь уже не будет никаких неожиданностей, сбоев. Документ безоговорочно одобрят все. Но именно этого и не произошло. 26 января вместо Пленума состоялось заседание Политбюро, на котором проект этого постановления не только категорически отвергли, но и вычеркнули вообще из повестки дня Пленума.

Так поражением для Сталина, Маленкова, Молотова закончилась их попытка отстранить партию от участия в повседневной деятельности государственного аппарата, от воздействия на развитие экономики, науки, культуры и многого другого. Провалилась попытка избавиться от всепроникающего влияния партии, которая из передовой, революционной переродилась в партию бюрократии, готовой с легкостью менять вождей и принципы ради самого для нее важного: сохранения своей монополии на власть.

Борьба за власть в руководстве СССР в 1945—1952 годах[1]

О времени, прожитом СССР между окончанием Великой Отечественной войны и смертью Сталина, написаны тысячи книг. И почти в каждой из них обнаруживаются некая заданность и порою игнорирование ряда исторических фактов. Причина понятна. До сих пор исследователи опирались на ограниченный, по сути дела, как бы навязанный им круг источников, довольствуясь лишь опубликованными, тщательно отобранными постановлениями, решениями, указами, выступлениями, заявлениями. Историкам приходилось либо соглашаться с предписанной им ролью, либо сознательно идти на доказательство «от противного», создавая гипотезы, которые они не могли подтвердить.

Теперь стал доступным уникальный источник: протоколы заседаний Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б). Они позволяют понять, что представляла собой в те годы власть в СССР, подлинная, тайная, никому не подконтрольная, отстраненная и от общества в целом и даже от большинства лиц в правящей партии. Обретенные наукой документы позволяют понять истинную конструкцию этой власти в указанные годы и расстановку имевшихся в ней сил: все, что на протяжении полувека надежно прикрывалось мифами о «всевластии Советов», о «ведущей, направляющей роли партии».

Победа над Японией в 1945 г. заставила кремлевское руководство заявить об отказе от чрезвычайных, вызванных войной форм управления. 5 сентября

---

[1] Публикуется с небольшими редакционными поправками по: Вопросы истории, № 1, 1995.

1945 г. радио и пресса СССР сообщили об упразднении Государственного Комитета Обороны (ГКО). Тем самым людям внушали мысль, что страна вернулась к конституционности и деятельности ничем более не подменяемого и не дублируемого Совнаркома СССР. Так полагали тогда. Так было принято считать вплоть до наших дней. В действительности же указ об упразднении ГКО практически ничего не изменил. Не стремившееся к реформам, к коренным переменам ПБ утвердило 6 сентября проект постановления СНК СССР «Об образовании оперативных бюро Совета Народных Комиссаров», что сохранило на неопределенный срок сложившееся за годы войны разделение высшего органа управления на две самостоятельные структуры.

Бывший ГКО, точнее — его Оперативное бюро, просто переименовали в Оперативное бюро СНК по вопросам работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта. Сохранили в неприкосновенности и Бюро СНК, которое по аналогии назвали Оперативным бюро СНК по вопросам работы наркоматов и ведомств обороны, военно-морского флота, сельского хозяйства, продовольствия, торговли, финансов, здравоохранения, образования и культуры. Обоим оперативным бюро вменялось в обязанность готовить и представлять на утверждение председателя СНК СССР «Проекты решений по народнохозяйственному плану (квартальному и годовому), по планам материально-технического снабжения», принимать «оперативные меры по обеспечению выполнения установленных Совнаркомом планов», а также осуществлять «оперативный контроль за выполнением соответствующих решений СНК», принимать от его имени «обязательные для соответствующих наркоматов и ведомств решения по вопросам оперативного руководства деятельностью наркоматов и ведомств».

В состав первого оперативного бюро вошли Л.П. Берия (председатель), Г.М. Маленков (заместитель), Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, А.Н. Косыгин. В состав второго — В.М. Молотов (председатель), Н.А. Вознесенский (заместитель), А.И. Микоян, А.А. Андреев, Н.А. Булганин, Н.М. Шверник. Иными словами, вся власть осталась у все того же, только несколько расширенного ГКО. Небезынтересно и то, что включенные в высший эшелон власти Булганин и Косыгин еще не были ни членами, ни даже кандидатами в члены ПБ. Можно предположить, что, принимая такое решение, кремлевское руководство временно отказалось от реформирования правительства, всего лишь перераспределив и уточнив свои обязанности на время первого за многие годы отпуска И.В. Сталина. Оно отсрочило принятие окончательного постановления на время, которое потребуется для подготовки перестройки. Однако состоявшееся вскоре после возвращения Сталина из отпуска, 29 декабря, первое в том году протокольное, т.е. действительное, а не подменяемое «опросом», заседание ПБ также сохранило в неприкосновенности действовавшую конструкцию высшей власти.

На заседании, как ранее повелось, ограничились решениями рутинных вопросов, в основном плодов двухмесячных раздумий генерального секретаря ЦК ВКП(б). И имевшие право голоса, и приглашенные — Н.А. Булганин, А.Н. Косыгин, А.Н. Поскребышев, М.Ф. Шкирятов, А.Ф. Горкин, Н.Н. Шаталин, В.В. Кузнецов — одобрили внесенные предложения: Маленковым — о кандидатах в депутаты Верховного Совета СССР второго созыва; Берией — о его отставке с поста наркома внутренних дел «ввиду перегруженности его другой центральной работой» и о замене его С.Н. Кругловым; Сталиным — об образовании новых и разукрупнении

некоторых старых наркоматов; о необходимости создать группу из состава ответственных советских и партийных работников для подготовки персонала посольств, увеличившихся за два года вдвое; о возобновлении регулярных заседаний самого ПБ, которые должны были проходить «каждые две недели по вторникам, в 8—9 часов вечера».

Лишь два вопроса, также внесенные Сталиным, имели, как показало будущее, принципиальное значение, ибо в значительной степени повлияли как на расстановку сил в руководстве, так и на ход последующих событий: об освобождении А.И. Шахурина от должности наркома авиапромышленности и о создании Внешнеполитической комиссии ПБ в составе Сталина, Молотова, Берии, Микояна, Маленкова и А.А. Жданова для выработки тактики на предстоявших международных конференциях и переговорах.

Не принес перемен и январь 1946 г., когда выявилась бесплодность попыток восстановить прежнюю роль ПБ, сделав его заседания хотя бы регулярными (второе состоялось через три, а следующее — только через шесть недель), да провести еще одну малозначительную реорганизацию, на этот раз — по слиянию наркоматов обороны и военно-морского флота в один — Вооруженных сил во главе со Сталиным как наркомом и Н.А. Булганиным как его заместителем по общим вопросам. Это, впрочем, было намечено еще в мае 1945 г. Явное нежелание менять что-либо в системе управления покоилось помимо прочего на все еще длившейся эйфории, порожденной победой, признанием СССР одной из трех великих держав, которым только и дано право перестраивать мир на новых основах и решать судьбы остальных стран.

Проникнутое именно таким духом «Обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям» было утверждено

ПБ 1 февраля. В нем наметили как основные задачи скорейшее восстановление народного хозяйства, поддержание обороноспособности, необходимость «закрепить завоеванную победу», «твердо отстаивать интересы Советского Союза» и в то же время «совместно с демократическими силами других стран бороться за укрепление сотрудничества миролюбивых держав», под которыми еще подразумевали союзников по антигитлеровской коалиции.

Три дня спустя в Москву поступило сообщение, перечеркнувшее прежние планы и расчеты. Американский обозреватель Д. Пирсон в очередном радиообзоре поведал, что шифровальщик посольства СССР в Оттаве Гузенко «избрал свободу», попросту говоря — сбежал. А заодно раскрыл состав советской разведывательной группы, охотившейся в США, Канаде и Великобритании за секретом атомной бомбы. Сталин отреагировал немедленно. 9 февраля на встрече с избирателями он уже не говорил о продолжении сотрудничества с союзниками. Зато намекнул, что советские ученые непременно создадут собственное ядерное оружие.

И вот тогда советник посольства США в Москве Дж.Ф. Кеннан, по долгу службы анализируя выступление Сталина, пришел к заключению: Советскому Союзу «желательно и необходимо разрушить внутреннюю гармонию нашего общества, наш традиционный образ жизни», и потому он готовится к агрессии против Запада. Два десятилетия спустя в своих мемуарах Кеннан признал такие выводы безосновательными, ошибочными. Но тогда, в феврале 1946 г., он верил в собственный прогноз и, не колеблясь, направил его в Вашингтон.

Телеграмма Кеннана вместе с оценками Объединенного разведывательного комитета и Комитета на-

чальников штабов США утвердила президента Г.Трумэна во мнении, что ближайшая цель СССР — захват Европы. Это привело его к солидарности с У.Черчиллем, который еще с 1943 г. пропагандировал идею создания Западного блока, противостоящего Советскому Союзу. 5 марта экс-премьер Великобритании выступил в колледже небольшого миссурийского городка Фултон в присутствии и при молчаливом одобрении Трумэна, призвав англосаксонские страны незамедлительно объединиться и, используя монополию на атомную бомбу, дать отпор СССР.

Это вынудило кремлевское руководство избрать адекватный изменившейся ситуации политический курс. Одним из последствий стала реконструкция властных структур с пересмотром состава лидерской группы[1].

Первый послевоенный Пленум ЦК ВКП(б), собравшийся 18 марта 1946 г., рассмотрел два вопроса: о сессии Верховного Совета СССР с формированием его Президиума и Совнаркома СССР, который решено было переименовать в Совет Министров (СМ), и оргвопрос с кадровыми перестановками в партаппарате. Сначала стала достоянием гласности в искаженном виде информация по первому вопросу. Сессия Верховного Совета СССР без обсуждения приняла отставку прежнего правительства и утвердила состав нового. Его огласили в таком порядке: председатель СМ — Сталин, его заместители — Молотов, Берия, Андреев, Микоян, Косыгин, Вознесенский, Ворошилов, Каганович. То есть те же члены ГКО и оперативных бюро, но без Булганина, Маленкова и Шверника (последнего избрали председателем Президиума Верховного Со-

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 3, д. 2181, л. 135—137; д. 2182, л. 3; д. 2183, л. 2—4; д. 2177, л. 46; д. 2185, л. 14.

вета вместо ушедшего в отставку М.И. Калинина), но зато с возвращенным Ворошиловым. Тайной осталась реальная организация высшей исполнительной власти. В соответствии с секретным «Постановлением СМ от 20 марта, «вместо существующих двух оперативных бюро Совнаркома СССР» было образовано Бюро Совета Министров (БСМ), включавшее заместителей председателя СМ. Но председателем БСМ стал не Молотов, названный вторым, а Берия, заместителями — Вознесенский и Косыгин.

28 марта распределили обязанности между заместителями председателя СМ. Берии в дополнение к указанной должности и посту руководителя атомного проекта поручили «наблюдение за работой» министерств внутренних дел, госбезопасности и государственного контроля. Столь огромные полномочия сделали Берию вторым человеком в государстве, дав ему возможность официально контролировать деятельность всего аппарата власти в стране, решая порою судьбы не только рядовых граждан, но и тех, кто находился с ним на «одном уровне». Затем серьезные перемены затронули постоянно действовавшие органы партии — секретариат ЦК, Оргбюро (ОБ) и ПБ. Но официальное сообщение о Пленуме, опубликованное в газетах 20 марта, зафиксировало сугубо рутинную перестановку: пополнение состава членов ПБ Берией и Маленковым, кандидатов — Булганиным и Косыгиным, изменения в ОБ, замену в Секретариате умершего год назад А.С. Щербакова и «аграрника» А.А. Андреева первыми секретарями Ленинградской и Московской партийных организаций А.А. Кузнецовым и Г.М. Поповым. Общедоступная информация скрывала и причины перемен, и конкретные обязанности новых лиц, определенные к тому же лишь 13 апреля на чет-

вертом по счету послевоенном протокольном заседании ПБ[1].

В тот же день реконструкция аппарата ЦК партии завершилась упразднением последних производственно-отраслевых отделов — сельскохозяйственного и транспортного; работу секретариата ограничили теми вопросами, которые решили оставить за партией: подбор и расстановка кадров, пропаганда и агитация, проверка деятельности парторганизаций, связь с зарубежными компартиями (точнее — руководство ими, принявшее после роспуска Коминтерна в 1943 г. иные организационные формы). Изменилась и структура аппарата ЦК. Она включила два управления — кадров, пропаганды и агитации; два отдела — оргинструкторский, внешней политики. Почти полностью обновили их руководство, распределение обязанностей между секретарями.

Маленков утратил свою особую роль, определявшуюся тем, что только он, как и Сталин, совмещал высшие должности в партии и в государстве. Если в годы войны он был вторым секретарем ЦК и одновременно членом ГКО, затем зампредом одного из оперативных бюро СНК, то теперь не входил в состав БСМ и лишился контроля за управлением кадров. Отныне в его обязанности входили «вопросы руководства работой ЦК компартий союзных республик; подготовка вопросов к Оргбюро и председательствование на заседаниях последнего». На ключевом партийном посту оказался Кузнецов: к нему перешли «руководство управлением кадров ЦК ВКП(б) и работой в области распределения кадров в партийных, советских и хозяйственных организациях; подготовка вопросов к

[1] Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия). Стеногр. отчет. М., 1946, с. 328—329; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5446, оп. 1, д. 275, л. 35, 121—122.

секретариату ЦК ВКП(б) и председательствование на заседаниях последнего; вопросы руководства работой обкомов партии областей, входящих в РСФСР». К Кузнецову перешла и должность начальника управления кадров.

Жданову удалось восстановить свою довоенную роль: ему возвратили «руководство управлением пропаганды ЦК ВКП(б) и работой партийных и советских организаций в области пропаганды и агитации (печать, издательства, кино, радио, ТАСС, искусство, устная пропаганда и агитация); руководство отделом внешней политики». Но, в отличие от Кузнецова, Жданова не назначили начальником управления пропаганды, оставив этот пост за Г.Ф. Александровым. Единственный из четырех секретарей ЦК Г.М. Попов не получил никаких определенных обязанностей по работе в ЦК. Подобное исключение традиционно объяснялось его занятостью «по руководству Московской партийной организацией и Моссоветом». Сохранившие самостоятельность отделы поручили новым людям, переведенным на работу в Москву: отдел внешней политики — М.А. Суслову, возглавлявшему ранее Бюро ЦК по Литве, оргинструкторский — Н.С. Патоличеву, прежде первому секретарю Челябинского обкома и горкома партии[1].

Неожиданное стремительное возвышение Кузнецова, молодого функционера, всего год проработавшего первым секретарем Ленинградских обкома и горкома партии, объяснялось тем, что Сталин перестал скрывать от ближайшего окружения озабоченность надвигавшейся старостью и ухудшившимся состоянием здоровья, дав понять своим преемникам, что на посту генсека он видит не Маленкова, не Жданова, а Кузне-

---

[1] РГАСПИ, ф. 17; оп. 3, д. 2185, л. 2—4.

цова. Но сделать понятным партаппарату истинную причину взлета Кузнецова помог случай. В конце апреля были арестованы бывший министр авиапромышленности, на тот момент — заместитель председателя СМ РСФСР А.И. Шахурин, командующий ВВС А.А. Новиков и два заведующих отделами управления кадров ЦК. Данный инцидент дал основание на очередном заседании ПБ 4 мая вывести Маленкова из секретариата ЦК. Но обязательного для тех лет и подобных случаев заключительного аккорда — ареста Маленкова или снятия его со всех постов — не последовало. Более того, он остался в составе ПБ и ОБ[1].

В тот же день ПБ приняло еще одно решение: В.Н. Меркулова, работавшего под началом Берии еще с 20-х годов, без каких-либо объяснений сместили с должности министра госбезопасности. Его преемником стал В.С. Абакумов, ранее начальник Главного управления контрразведки Смерш (с апреля 1943 г. — структурной части наркомата обороны) и потому связанный по прежней службе именно с наркомом обороны Сталиным, а не с руководством НКВД. Подобная мера ослабляла позиции Берии и в то же время давала преимущества новому начальнику управления кадров. Создавался новый тандем из тех лиц, кто должен был оправдать доверие Сталина любой ценой. Тем не менее решающего назначения не последовало: Кузнецов не получил вакантный пост председательствующего на ОБ и не стал в те дни вторым секретарем ЦК. Следствием же новой ситуации оказался рост соперничества между ним и Ждановым, который в равной степени стал претендовать на роль второго лица в партии.

Опираясь на решение ПБ от 13 апреля о недостатках в идеологической работе, Жданов и его протеже и

---

[1] Подтверждено К.С. Кузаковым, в то время заместителем начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

открытый сторонник Г.Ф. Александров использовали возникшую паузу. Они обвинили основную массу руководителей обкомов и крайкомов партии в вопиющем непрофессионализме и политической неграмотности, а ряд республиканских ЦК, прежде всего Украины, — в потворстве буржуазному национализму. Данные о том нашли отражение на совещаниях в управлении пропаганды и обстоятельных записках, которые начали принимать форму целенаправленной серии постановлений ЦК. Правда, затрагивали они не столько идеологические, сколько кадровые вопросы.

Первым явилось принятое 8 июля 1946 г. постановление «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)». Оно могло послужить основанием для далеко идущих мер, прежде всего запланированных на ближайшее будущее экзаменов с проверкой теоретических знаний всех без исключения членов партии. Мотивировалось такое предложение тем, что 67,2% коммунистов, включая работников обкомов и крайкомов, не имели даже среднего образования. Вместе с тем предусматривалось сокращение приема в партию служащих, которые на 1 января 1946 г. составляли 47,6% общей численности членов ВКП(б)[1].

В развитие этого постановления 2 августа было принято еще одно — «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». Оно требовало обязательного обучения партийных функционеров в зависимости от должности и образования — двух- либо трехлетнего[2]. С этой целью были созданы Высшая партийная школа, Академия общественных наук и восстановлена Военно-политическая

---

[1] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2187, л. 3; оп. 125, д. 377, л. 59, 65—68; д. 405, л. 32—46; д. 483, л. 4—5; оп. 117, д. 627, л. 141—142.

[2] КПСС в резолюциях... Т. 8. М., 1985, с. 39—48.

академия. Такой подход к решению кадровых вопросов делал управление пропаганды ключевым в аппарате ЦК и ставил под сомнение компетентность и самого Кузнецова, и возглавленного им управления.

Одновременно Жданов и Александров сделали еще один характерный для «аппаратных игр» ход, призванный обезопасить их от критики со стороны. Они подготовили и провели через ПБ и ОБ в августе — декабре 1946 г. ряд критических постановлений по идеологическим вопросам: о недостатках в работе газет «Правда», «Известия», «Труд», Радикомитета, Министерства кинематографии, ОГИЗа, о литературно-художественной критике. Но и в этих документах, предельно самокритичных, сумели перенести акцент на вопрос подбора и расстановки кадров.

Такие действия усилили позицию Жданова. 2 августа 1946 г. ПБ приняло решение, по которому именно на него, а не на Кузнецова возлагалось председательствование на заседаниях ОБ и руководство работой секретариата ЦК. Тем самым Жданов был признан вторым лицом в партии и вновь, как это уже было до войны, стал вместе со Сталиным подписывать совместные постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б). Тем же решением ПБ прежние функции Маленкова по руководству ЦК компартий союзных республик возложили на введенного в секретариат Патоличева, чей отдел был повышен в статусе и преобразован в управление по проверке партийных органов.

Однако и такая реорганизация партаппарата не создавала равновесия сил в руководстве. Практически сразу же и самого Патоличева, и его подчиненных переориентировали на решение экстраординарной задачи, ничего общего не имевшей с их прямыми обязанностями, — проведение хлебозаготовок, призванных сколь возможно компенсировать последствия после-

военной засухи. А 2 августа после трехмесячной опалы Маленков вновь получил высокий пост заместителя председателя СМ СССР и члена БСМ, отвечающего за деятельность министерств промышленности средств связи, электропромышленности и связи[1], что ограничило его возвращение на вершины власти непривычной сферой экономических, а не партийных структур управления, имевших свои особенности, устоявшиеся традиции и правила.

Между тем общее положение в стране продолжало резко ухудшаться. Хотя с окончанием войны миновал год, в Прибалтике и в западных областях Украины пока не ослабевало вооруженное сопротивление сепаратистов. Там действовали не только небольшие отряды и группы, но и такое крупное соединение, как Украинская повстанческая армия. Жестокая засуха, обрушившаяся летом 1946 г. почти на всю территорию европейской части СССР, и затяжные дожди во время жатвы в Сибири привели к голоду. Усугубила экономические трудности необходимость бросить все силы и средства не на восстановление народного хозяйства, разрушенных городов и деревень, а на создание предприятий, которые должны были обеспечить производство атомного оружия и ракетной техники.

Неудачи постигли советскую внешнюю политику. Процедура, принятая Парижской мирной конференцией (29 июля — 15 октября 1946 г.), официально низводила СССР из великой державы в разряд лишенной практически влияния на решение многих международных вопросов. Выступление 6 сентября в Штутгарте государственного секретаря США Дж.Ф. Бирнса продемонстрировало окончательный разрыв между вчерашними союзниками и отказ США и выступав-

---

[1] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2188, л. 96—98.

шей солидарно с ними Великобритании признать в форме международных обязательств западную границу СССР. Все это возвращало кремлевское руководство к чрезвычайной форме управления страной.

3 октября 1946 г. по предложению Сталина было принято решение, записанное как п. 94 протокола № 55 заседания ПБ. Оно гласило: «1. Поручить Комиссии по внешнеполитическим делам Политбюро («шестерка») заниматься впредь наряду с вопросами внешнеполитического характера также вопросами внутреннего строительства, внутренней политики. 2. Пополнить состав «шестерки» председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь «шестерку» именовать «семеркой»[1]. Так оформила себя как высшую власть узкая группировка лиц, давно уже господствовавшая в СССР. Отныне Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов и Вознесенский присваивали себе неконституционное право определять судьбы страны и ее населения.

Они встали и над партией. С этого момента почти прекратились и протокольные заседания ПБ: за последующие 6 лет они состоялись лишь 13 декабря 1947 г. и 17 июля 1949 г. Секретариат ЦК фактически стал отделом кадров, обкомы, крайкомы и райкомы партии — дополнительными контрольными и надзирающими органами. Оформление «семерки», не внеся в сущность режима ничего нового, вместе с тем возродило былые тенденции, почти не проявлявшие себя с 1938 г., и создало условия для активизации безжалостного, не знающего милости к побежденному, личного соперничества. Оно установило также прямую зависимость усиления борьбы за власть от состояния здоровья Ста-

---

[1] *Хрущев Н.С.* О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 163.

лина, от удач, ошибок или просчетов тех, кто находился в данный момент на вершине власти.

Проявилось все это практически сразу же. Берия и Вознесенский, возглавлявшие БСМ, и Жданов как второй секретарь ЦК стремились закрепить свое положение, добиваясь легализации его и сложившейся расстановки сил на как можно более длительный срок. В этих целях они настояли 7 января 1947 г. на решении о созыве XIX съезда ВКП(б). А 26 февраля о предстоящем партийном форуме узнали участники состоявшегося в этот день Пленума ЦК партии. Сообщение по данному вопросу, не включенное в информационное сообщение для печати, сделал Жданов, огласивший намеченную повестку работы съезда, в том числе — принятие новых программы и устава, и назвавший тех, кому поручалась подготовка этих документов. В числе основных разработчиков оказались Жданов и его союзник Александров.

Такое развитие событий не устраивало аутсайдеров «семерки», к которым относились Маленков и Молотов. Именно они задолго до Пленума производили мини-переворот, проведя через ПБ совместное постановление ЦК и СМ «Об организации работы Совета Министров СССР». В соответствии с ним создавалось восемь бюро СМ, между которыми распределялось большинство министерств и ведомств. Их председатели Маленков, Вознесенский, Сабуров, Берия, Микоян, Каганович, Косыгин и Ворошилов входили в БСМ. Однако на этот раз возглавил его сам Сталин, а первым заместителем стал Молотов, во время отлучек которого его замещал Вознесенский. В члены БСМ вошел и Андреев, не получивший в свое ведение ни одного из бюро; он лишь формально, к тому же в последний раз числился на одной из высших государственных должностей. Причиной того стал провал поли-

тики в области сельского хозяйства, руководство которым теперь передали Маленкову, возглавившему соответствующее бюро.

Подлинный смысл реорганизации раскрывало сокращение полномочий Берии. Ему, возглавившему Бюро по топливу и электростанциям, дополнительно поручили надзор за деятельностью МВД и строительство высотных домов в Москве. Работу же наиболее важных комитетов оборонной техники — специального (атомного), радиолокации, реактивной техники, а также валютного теперь контролировал Сталин, а фактически — Молотов. Решение проблем, связанных с министерствами иностранных дел, внешней торговли, государственной безопасности и вооруженных сил, перенесли в ПБ, что следует расценивать как смягченный удар по «семерке».

Добившаяся реванша группа лиц настояла на запрете малейшего упоминания в печати о намеченном на конец 1947 — начало 1948 гг. съезде партии и продолжила перетряску высшего руководства. 12 февраля 1947 г. из состава БСМ вывели Кагановича, направленного в Киев первым секретарем ЦК КП(б) Украины. 5 марта удовлетворили «просьбу» Сталина об отставке с поста министра вооруженных сил и заменили его Булганиным, назначенным одновременно по должности заместителем председателя СМ и членом БСМ. Тогда же он был введен в состав «семерки», ставшей теперь «восьмеркой».

Вслед за тем настала очередь перемен в партийных структурах. Там главный удар тоже был направлен против Жданова. Его ослабление начали в соответствии со сложившейся практикой с устранения тех, на кого он опирался или мог опереться. В декабре 1946 — феврале 1947 г. лишили Александрова двух из четырех его заместителей: К.С. Кузакова, назначенно-

го заместителем министра кинематографии СССР, и М.Т. Иовчука, утвержденного секретарем по пропаганде ЦК КП(б) Белоруссии. В конце февраля начальника управления по проверке парторганов и секретаря ЦК Патоличева направили секретарем по сельскому хозяйству ЦК КП(б) Украины, а 6 месяцев спустя сделали первым секретарем Ростовского обкома партии. Одного из двух его заместителей, будущего министра госбезопасности СССР С.Д. Игнатьева послали на аналогичную должность в Минск, одного из трех инспекторов его управления Н.И. Гусарова — тоже в Минск в качестве первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии[1].

Следующим шагом явилось решение ПБ от 22 апреля о проведении второй дискуссии по книге Александрова «История западноевропейской философии». В отличие от первого обсуждения предполагалось добиться негативной оценки работы и опорочить политически ее автора. Последним свидетельством надвигавшихся перемен в партаппарате оказалось введение «опросом» 22 мая Суслова в секретариат ЦК вместо Патоличева и утверждение его начальником управления по проверке партийных органов с сохранением за ним руководства отделом внешней политики. 25 июня завершилась вторая философская дискуссия, которая признала книгу Александрова ошибочной и порочной. Заслуживающим внимания явилось само ее проведение: Жданов как секретарь ЦК по идеологии стал хотя и основным, но все же лишь участником дискуссии, организовал же и руководил ее ходом начальник управления кадров Кузнецов, рядом с которым в президиуме сидел Суслов.

В июле и августе подготовка смещения второго секретаря ЦК партии продолжилась. Она выразилась в

---

[1] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2193; л. 10, 32—37; ф. 629, оп. 1, д. 95-а, л. 182—183; д. 2194, л. 11, 17; д. 2191, л. 89; д. 2194, л. 11.

беспрецедентных нападках газеты «Правда» на орган управления пропаганды газету «Культура и жизнь» и в осуждении заведующего отделом пропаганды С.М. Ковалева. Это свидетельствовало об утрате Ждановым контроля за ситуацией и невозможности решения им внутренних вопросов управления пропаганды без огласки. 17 сентября Александров вместе с его заместителем П.Н. Федосеевым были отстранены от руководства управлением пропаганды. Возглавил идеологическое ведомство Суслов, сумевший сохранить за собою, как и в мае, должность заведующего отделом внешней политики. Жданов оказался в положении генерала без армии, утратив возможность воздействовать на подготовку и принятие важных решений. Он еще оставался вторым секретарем ЦК, председательствующим на заседаниях секретариата и ОБ. А фактически властные полномочия перешли теперь к Суслову.

17 сентября 1947 г. Кузнецову вверили курирование МГБ, что перед тем было прерогативой самого Сталина, и в тот же день его ввели в высший круг власти, ставший «девяткой», в ПБ и БСМ. О возвращении Молотова на роль фактически второго человека в государстве свидетельствовало то предпочтение, которое теперь придавалось внешнеполитическим вопросам, — о намерениях восстановить международное положение СССР, существовавшее после войны. То же демонстрировало создание в мае 1947 г. нового разведывательного органа — Комитета информации при МИДе, официальным главой которого по положению стал министр не госбезопасности, и не вооруженных сил, а иностранных дел.

Однако именно во внешнеполитической сфере неудачи Кремля оказались наиболее ощутимыми. Несмотря на попытки советской дипломатии, ей так и не удалось преодолеть кризис в отношениях с бывшими

союзниками, и расхождения с каждым месяцем стали принимать все более четкие формы. Одним из свидетельств этого стало выступление в Конгрессе 12 марта президента США, вскоре получившее название «доктрины Трумэна». Последняя открыто призывала к военному сдерживанию Советского Союза в отношении Турции и Греции. 5 июня последовала речь нового государственного секретаря США Дж.К. Маршалла в Гарвардском университете, предложившего свой план оказания помощи Европе. Правительства Великобритании, Франции, Италии, ряда других стран поддержали этот план, приняв решение провести в Париже 12—16 июля Европейское экономическое совещание. Было предложено участвовать в нем и СССР, а также другим странам Восточной Европы. Столь неожиданная перспектива заставила советское руководство принять окончательное решение, определив, какой должна стать в ближайшем будущем внешняя политика Советского Союза: направленной на широкое международное сотрудничество или изоляционистской?

Выбор пал на второй вариант. В Кремле никто не желал мириться с утратой престижа великой державы и предуготовленной для нее ролью младшего партнера. Советское руководство видело также, что, осуществляя восстановление народного хозяйства и одновременно направляя огромные средства на разработку новых видов вооружения, СССР больше не может опираться только на собственные силы, а будет вынужден использовать потенциал других государств, их индустриальную мощь и сырьевые ресурсы. Потом Москва не только отклонила предложение прислать делегацию на Европейское совещание, но и продемонстрировала возможность появления на мировой арене собственного блока. Первым свидетельством этого стала согласованная акция: 9 и 10 июля Албания, Болгария, Венг-

рия, Польша, Румыния, Финляндия, Чехословакия и Югославия отказались участвовать в парижской встрече. Что стало одним из решающих шагов к расколу мира. Следующее проявление нового курса — совещание 22—28 сентября 1947 г. в Польше компартий Восточной Европы, Франции и Италии. На нем под прямым давлением Жданова и Маленкова было образовано неформальное объединение с исполнительным органом — Информбюро (иначе Коминформ).

С завершением 15 декабря 1947 г. в Лондоне своей 5-й сессии практически прекратил существование Совет министров иностранных дел пяти стран, созданный в 1946 г. по решению Потсдамской конференции. С его крахом нечего было и думать о подготовке и подписании в скором будущем мирного договора с Германией, о юридическом признании Западом включения в состав СССР части Восточной Пруссии (Калининградская область), а также западных территорий Белоруссии и Украины, компенсированных Польше новой ее границей по Одеру и Нейссе. А 17 марта 1948 г. представители Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга осуществили давнюю идею Черчилля, подписав в Брюсселе договор о создании Западного союза.

Все это влияло на оценку результатов деятельности Молотова и отражалось на его положении. 29 марта 1948 г. «девятка» в третий раз за послевоенный период реорганизовала структуру СМ и пересмотрела состав высших должностных лиц. Молотова, незадолго перед тем получившего замечание от ПБ, что само по себе было случаем уникальным, под предлогом необходимости для него «заняться главным образом делами по внешней политике» освободили от руководства повседневной работой БСМ. Теперь вместо него предсе-

дательствовать на заседаниях БСМ и вести их должны были поочередно Вознесенский, Берия и Маленков.

«Девятке» пока не удалось согласовать мнение, кто же станет единоличным лидером. Означало это и то, что Маленков сумел подняться еще на одну ступень по лестнице к вершине власти. А вскоре ему удалось сделать новый шаг: 1 июля он был возвращен в секретариат ЦК и опять занял ключевые посты во властных структурах. Сразу же последовала коренная реорганизация партаппарата, сопровождавшаяся изменением распределения обязанностей между секретарями ЦК. По решению ПБ от 10 июля три управления ЦК ВКП(б) прекратили существование. Вместо них возникла новая система, состоявшая лишь из отделов. Управление пропаганды стало отделом с Д.Т. Шепиловым во главе при кураторе Жданове. Управление по проверке партийных органов превратилось в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, заведующим которого назначили Б.Н. Черноусова. Этот отдел, единственный контролировавший не только все без исключения министерства и ведомства, но и сам партаппарат, Маленков взял в свое ведение.

Управление кадров, на протяжении многих лет остававшееся неприкосновенным, поделили на семь распределенных между тремя секретарями отделов. Важнейший из них, административный, с заведующим Е.Е. Андреевым, занимавшийся подбором и расстановкой кадров в министерствах вооруженных сил, госбезопасности, внутренних дел и юстиции, включая судебную систему и прокуратуру, Кузнецов удержал за собой. Остальные, не изменившие кадрово-контрольных функций отделы — тяжелой промышленности (зав. С.Б. Задионченко), легкой промышленности (Н.М. Пегов), машиностроения (В.М. Чураев), транспортный (Т.А. Чумаченко), планово-финансово-торго-

вый (Сазонов), сельскохозяйственный (А.И. Козлов) — распределили между Маленковым, Кузнецовым и П.К. Пономаренко, 1 июля введенным в состав секретариата ЦК. Перемены не затронули лишь отдел внешней политики. Изменилось его название — отдел внешнеполитических сношений, но заведующим его остался Суслов, который, как и Попов, не получил никаких дополнительных обязанностей по секретариату ЦК[1].

Такая расстановка сил, пока оставлявшая Кузнецову шанс сохранить свое положение, оказалась призрачной. В тот же день Жданов по состоянию здоровья, второй раз за год, ушел в двухмесячный отпуск, из которого уже не вернулся. Поэтому вопросы идеологии — до 31 августа временно, а затем постоянно взял на себя Маленков, вновь ставший вторым секретарем ЦК. Новое руководство усилило жесткий вариант курса внешней и внутренней политики. Разногласия, возникшие в феврале 1948 г. между Сталиным и И. Броз Тито, были быстро и сознательно доведены в июне до открытого разрыва нормальных отношений СССР и стран народной демократии с Югославией. Это послужило одним из поводов для создания «дела Ласло Райка», массовых чисток партийного руководства в Венгрии, Румынии, Болгарии, Польше и Чехословакии. С июня же заметно усилилась «холодная война», проявившаяся на этот раз в советской блокаде Западного Берлина.

Теми же силовыми методами новое руководство пыталось разрешить внутренние проблемы. Еще до отставки Молотова 10 февраля 1948 г. Н.С. Хрущев внес на рассмотрение ПБ вопрос, поначалу носивший региональный характер: о необходимости упрощенной

---

[1] РГАСПИ, л. 45; д. 2195, л. 22, 31, 36; д. 2196, л. 47—48; д. 2200, л. 2; д. 2201, л. 28—29.

формы для высылки с территории Украины всех, кто сопротивлялся проведению в западных областях коллективизации и в той или иной степени был связан с сепаратистским подпольем. ПБ поддержало инициативу председателя СМ УССР и сформировало комиссию в составе Берии, Хрущева, Суслова, Кузнецова, Абакумова, С.Н. Круглова, министра юстиции К.П. Горшенина и генерального прокурора Г.Н. Сафонова «для разработки вопросов о переселенцах, административно-ссыльных и высланных, об организации специальных тюрем и лагерей для особо опасных преступников, в том числе шпионов, а также вопроса о высылке из Украины вредных элементов в деревне с предоставлением предложений в Бюро Совета Министров».

21 февраля Шверник подписал указы Президиума Верховного Совета СССР «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни» и «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Этот документ означал бессрочную высылку на Колыму, в Красноярский край или Северный Казахстан всех, кто отбыл или должен был отбыть вскоре заключение по ст. 58 Уголовного кодекса. Это означало также возобновление в Советском Союзе массовых репрессий[1].

7 мая ПБ поручило новой комиссии в составе Маленкова (председатель), Жданова, Хрущева, Суслова, Родионова и Круглова «выработать на основе опыта Украины проект постановления Совета Министров СССР и проект указа Президиума Верховного Совета

---

[1] РГАСПИ, д. 2199, л. 11; Источник, 1994, № 2, с. 92—93.

СССР о мерах высылки в отдаленные районы антисоциальных элементов по решениям колхозных собраний». Юридический акт не заставил себя ждать: указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» был утвержден 2 июня 1948 г. Наконец, в связи с «проявлением мягкости и нерешительности» 24 августа ПБ освободило от должности председателя Верховного суда И.Т. Голякова и его заместителя председателя Военной коллегии В.В. Ульриха, заменив их на А.А. Волина и А.А. Чепцова. 26 октября оформление карательной системы завершилось появлением директивы МГБ и Генеральной прокуратуры, установившей, что аресты и направление в бессрочную ссылку всех лиц, освобожденных из тюрем и лагерей по отбытии наказания, производятся по решению Особого совещания при МГБ[1].

Но все подобные меры не могли повлиять на продуктивность сельского хозяйства, отвечал за которое Маленков как председатель Бюро СМ по сельскому хозяйству и куратор сельскохозяйственного отдела ЦК. Тогда ставка была сделана на «чудо», ибо иного «девятка» предложить при всем желании не могла: на мифическую ветвистую пшеницу, которая если не сегодня, то непременно завтра позволит обеспечить страну хлебом.

Для чего следовало прежде удовлетворить претензии Т.Д. Лысенко, создателя этого, еще никем не виданного, но уже широко рекламировавшегося советской прессой растения, открыто выступив на стороне

---

[1] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2200, л. 31; д. 2202, л. 23; Центр хранения современной документации (ЦХСД), коллекция, ф. 89, перечень 60, док. 26, л. 2.

дилетанта в его споре, переросшем в открытую борьбу, со светилами биологической науки, и пойти на ликвидацию отечественной школы генетиков. Подтолкнуть Сталина к такому шагу заставило Маленкова летом 1948 г. стремление любой ценою устранить одного из двух соперников по секретариату ЦК — Жданова. Ведь официальная поддержка партией Лысенко позволяла нанести тяжелобольному, хотя и номинально все еще второму секретарю ЦК ощутимый удар и развеять его надежды на блестящую карьеру сына, Ю.А. Жданова, возглавлявшего сектор науки Агитпропа и выступавшего с критикой Лысенко.

15 июля, через пять дней после отъезда Жданова из Москвы и за полтора месяца до его смерти, ПБ приняло такое решение: «В связи с неправильным, не отражающим позицию ЦК ВКП(б) докладом т. Ю. Жданова по вопросам биологической науки, принять предложение Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР и Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина об обсуждении на июльской сессии Академии сельскохозяйственных наук доклада акад. Т.Д. Лысенко на тему: «О положении в советской биологической науке», имея в виду опубликование этого доклада в печати». 7 августа сессия ВАСХНИЛ завершила свою работу объявлением взглядов Лысенко как единственно верных. 25 августа все газеты сообщили о «разгроме антинаучного учения» в биологии, а 1 сентября — о смерти Жданова после тяжелой и продолжительной болезни. Так Маленков избавился от давнего соперника в партаппарате. «Девятка» же, потерявшая одного из своих членов, месяц спустя пополнилась Косыгиным, одновременно переведенным из кандидатов в члены ПБ. Однако теперь борьба за власть не только не стихла, но, наоборот,

вступила в еще более жесткую фазу. Ее жертвами вскоре стали четыре члена узкого руководства.

28 января 1949 г. «Правда» там, где обычно ставились материалы по искусству и литературе, поместила редакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Ее подготовили главный редактор газеты Поспелов и Маленков, используя текст записки и проекта постановления ЦК по этому вопросу, подписанный Шепиловым. С этого момента началась борьба с космополитизмом — одна из самых шумных и разнузданных пропагандистских кампаний тех лет. Спровоцированная ею «охота на ведьм» и оголтелый, рожденный низкой завистью и интригами поиск «врага» в узком коллективе завершились потом так же внезапно, как и начались. Но они временно отвлекли внимание граждан от событий, информация о которых, крайне выборочная и более чем скупая, прошла как бы незамеченной.

В роковой для театральной критики день Кузнецов лишился своих прав по надзору за работой отделов административного и машиностроения и вообще оказался вне секретариата ЦК. Правда, решение ПБ, принятое 28 января 1949 г., говорило вроде бы о совершенно ином: создании «в целях улучшения связи между ЦК ВКП(б) и парторганизациями отдаленных областей, краев и республик» Закавказского, Среднеазиатского и Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б) и об утверждении руководителем последнего именно Кузнецова. Документ исходил из отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов, которым ведал Маленков. А 15 февраля появилось еще одно решение ПБ — «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А.А., кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М.И. и Попкова П.С.». В нем, означавшем рождение «Ленинградского дела», указывалось: «Снять

т. Кузнецова с поста секретаря ЦК ВКП(б) и объявить ему выговор». Там же отмечалось: указать т. Вознесенскому, который «поступил неправильно».

Затем последовала неожиданная реакция на проведение в Ленинграде оптовой ярмарки. 4 марта, незадолго перед началом работы 4-й сессии Верховного Совета СССР, ПБ освободило с поста министра иностранных дел Молотова, а Микояна — с поста министра внешней торговли и утвердило вместо них А.Я. Вышинского и М.А. Меньшикова. На следующий день постановлением СМ Вознесенского сняли с должности председателя Госплана СССР. 7 марта по решению ПБ его лишили должностей заместителя председателя СМ, члена БСМ и ПБ. 12 марта был ликвидирован отдел внешних сношений ЦК. Взамен образовали внешнеполитическую комиссию, во главе которой поставили шеф-редактора органа Информбюро — газеты «За прочный мир, за народную демократию» В.Г. Григорьяна[1].

24 марта решением ПБ министром вооруженных сил назначили Маршала Советского Союза А.М. Василевского, а Булганину поручили наблюдение за деятельностью 2-го и 3-го комитетов (созданы в 1945—1946 гг. и отвечали соответственно за атомную технику и ракетостроение) при СМ СССР, министерств авиапромышленности и вооружения, Сталину же — кураторство над министерством вооруженных сил. 25 апреля перераспределение обязанностей вновь изменили: министерство вооруженных сил возвратили в ведение Булганина, сосредоточив в его руках контроль за работой всего Военно-промышленного комплекса (ВПК). Еще 6 апреля Молотову, почти три де-

---

[1] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2201, л. 32; д. 2202, л. 33; ф. 629, оп. 1, д. 98, л. 1; ф. 17, оп. 3, д. 2204, л. 14, 35—36, 58, 107—116, 60, 67.

сятилетия занимавшемуся преимущественно проблемами внешней политики, поручили возглавить Бюро СМ по металлургии и геологии. За этими перемещениями стояли прежде всего личное соперничество, ничем не прикрытая борьба за власть, страх оказаться проигравшим.

Но свидетельствовали кадровые перестановки и об ином: они отражали возраставшую неуверенность в правильности избранного курса, опасение перед неясным будущим страны. В дальнейшем играли сильную роль и такие факторы, как заявление 14 января 1949 г. госдепартамента США, а 20 января и президента Трумэна о готовности США присоединиться к Западному союзу; 4 апреля последовал договор о создании НАТО, включивший 12 стран; в конце марта — начале апреля США, Великобритания и Франция провели сепаратное изменение западных границ Германии, а затем приняли решение об объединении своих оккупационных зон и создании на их основе единого западногерманского государства. Раскол мира все более становился реальностью.

Контрмерой, которую СССР смог себе позволить при создавшихся условиях, стало проведенное в Москве 5—8 января 1949 г. совещание, на котором объявили о создании Совета экономической взаимопомощи. Прочность восточного блока подкрепляли присутствием советских войск в Польше, Венгрии, Румынии и новыми репрессиями против несогласных с консолидацией вокруг СССР. Уповали и на советский атомный проект, за который отвечал Берия. Отсюда — стремление не затрагивать его тогда на всех витках борьбы за власть, не ущемлять его статуса и роли. Пожертвовать можно было кем угодно, но только не им. Столь же твердое положение неожиданно обрел Булганин, сосредоточивший в своих руках полномочия по

ВПК. Позволить себе продолжить личную борьбу могли только Молотов и Маленков, что они и не преминули сделать.

12 июня — через два месяца после очередного поражения — Молотов вернулся к привычным обязанностям. Не Вышинский, Меньшиков и Меркулов (после снятия с должности министра госбезопасности назначенный сначала заместителем начальника, а затем начальником Главного управления советским имуществом за границей), а вновь Молотов теперь вносил предложения в ПБ по работе МИДа и внешнеполитической комиссии и отвечал за их деятельность. Новая утрата Маленковым некоторых позиций проявилась позже, когда ему пришлось поступиться единоличным контролем над идеологией. 20 июня Суслова вторично назначили заведующим Агитпропом, а 30 июня — главным редактором «Правды». Затем подверглась коррективам роль Маленкова в БСМ, после устранения оттуда Вознесенского, казавшегося другим членам «семерки» чрезмерным. 1 сентября от имени ПБ появилось решение, возвестившее об очередной реорганизации СМ, в котором БСМ было количественно расширено и переименовано в Президиум. Председательствование на его заседаниях возложили «поочередно на заместителей Председателя Совмина СССР тт. Берия, Булганина, Маленкова, Кагановича и Сабурова». В этой новой администрации Каганович, получивший по возвращении из Киева пост председателя Госснаба СССР — структуры, только что выделенной из Госплана, призван был не столько действовать, сколько олицетворять преемственность, представляя вместо Молотова былых сталинских сподвижников. Сабурову же предстояло действительно работать, заменяя своего предшественника по Госплану СССР Вознесенского и

выполняя обязанности единственного в ПСМ профессионала-экономиста[1, 2].

Очередной состав руководства продержался у власти всего семь месяцев. Успешное испытание атомной бомбы в СССР, переход от научных разработок и экспериментов к плановому производству атомного оружия позволили изменить нарушенный еще в конце войны традиционный баланс сил, восстановив прежнее преимущество сталинских наркомов. Первым отчасти вернул себе утраченное положение Микоян, 26 января 1950 г. получивший пост председателя Бюро СМ по торговле и пищевой промышленности. Затем Молотов тоже сменил должность: 13 февраля он возглавил Бюро СМ по транспорту и связи. Это позволило ему снова участвовать в решениях внешнеполитических вопросов.

7 апреля 1950 г. ПБ (точнее — «семерка») обсудило «Вопрос Совета Министров СССР» и постановило «Принять следующее предложение тов. Сталина: ...Образовать Бюро Президиума Совета Министров СССР, поручив ему рассмотрение срочных вопросов текущего характера, а также вопросов секретных. Утвердить Бюро Президиума Совета Министров СССР в следующем составе: Председатель Совета Министров СССР И.В. Сталин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганин, заместители Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, В.М. Молотов. Председательствование на заседаниях Бюро Президиума Совета Министров СССР в случае отсутствия тов. Ста-

---

[1] РГАСПИ, д. 2205, л. 14, 64, 29; д. 2206, л. 47; д. 2207, л. 44, 55; д. 2208, л. 11; д. 2198, л. 4—5.

[2] Там же, д. 2210, л. 78, 4—5, 11, 89; д. 2211, л. 3, 81, 93; д. 2208, л. 98; д. 2214, л. 6—7, 14, 32.

лина осуществлять первому заместителю Председателя Совета Министров СССР тов. Булганину Н.А.».

Откровенное подчеркивание того, что данное решение исходит напрямую от генсека, было неслучайным. Новая реорганизация стала открытым (на сей раз) вмешательством Сталина в борьбу претендентов за наследование его власти. Во всех иных случаях генсек действовал как бы закулисно. Но спустя всего неделю, 15 апреля, та же «семерка» согласилась с настойчивым желанием Маленкова вернуться в Бюро Президиума Совмина (БПСМ), ибо он не захотел довольствоваться положением второго лица только в партии, и приняла, по сути дела, отменяя предыдущее, еще одно решение: «Ввести в состав членов Бюро Президиума Совета Министров СССР тов. Маленкова Г.М.». Возвращение Маленкова в БПСМ облегчило то, что он, как ему тогда казалось, подыскал надежного и верного союзника, которому смог доверить текущие дела секретариата ЦК и ОБ: воспользовавшись очередной анонимкой, поступившей в ЦК и обвинявшей Г.М. Попова в бездушном пренебрежительном отношении к людям, их заботам и нуждам, Маленков, Берия, Каганович и Суслов как члены специальной комиссии 1 ноября 1949 г. создали «дело» московского первого секретаря. 12 декабря последовало решение ПБ о смещении Попова со всех партийных постов, на следующий день — о назначении секретарем МК и МГК и секретарем ЦК партии Хрущева. Закрепление и без того твердых позиций Маленкова в партаппарате завершилось в мае — июне 1950 г. первым этапом перемещений заведующих отделами. Отдел партийно-профсоюзно-комсомольских органов возглавил Г.П. Громов, административный — В.Е. Макаров, тяжелой промышленности — В.И. Алексеев, машиностроения — И.Д. Сербин, планово-финансово-торговый — Н.Н. Шаталин.

Новое руководство СМ, вернувшее себе право заниматься секретными вопросами, т.е. обороны, военной промышленности, иностранных дел, внешней торговли и госбезопасности, стало несколько менять пространственную ориентацию политики, перенося ее центр тяжести с Западной Европы на Азию, где, как казалось, победа народной революции в Китае и образование КНДР создавали возможность более широкого проникновения в обширный регион, охваченный борьбой за независимость, включая Индокитай и Индонезию. И весной 1950 г. Кремль одобрил им же задуманный, а предложенный Ким Ир Сеном и Мао Цзэдуном, план блицкрига для объединения Северной Кореи с Южной.

Принимая такое решение, советская сторона рассчитывала на то, что ни США, ни другие страны Запада не успеют вмешаться в локальный конфликт. Однако уже на третий день войны ООН осудила действия КНДР как агрессивные. После того как северокорейская армия заняла практически весь полуостров, США направили туда свои вооруженные силы, и 25 октября американские дивизии вышли к р. Ялу. Даже участие китайских «добровольцев» в войне на стороне КНДР, поначалу выглядевшее обнадеживающим, не привело к решительному перелому и позволило лишь установить зыбкое равновесие, стабилизировав линию фронта в районе 38-й параллели. Стало предельно ясно, что победу может принести только использование атомного оружия. Но Вашингтон счел тогда свою основную цель — сдерживание коммунизма — достигнутой и не решился пустить в ход атомную бомбу.

13 января 1951 г. президент Трумэн заявил о нежелательности дальнейшего расширения масштабов и характера боевых действий в Корее. Недвусмысленное предложение вернуться к положению, существовавше-

му до начала войны, в Кремле услышали, поняли и расценили как желательный вариант выхода из корейского тупика. Завершить конфликт на такой стадии его развития без необходимости давать официальные объяснения могла помочь и советская пропаганда, однозначно трактовавшая Корейскую войну как неприкрытую агрессию США и сеульского режима. Потому восстановление прежней границы по 38-й параллели можно было преподнести как еще одну убедительную победу сил мира.

Но для этого следовало несколько отодвинуть тех, кто помог ввергнуть СССР в опасную авантюру. 16 февраля 1951 г. ПБ, как всегда без заседания, любимым у генсека «опросом», приняло два важных взаимосвязанных решения. В соответствии с первым Булганину возвращали прежнее положение руководителя ВПК, отобранное у него с началом Корейской войны, а в структуре СМ создали соответствующее Бюро — по военно-промышленным и военным вопросам, которое должно было руководить деятельностью министерств авиапромышленности, вооружения, вооруженных сил и военно-морского флота (последнее было воссоздано 25 февраля 1950 г.). Второе решение существенно меняло систему власти. Оно гласило: «Председательствование на заседаниях Президиума Совета Министров СССР и Бюро Президиума Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей Председателя Совета Министров СССР тт. Булганина, Берия и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью Председателя Совета Министров СССР Сталина И.В.».

Последняя фраза, как раньше, так и позже никогда не встречавшаяся в подобного рода документах, до-

вольно странна для расшифровки. Если ее внесли в текст с ведома Сталина, то ее следует понимать в том смысле, что он в силу веских причин (а ими могли быть либо загруженность более важной работой, либо болезнь) доверил своеобразному триумвирату часть своих полномочий и позволил ему какое-то время, растянувшееся потом на два года, частично вершить судьбы страны от его имени. Если же фраза появилась вдруг вопреки воле Сталина, как, например, это произошло с введением 15 апреля 1950 г. Маленкова в состав БПСМ, то она должна означать нечто противоположное: что в тот день генсека как бы отстраняли от руководства и что система, созданная Сталиным, сработала как бумеранг, обратившись в конечном итоге против него самого.

А пока что продолжалась концентрация власти в руках триумвирата (Берия, Маленков, Булганин). 15 марта перестройка структуры БПСМ продолжилась. Пять Бюро СМ из девяти были ликвидированы, их вопросы переданы непосредственно в БПСМ. Тем самым Маленков снял с себя заботы о текущих проблемах сельского хозяйства, а Берия — топливного комплекса, сохранив прямой контроль только за производством атомного оружия и ракетостроением. Фактически вне БПСМ оказались Молотов и Ворошилов, а в его составе остались: из старых лидеров — Микоян, из новых — Сабуров и М.Г. Первухин. Сабуров своим возвышением был обязан Маленкову, а Первухин на протяжении последних лет находился в прямом подчинении у Берии.

Затем последовало то, что обычно в СССР предшествовало серьезным переменам в политике: 23 июня Суслова освободили от должности главного редактора «Правды», назначив вместо него Л.Ф. Ильичева. Данная мера завершила серию кадровых перестановок в

партаппарате, начатых еще в мае предыдущего года и продолженных в декабре, когда Игнатьева отозвали из Ташкента, где он находился как уполномоченный ЦК по Узбекистану, и доверили ему пост заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов, Громова переместили в административный отдел, а Макарова направили заместителем министра госбезопасности по кадрам. Наконец, на расстановку сил в аппарате ЦК существенно повлияла роль в нем Суслова и то, что Агитпроп реорганизовали в четыре отдела — агитации и пропаганды, науки и высших учебных заведений, литературы и искусства, школ.

Только после этого триумвират предпринял действия, которые должны были продемонстрировать смягчение и либерализацию внешней политики СССР. 23 июня, получив соответствующее указание из Москвы, постоянный представитель СССР в ООН Я.А. Малик выступил с предложением начать переговоры о прекращении войны в Корее; 4 августа последовало решение не пересматривать конвенцию Монтре, чей очередной пятилетний срок истек, и тем самым отказаться от дальнейших требований к Турции получить согласие на создание советской военной базы в проливах Черного моря[1].

Из других событий лета 1951 г. особого внимания заслуживает начавшееся обновление руководства силовых министерств. Их в контексте решения от 16 февраля, а также прекращение без каких-либо объяснений дальнейшего издания томов сочинений Сталина можно было бы рассматривать как свидетельство усиливавшейся изоляции генерального секретаря и устранения из его окружения тех, на кого он мог бы в случае необходимости опереться. 20 июля подвергнутого опа-

---

[1] РГАСПИ, д. 2221, л. 56; д. 2223, л. 2; д. 2224, л. 66; д. 2219, л. 84—85; д. 2225, л. 10.

ле в 1947 г. адмирала Н.Ф. Кузнецова восстановили в должности министра ВМФ. 24 июля в «Правде» поместили сообщение о том, что в состав правительственной делегации СССР на празднование Дня возрождения Польши включен наравне с Молотовым и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, и опубликовали полный текст его выступления. Тем самым имя еще одного из военачальников, оказавшихся в немилости у Сталина, вернули из забвения.

Наконец, после недельной проверки записка старшего следователя МГБ М.Д. Рюмина послужила основой принятого 11 июля постановления ЦК ВКЦ(б) «О неблагополучном положений дел в МГБ». Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, без участия отделов административного и партийно-профсоюзно-комсомольских органов и без активной поддержки Мальковым эта записка, что бы она ни несла в себе, не смогла бы попасть на рассмотрение ПБ. Во-вторых, оргвыводы — снятие Абакумова с поста министра — выглядели неадекватно тем обвинениям, которые выдвигались против него: смерть до завершения следствия сотрудника Лечсанупра Кремля лечащего врача Берии Я.Г. Этингера, «признавшегося» в причастности к смерти А.С. Щербакова; непредставление в ЦК сведений об этом, а также о ходе следствия по делам заместителя генерального директора АО «Висмут» и группы еврейской националистической молодежи. 9 августа Игнатьев, который вел проверку работы МГБ, стал новым министром госбезопасности.

Как бы промежуточным итогом столь значительных перемен в судьбах страны стали два имевших принципиальное значение решения ПБ. Им вроде бы предстояло сделать необратимым поворот во внешней политике и оформить сложившуюся теперь расстановку сил во властных структурах: от 20 августа — о проведе-

нии в Москве Международного экономического совещания (было призвано вывести СССР из изоляции, для начала — в области международной торговли: найти новые рынки для сбыта советской продукции и сырья, способствовать обретению партнеров для импортных операций за пределами восточного блока), от 7 декабря — о созыве осенью 1952 г. откладывавшегося вот уже несколько лет очередного XIX съезда партии. Порядок дня, утвержденный тем же решением ПБ, предопределял главное: кто будет формировать делегации и новые центральные органы. Выступление с отчетным докладом поручили Маленкову, о директивах по V пятилетнему плану — Сабурову, об изменениях в уставе ВКП(б) — Хрущеву[1].

Но и теперь скрытая, закулисная и сложная игра в руководстве, единственной ставкой в которой была власть, не прекратилась и не замерла даже на месяц. 1952 г. начался с перестановок в высшем командном составе вооруженных сил. В январе командующим артиллерией стал В.И. Казаков, начальником Главного артиллерийского управления — С.С. Варенцов, новым заместителем министра — М.И. Неделин. В июле заместителями военного министра назначили Л.А. Говорова и К.Г. Вершинина. Еще в мае радикальные перетряски затронули МИД: Малика отозвали из Нью-Йорка, а Г.М. Пушкина из Берлина и утвердили заместителями министра иностранных дел; В.А. Зорин получил должность постоянного представителя СССР в Совете Безопасности, А.А. Громыко — посла в Великобритании, А.С. Панюшкина отозвали из Вашингтона и направили в Пекин, Г.Н. Зарубина переставили послом из Лондона в Вашингтон. Все это, как свидетельствовала советская практика, означало грядущую в

[1] РГАСПИ, д. 2224, л. 85, 92; д. 2225, л. 16, 39; д. 2227, л. 134.

ближайшем будущем смену министров военного и иностранных дел, т.е. отставку Василевского и Вышинского.

В апреле в Москве прошло Международное экономическое совещание, участников которого впервые не подбирали в соответствии с их политическими взглядами. Подобный подход сказался на заметных сдвигах во внешней торговле СССР, ее ощутимом оживлении за счет установления более равноправных и взаимовыгодных связей. В октябре собрался XIX съезд партии. Образование 16 октября на первом Пленуме ЦК нового состава неуставного Бюро Президиума ЦК (что повторяло по названию высший исполнительный орган государства) не вносило чего-либо нового в баланс сил и не влияло на приоритетность позиций тех, кто стал во главе страны два с половиной года назад.

В узкой группе, выделенной из всех членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, явными преимуществами (даже только при голосовании) обладали те же Берия, Булганин, Маленков, Хрущев, Сабуров и Первухин. Их уже не мог никто уравновесить даже при поддержке «теней прошлого», переставших играть заметную роль в политической жизни, — Ворошилова и Кагановича. В свете данных фактов перестает вызывать недоумение полное тогда отстранение Молотова и Микояна от реального руководства.

Можно принять также, хотя и с оговорками, предположение А.Г. Авторханова о намерении либо всех шестерых новых лидеров СССР, либо некоторых из них устранить из политической игры Сталина. В пользу этого говорят следующие факты. Во-первых, подлинные задачи таинственного Бюро № 2 — самостоятельного аппарата МГБ, законспирированного от всех без исключения сотрудников этого ведомства и подконтрольного только самому министру и его первому

заместителю. Официальной целью Бюро № 2, образованного решением ПБ от 9 сентября 1950 г., а сформированного в начале следующего года, стало «выполнение специальных заданий внутри Советского Союза по пресечению особыми способами («компрометация, секретное изъятие, физическое воздействие и устранение») вражеской деятельности, проводимой отдельными лицами». Все попытки министра Игнатьева получить от ПБ, вернее — от своего куратора в ПБ Маленкова какие-либо конкретные задания для бездействовавших два года, но продолжавших усиленно тренироваться, странных подчиненных в составе этого Бюро или хотя бы влить их во Второе главное (контрразведывательное) управление МГБ не увенчались успехом.

Во-вторых, арест в декабре 1952 г. Н.С. Власика, а затем отстранение Поскребышева, руководителей личной охраны и секретариата Сталина.

В-третьих, цепь событий, начавшихся в 1951 г.: «признание» Этингера в причастности к смерти Щербакова; снятие 1 сентября 1952 г. с должности начальника Лечсанупра Кремля П.И. Егорова и назначение на этот пост начальника медицинско-санитарного отдела Административно-хозяйственного управления МГБ генерал-майора медицинской службы И.И. Крупина, что было проведено под контролем Маленкова и Шкирятова; наконец, публикация 13 января 1953 г. сообщения об аресте «врачей-вредителей» из кремлевской поликлиники[1].

Впрочем, все это можно рассматривать также и как сложную игру, затеянную самим Сталиным. Его смерть в марте 1953 г. не приостановила борьбы за

---

[1] РГАСПИ, д. 2229, л. 57; д. 2232, л. 133; д. 2231, л. 78; ЦХСД, коллекция, ф. 89, перечень 18, док. 18, л. 2, 3—5, 8; РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2233, л. 41.

власть в советском руководстве. Очередными ее вехами стали затем арест Берии и другие события тех лет.

Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 года[1]

4 марта 1953 г. по московскому радио, в 6 ч 30 мин, было передано «Правительственное сообщение о болезни председателя Совета Министров Союза ССР и секретаря Центрального комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина». В нем, в частности, говорилось следующее: «Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР сознают все значение того факта, что тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собою более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности. Центральный комитет и Совет Министров в руководстве партией и страной со всей серьезностью учитывают все обстоятельства, связанные с временным уходом товарища Сталина от руководящей государственной и партийной деятельности»[2]. Так открыто было высказано то, что давно волновало высшее руководство СССР. Давалось понять, что вопрос о власти стал предметом обсуждения и ждет решения в ближайшее время.

Немногие очевидцы смерти Сталина настойчиво и в согласии друг с другом утверждают, что «дележ портфелей» происходил в Волынском уже вечером 5 марта, сразу же после смерти Сталина. Вот слова Н.С. Хрущева: «Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в

---

[1] Публикуется по: Вопросы истории, 1996 г., № 5—6.

[2] Правда, 4.III.1953.

свою машину и умчался в Москву с «ближней дачи». Мы решили вызвать туда всех членов бюро или, если получится, всех членов Президиума ЦК партии... Вот собрались все. Тоже увидели, что Сталин умер... Я... волновался за будущее партии, всей страны. Чувствовал, что сейчас Берия начнет заправлять всем. Последует начало конца, подготовленного этим мясником, этим убийцей. И вот пошло распределение «портфелей»[1]. Дочь Сталина С.И. Аллилуева подтверждала отдельные детали рассказанного Хрущевым и подкрепляла эту версию: «Когда все было кончено, он [Берия] первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества... Потом члены правительства устремились к выходу — надо было ехать в Москву в ЦК, где все сидели и ждали вестей»[2].

Но Аллилуева не могла тогда знать о состоявшемся вечером 5 марта, за полтора часа до смерти Сталина, заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Настойчивость же, с которой Хрущев создавал свою версию тех событий, когда рассказывал о них 31 января 1955 г. на Пленуме ЦК КПСС и когда много позже наговаривал на магнитофон свои мемуары, свидетельствует о его нежелании раскрывать тайны борьбы за власть, в которой он принимал непосредственное участие.

Когда же было подготовлено правительственное сообщение о болезни Сталина? И когда узкое руководство страны приступило к поиску соглашения о переделе власти? Газеты с правительственным сообщением, вышедшие утром 4 марта без малейшего опозда-

---

[1] Вопросы истории, 1992, № 2—3, с. 93.

[2] *Аллилуева С.* 20 писем к другу. М., 1990, с.10.

ния, были подписаны в печать, следовательно, не позднее 24 ч 3 марта. Чтобы набрать тексты сообщения и бюллетеня и переверстать первую полосу, требовалось около двух часов. На рассылку текстов в редакции основных газет, фельдсвязью по Москве и телетайпом или фототелеграфом по стране, нужно еще не менее получаса. Наконец, необходимо время для того, чтобы согласовать с членами Президиума Совета Министров СССР и ЦК КПСС или хотя бы с их бюро оба документа и размножить их в соответствующем количестве. Значит, вечером 3 марта, когда по решению бюро Президиума ЦК партии, принятому в тот же день, были разосланы приглашения на Пленум, первоначально намеченный на 4 марта, и никак не позже 20:30, текст правительственного сообщения уже существовал[1].

На исходе 3 марта соглашение о разделе и переделе власти еще не стало окончательным. Пока ограничились изменением состава действовавшей вот уже два года «тройки», порою принимавшей важные решения и публиковавшей их «за подписью председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина». В ней остались Г.М. Маленков и Л.П. Берия, но место Н.А. Булганина занял В.М. Молотов, еще в феврале 1949 г. удаленный Сталиным из узкого руководства и заодно освобожденный от должности министра иностранных дел СССР. В силу своего официального положения как одного из трех первых заместителей Председателя Совета Министров СССР и единственного из «тройки» секретаря ЦК КПСС Маленков, могший считаться преемником Сталина, оказался не вполне готовым к тому, чтобы унаследовать власть прежнего вождя во всей ее полноте. Маленкову не хватило тогда времени,

---

[1] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 2, оп. 1, д. 127, л. 35—37; д. 24, л. 1—2.

чтобы успеть воспользоваться теми преимуществами, которые давали ему «мингрельское дело» и «дело врачей», и устранить самого сильного и наиболее опасного соперника — Берию. Это вынуждало Маленкова найти такое решение, которое позволило бы продлить неустойчивое, но пока благоприятное для него равновесие сил во властных структурах, получив необходимую отсрочку.

Позволяло сделать это возвращение Молотова в состав узкого руководства как единственного тогда человека, остававшегося непримиримым конкурентом Берии и достаточно популярным как в народе, так и у значительной части партийно-государственного аппарата. Несмотря ни на что, Молотов еще сохранял былой ореол ближайшего соратника Сталина и второго лица в стране, ранее 10 лет возглавлявшего правительство. Этот ход Маленкова в аппаратной игре повлек за собою разрастание узкого руководства до «пятерки», в которую включили Булганина и Л.М. Кагановича. Последний, тоже давний соратник Сталина и Молотова, как бы подчеркивал преемственность новой власти.

Эта властная конструкция спустя 10 дней получила название коллективного руководства. Ее коллективность зиждилась не на общности устремлений, единстве целей и согласованности единомышленников, а на прямо противоположном: она обусловливалась с трудом сбалансированными противоречиями, разнородными взглядами и интересами в руководстве, притязаниями его членов на единоличное лидерство. Достигнутое тогда временное равновесие сил не обрело устойчивости и не стало привычным для народа, почему и воспринималось как вынужденное явление. Оно оказалось первым раундом развернувшейся жестокой борьбы за власть, а пока что позволило приступить к

распределению портфелей. Вероятно, на это и ушло все 3 марта.

4 марта, где-то в полдень, секретари ЦК партии еще ничего не знали о результатах состоявшихся переговоров и начали свою каждодневную деятельность, завизировав три проекта решений достаточно заурядного характера: по заявлению Б.С. Агафонова — об организационных вопросах науки; по записке Н.Г. Пальгунова — о создании в ТАССе группы международных обозревателей; о работе школ Ставропольского края[1]. А потом оставили привычные обязанности и кабинеты ради присутствия на экстренном заседании фактически последнего бюро Президиума ЦК КПСС и стали свидетелями принятия тех решений «по оргвопросам», которые определили внутреннюю жизнь СССР на последующее время.

Прежде всего было признано необходимым реорганизовать властные структуры, упростив и сократив их: «иметь в Совете Министров СССР вместо двух органов — Президиума и бюро Президиума, один орган — Президиум», в состав которого должны входить были председатель Совета Министров и его первые заместители, которые одновременно были членами Президиума ЦК КПСС. Аналогичную перестройку претерпели высшие партийные органы, где тоже были слиты бюро Президиума и Президиум ЦК. Затем определили персональный состав новых органов власти. Президиум ЦК включил (помимо прежних членов упраздненного бюро — Маленкова, Берии, К.Е. Ворошилова, Хрущева, Булганина, Кагановича, М.З. Сабурова и М.Г. Первухина) еще Молотова и А.И. Микояна. Президиум Совета Министров оказался вдвое меньшим: председателем утвердили Маленкова, его первыми заместите-

---

[1] РГАСПИ, ф. 4, оп. 9, д. 383, л. 1—7.

лями — Берию, Молотова, Булганина и Кагановича. Решено было провести 5 марта, в 20 ч, совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР.

Произошедшее предали гласности в завуалированной форме. Газета «Правда» в передовице от 5 марта «Великое единство партии и народа» при традиционном наборе пропагандистских штампов упомянула три фамилии: Ленина, Сталина и Маленкова. Тем самым прямо указывалось всем, чьи распоряжения и указания, отныне следует принимать к беспрекословному исполнению и на кого ссылаться прежде всего в статьях и при выступлениях. Далее «наверху» предстояло к моменту открытия совместного заседания договориться о должностях для членов нового Президиума ЦК и сформировать правительство.

Еще накануне участники тайных переговоров, стремясь зафиксировать свое особое положение, отказались от воссоздания многолюдного Президиума Совета Министров и подменили его прежним бюро, переименовав последнее. Отсюда — и отказ от восстановления координировавших и направлявших отраслевую деятельность министерств и ведомств ряда бюро при Совмине, чьи председатели составляли прежде доходивший до 12 человек Президиум Совмина. Вместо этого сократили вдвое число министерств. Реальная власть в правительстве дробилась между 25 министрами, лишь несколько из которых оказывались в кругу избранных, т.е. первых заместителей главы правительства. Теперь предстояло договориться о новой структуре высших органов управления и о кадровых назначениях.

Однако за полтора дня сделать это полностью оказалось невозможным, ибо каждый из членов былой «тройки» настойчиво стремился сохранить свое поло-

жение триумвира, не допустить ни умаления собственных, только что занятых им позиций, ни усиления их у остальных и настоять при утверждении на министерские посты тех, кого каждый мог считать своими союзниками. К исходу 5 марта согласовали распределение только ключевых должностей и провели перетряску секретариата ЦК. Выявилось, что тактика, избранная Маленковым, себя оправдала. Отсутствие у его соперников времени на то, чтобы сговориться и принять контрмеры, позволило ему получить то, чего он тогда добивался: сосредоточить в своих руках контроль над государственным и партийным аппаратами.

Как председатель Совета Министров СССР Маленков наблюдал за работой Советов министров союзных республик. Как председательствующий на заседаниях Совмина влиял на формирование основ внутренней и внешней политики, ставя на обсуждение или отвергая как «неподготовленные» те или иные вопросы. По сложившейся традиции он председательствовал еще на заседаниях Президиума ЦК, определял даты их проведения и повестку дня. Удержав за собой должность секретаря ЦК, продолжал также направлять работу партаппарата, мог оказывать прямое воздействие на характер решений, принимаемых секретариатом либо выносимых на утверждение или обсуждение в Президиум ЦК.

Берия, который стал теперь вторым лицом в стране, значительно уступал Маленкову по положению и по возможностям, хотя и сумел получить многое. Прежде всего, возвратил себе отобранные у него ранее два силовых министерства — государственной безопасности и внутренних дел. Они с этого момента сливались в одно МВД СССР. Он сохранил за собой также контроль за деятельностью наиважнейших для создания и наращивания военной мощи и самых засекреченных

учреждений: главных управлений при Совмине СССР — Первого (атомно-ядерная программа) и Второго (ракетостроение). В зависимости от Берии оказывалось теперь военное министерство, и у него сохранялись прямые связи с промышленными министерствами, обязанными выполнять особые заказы вне всякой очереди, даже в нарушение пятилетних и годовых планов развития народного хозяйства.

Молотов, менее активный участник борьбы за власть, ограничился постами министра иностранных дел и, по должности, главы внешнеполитической разведки — Комитета информации. Достаточно ограниченные в сравнении с прежними полномочия достались Булганину, вторично возглавившему министерство обороны. И оба эти члена «пятерки» вынуждены были принять своими первыми заместителями тех лиц, кого они сами вряд ли подобрали бы себе: Молотов — Я.А. Малика и А.Я. Вышинского, Булганин — А.М. Василевского и Г.К. Жукова. Напомним, что Вышинский был министром иностранных дел в 1949—1953 гг., Василевский — министром Вооруженных сил и потом военным министром в те же годы. Еще меньше выпало Кагановичу, единственному из первых заместителей главы правительства, не получившему министерского портфеля.

Следующий уровень власти составили пятеро, ставшие заместителями председателя Совмина, каковой факт из-за спешки забыли тогда зафиксировать в проекте решения. Это, в силу статуса давнего члена Политбюро, Микоян, назначенный министром внутренней и внешней торговли (пост, который он с перерывами занимал с середины 1920-х гг.), и лица, возглавившие фундамент военно-промышленного комплекса — укрупненные министерства, заменившие ведущие отраслевые бюро при Совмине: Сабуров —

министр машиностроения (прежние министерства автомобильной и тракторной промышленности, машиностроения и приборостроения, сельскохозяйственного машиностроения, станкостроения), В.А. Малышев — министр транспортного и тяжелого машиностроения (упраздненные министерства транспортного машиностроения, судостроительной промышленности, тяжелого машиностроения, строительного и дорожного машиностроения), Первухин — министр электростанций и электропромышленности (ранее министерства электростанций, электропромышленности, промышленности средств связи). Госплан СССР вместе с присоединенными к нему госкомитетами по материально-техническому снабжению и снабжению прод- и промтоварами передали Г.К. Косячко, ряд лет проработавшему первым заместителем председателя этого комитета. Ворошилов был оставлен членом Президиума ЦК и удостоился декоративной должности председателя Президиума Верховного Совета СССР вместо Н.М. Шверника, переброшенного в ВЦСПС[1].

Кадровые передвижки, отражавшие новую расстановку сил, провели и в секретариате ЦК. Из него вывели Л.И. Брежнева, Н.М. Пегова, Н.Г. Игнатова и П.К. Пономаренко. Первых двух назначили соответственно заместителем начальника Главного политического управления министерства обороны и секретарем Президиума Верховного Совета СССР. Вместо них ввели в секретариат сторонников Маленкова, проводников его взглядов и политического курса. С.Д. Игнатьеву, лишившемуся должности министра МГБ, дали в ведение среди прочих отделов ЦК и отдел административных органов, опекавший министерства обороны, внутренних дел, юстиции, прокуратуру и

---

[1] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 8.

Верховный суд. Ввели П.Н. Поспелова, заменившего Н.А. Михайлова в роли главного идеолога партии и наблюдавшего за деятельностью таких отделов ЦК, как пропаганды и агитации, художественной литературы и искусства, философских и правовых наук, экономических и исторических наук, науки и вузов, школ; Н.Н. Шаталина, призванного держать под контролем подбор и расстановку кадров во всех государственных учреждениях, общественных организациях и на всех предприятиях страны.

Подняли статус Хрущева. Его переместили с поста первого секретаря Московской областной парторганизации, в то время стоявшей над горкомом партии, и «признали необходимым», чтобы он «сосредоточился на работе в Центральном Комитете»; иначе говоря, назначили вторым секретарем ЦК[1]. Но при существенно измененном составе секретариата и в окружении тех, кто будет согласовывать решения прежде всего с Маленковым, Хрущева фактически лишили возможности проявлять самостоятельность и вынуждали заниматься преимущественно организационными вопросами.

На этом время, отпущенное узким руководством самому себе для формирования высших органов власти, иссякло. Из 25 должностей министров 17 остались вакантными. А.Ф. Горкин, еще не знавший о том, что он уже не секретарь, а заместитель секретаря Президиума Верховного Совета СССР, не увидел в том проблемы и днем 5 марта направил Маленкову предложение созвать сессию Верховного Совета 8 марта. Однако глава правительства отклонил эту идею, но не из-за того, что сомневался в возможности успеть заполнить свободные министерские посты. Кроме утверждения нового правительства на сессии следовало

---

[1] Источник, 1994, № 1, с. 107—111.

еще принять давно составленный министром финансов А.Г. Зверевым и уже согласованный бюджет СССР не текущий год. Здесь-то и таилось препятствие, которое предстояло преодолеть Маленкову.

В 20 ч 5 марта в Свердловском зале Большого Кремлевского дворца открылось непривычное по названию совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Из 236 приглашенных отсутствовали 14, в их числе еще числившийся министром иностранных дел Вышинский, посол в Великобритании А.А. Громыко, посол в США Г.Н. Зарубин, посол в КНР А.С. Панюшкин, шеф-редактор выпускавшейся в Бухаресте газеты Коминформа «За прочный мир, за народную демократию» М.Б. Митин, главнокомандующий советскими оккупационными войсками в Германии В.И. Чуйков, а также Булганин, дежуривший в тот момент на «ближней даче» в Волынском[1].

Первым выступил министр здравоохранения А.Ф. Третьяков. Информацией о продолжавшем ухудшаться состоянии здоровья Сталина он подготовил приученную к послушанию и повиновению собранную в зале массу — высшее звено аппарата — к тому, что от нее требовалось: высказать полную и единодушную поддержку того, что изложил затем в краткой речи Маленков. «Все понимают, — сказал он, — огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве. Вот почему бюро Президиума Центрального комитета партии созвало настоящее совместное заседание... Поручило мне доложить вам ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства...

[1] РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 12, л. 1.

Обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны требует величайшей сплоченности руководства, недопущение какого-либо разброда или паники»[1].

Необходимость преемственности власти естественна для любой страны. Но как понимать требование величайшей сплоченности при недопущении разброда и паники? Слово «паника» прежде появлялось в партийно-государственных заявлениях только раз: в радиоречи, произнесенной Сталиным 3 июля 1941 г., и отражало оно тогда прежде всего панику и растерянность у самого вождя. Затем зачитали и предложили одобрить проект постановления, которое являлось результатом достигнутой узким руководством договоренности: поддержать реорганизацию и кадровые перестановки, не содержавшие ни одной новой фамилии. Не вызвал ни у кого ни возражений, ни удивления и тот факт, что о всемогущей КПСС речь шла в последних пяти из 17 пунктов проекта. Это подчеркнуто второе место партии во властных структурах собравшиеся приняли спокойно. Сказался профессиональный, ставший второю натурой конформизм, позволявший удерживаться в должностях и подниматься вверх, ступенька за ступенькой, по бюрократической табели о рангах в рамках номенклатуры.

Заседание провели вовремя. Через час с небольшим после него пришло сообщение, что Сталин умер. Эта уже ожидавшаяся весть заставила скорректировать последующие действия: не информировать пока что население о принятых решениях, а вместо того подготовить обращение ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР «Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза», ис-

---

[1] Источник, 1994, № 1, с. 107—110.

пользовав его с двоякой целью: чтобы сообщить о смерти вождя и о программе нового руководства.

В этой программе, помимо повторявшихся пропагандистских стереотипов, прослеживалось и новое. Отсутствовало упоминание о необходимости развивать тяжелую индустрию как основу основ советской экономики, с чего обычно начинались все подобные документы. Впервые во главу угла ставилось не движение к цели, а сама цель — подъем материального благосостояния, хотя и не уточнялось, как, в какие сроки и за счет чего он будет достигнут. Наконец, хотя и отмечалась готовность дать «сокрушительный отпор любому агрессору», не упоминался извечный враг — империализм; ничего не было сказано ни о США, ни о НАТО[1].

Обращение передали по радио в 6 ч 6 марта, а в 21 ч 30 мин радиодиктор Ю.Б. Левитан зачитал постановление совместного заседания (газеты опубликовали его 7 марта, без указания даты принятия). Его содержательная часть претерпела минимальные коррективы: Сталина не упоминали среди членов Президиума ЦК партии и секретарей ЦК. Но преамбула сохранилась в первозданном виде. Вечером 5 марта при жизни Сталина без мотивировки назначения Маленкова на пост председателя Совета Министров СССР обойтись было невозможно; теперь же, когда нужда в таком объяснении отпала, повторение мотивировки выглядело нарочитым и заставляло искать скрытый смысл. Ее сохранение нельзя объяснить недосмотром при спешке. Исключение фамилии Сталина противоречит этому, свидетельствует об обратном: о повторном редактировании текста. Следовательно, многозначительную фразу оставили сознательно, намеренно допуская

---

[1] Правда, 6.III.1953.

утечку информации о наличии в узком руководстве неких разногласий. Наконец, речи, произнесенные 9 марта 1953 г. на Красной площади во время похорон Сталина, не оставили в том никакого сомнения. В них отчетливо проявились расхождения между членами «тройки», чье соперничество перешло из личного в политическое.

Ритуал траурной церемонии, согласно кремлевской традиции, должен был продемонстрировать и истинное положение лиц в советской иерархии. Остальное было несущественным, а потому и необязательным. Речи могли стать ничего не значившим набором затасканных штампов, обычным пустословием. Однако 9 марта произошло нарушение прежних правил игры. И Маленков, и Берия, и Молотов в своих выступлениях соблюли приличия, отдав дать уважения покойному, но этим не ограничились. Они постарались, используя представившуюся возможность, выразить собственное видение дальнейшего пути развития СССР. Раскрывая прежде затаенные позиции, апеллировали к слушателям, но не столько к народу, сколько к аппарату, который мог стать единственным арбитром в их конфликте, судьей отнюдь не нейтральным, а откровенно предвзятым, лично заинтересованным в окончательном выборе концепции будущей политики.

Первым, в соответствии со своим рангом, слово получил Маленков. Поминальную часть речи он построил, как клятву: Сталин завещал — а мы соблюдем и приумножим. Подтверждая верность доктрине, тут же отметил, что «завоевания социализма» ценны не сами по себе, а только как предпосылка дальнейшего поступательного движения. Объявил главной целью нового руководства «неуклонно добиваться дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей».

Во внешнеполитической части речи Маленков тоже повторил соответствующие фразы правительственного обращения. И вместе с тем именно здесь внес существенное дополнение, указав, что такая внешняя политика должна опираться на положение о «возможности длительного сосуществования и мирного соревнования двух различных систем — капиталистической и социалистической». А в конце речи вернулся к тому, что полагал важным, и не просто повторил, но буквально воззвал к стране и миру: «Наша главная задача состоит в том, чтобы... жить в мире со всеми странами». Только такую внешнюю политику следует считать «самой правильной, необходимой и справедливой», «единственно правильной». Опираться же она должна «на взаимное доверие», не ограничиваться пропагандистскими заявлениями, а претворяться в конкретные решения и договоренности, стать «действенной», проверяться только фактами.

Новое видение будущего страны продемонстрировал и Берия, придав в своей речи первенствующее значение решению внутренних проблем. Не отказываясь от использования стереотипов пропаганды, не просто упомянул о дружбе народов СССР, а развил этот тезис, сместив акцент с общего (единство) на своеобразное (национальное), и дважды подчеркнул это. Характеризуя будущую внутреннюю политику в целом, откровенно полемично наметил систему приоритетов: политика будет «направлена на дальнейшее укрепление экономического и военного могущества нашего государства, на дальнейшее развитие народного хозяйства и максимальное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей всего советского общества... Советское правительство будет заботливо охранять их (граждан. — *Ю.Ж.*) права, записанные в сталинской конституции».

Берия скорректировал внешнеполитическую линию Маленкова приемом умолчания. Повторив общее положение о необходимости сохранения и упрочения мира и развития деловых связей, ни словом не обмолвился о мирном и длительном сосуществовании двух систем. А затем призвал «неустанно повышать и оттачивать бдительность партии и народа к проискам и козням врагов Советского государства», «еще более усилить свою бдительность». И разъяснил, что тому призваны служить и Вооруженные силы, которые «оснащены всеми видами современного оружия». Заканчивая выступление, Берия вернулся к вопросу о единстве и сплоченности руководства, высказав убеждение, что таковые станут «залогом успешного претворения в жизнь внутренней и внешней политики партии и государства». И заверил «народы» страны «в том, что Коммунистическая партия и правительство Советского Союза не пощадят своих сил и своих жизней для того, чтобы сохранить стальное единство руководства».

Сходные с бериевскими взгляды в оценке существующей ситуации, в видении дальнейшего пути развития СССР, а также в определении задач, требующих незамедлительного решения, высказал Молотов, выступивший последним. Он остановился на необходимости «заботиться об укреплении советских вооруженных сил... на случай вылазки агрессора», «проявлять должную бдительность и твердость в борьбе против всех и всяких козней врагов, агентов империалистических агрессивных государств». Потом бегло коснулся международного положения и подтвердил как министр иностранных дел, что СССР будет проводить политику мира, сотрудничества и деловых связей, но только «между народами», а устанавливать связи следует лишь с теми государствами, «которые сами также стремятся к этому». Касаясь межнациональных отношений, под-

черкнул, что решение этого вопроса уже вышло за рамки СССР, ибо «имеет особо важное значение, особенно в связи с образованием государств народной демократии и ростом национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах»[1].

Так 9 марта 1953 г. тем людям, кто умел читать между строк, показали, в чем именно заключается вышеупомянутый «разброд» в руководстве. Предложили как бы две правительственные программы, два предполагаемых курса. Первый, изложенный Маленковым, строился на достижении разрядки в международных отношениях, чтобы использовать высвобождавшиеся благодаря тому силы и средства для подъема жизненного уровня населения. Второй, сформулированный в речах Берии и Молотова, исходил из убежденности, что международная напряженность в обозримом будущем сохранится и перерастет в вооруженный конфликт между двумя системами. Потому приоритет следует сохранить за тяжелой индустрией и оборонной промышленностью, расходуя на мирные цели только то, что останется. Так выявилось, что введение в триумвират Молотова оказалось противовесом слишком сильному влиянию не столько Берии, сколько Маленкова. Близилась развязка — решающее столкновение в борьбе за власть с пересмотром договоренности о разделе полномочий.

Оно произошло четыре дня спустя. 8 марта из Пекина отозвали посла Панюшкина, которого должен был сменить В.В. Кузнецов, «уступивший» свою должность главы советских профсоюзов Швернику. 10 марта прошел Пленум бюро Московского обкома партии, избравший, как от него потребовали свыше, первым секретарем Михайлова в связи с повышением Хруще-

---

[1] Правда, 10.III.1953.

ва. 11 марта Президиум Совета Министров СССР ликвидировал три отраслевых бюро: по химии и электростанциям, по машиностроению и электропромышленности, по пищевой промышленности. 12 марта Пленум ВЦСПС избрал своим председателем Шверника. Но 13 марта процесс оговоренных кадровых перемещений вдруг прервался.

Опубликованное газетами и не раз зачитанное по радио постановление совместного заседания предусматривало созыв сессии Верховного Совета СССР 14 марта. Однако собравшийся накануне Президиум ЦК партии решил отсрочить ее на сутки, проведя перед тем внеочередной Пленум ЦК КПСС; формально — для того чтобы подготовить сессию и обсудить вопросы, выносимые на ее рассмотрение. Фактически — чтобы урезать полномочия Маленкова. Дело в том, что большинство членов Президиума ЦК (Берия, Молотов, Булганин, Каганович, Хрущев и Микоян) добились сначала на узком заседании, затем и на Пленуме разделения двух ветвей власти: государственной и партийной, решив более не сосредоточивать их высшие посты в руках одного человека, в конкретном случае — Маленкова, и на этом основании освободили его от обязанностей секретаря ЦК партии, чтобы он, подобно Хрущеву, «мог сосредоточиться» на работе в Совете Министров СССР[1].

Это решение изменило расстановку сил в партаппарате и подняло «уровень» Хрущева, который вследствие того становился фактически первым секретарем ЦК и обретал реальную власть. Ту же цель преследовал вывод из только что обновленного секретариата ЦК еще двоих: А.Б. Аристова, после XIX партсъезда наблюдавшего за работой парторганизаций союзных

---

[1] Постановления Совета Министров СССР за март 1953 г., б. м., б. г., с. 197; РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 1.

республик, а также крайкомов и обкомов РСФСР, направили председателем Хабаровского крайисполкома, и Михайлова, направленного в Московский обком партии. Существенно повлияло на политический Олимп еще два решения: Шаталина перевели в члены ЦК КПСС, а Микояна ввели в Президиум Совмина СССР, в благодарность за поддержку при голосовании[1].

Пока что эти кадровые перестановки, нарушившие прежнее соглашение, еще нельзя было рассматривать как явное поражение Маленкова. Скорее их можно расценить как вынужденный для него компромисс с появившейся в узком руководстве достаточно сильной группировкой, дружно выступившей против ею же выдвинутого лидера. Ведь Маленков не только потерял, но и кое-что приобрел, хотя не сумел полностью компенсировать утраченное. В секретариате ЦК, который теперь состоял всего лишь из Хрущева, Суслова, Поспелова и Шаталина, он сохранил двух последних — своих сторонников. А использовав принцип разделения ветвей власти, добился от Пленума согласия на подготовку постановления о расширении прав министров СССР, что освобождало и их, и его самого от слишком назойливой опеки во стороны Хрущева и отделов ЦК. Тут поневоле помогли Маленкову его соперники Берия, Молотов, Булганин и Микоян, заинтересованные в усилении собственных позиций.

Главным результатом Пленума для Маленкова стала отсрочка обсуждения госбюджета на текущий год с одобрением необходимости коренной переработки готового проекта, предусматривавшего непомерные расходы на оборону. Это те самые расходы, которые по-

---

[1] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, л. 2—3, 9.

сле Второй мировой войны не сокращались, а все росли и росли, увеличившись за шесть лет почти вдвое: с 15,8% расходной части бюджета в 1947 г. до 27,7% в 1952 г. Причем согласно лишь открытым, официальным данным, существенно заниженным. Они не включали (военная тайна) сведений о затратах на разработку и производство ядерного оружия, ракет и даже обычного вооружения. И не отражали полную стоимость содержания самой огромной армии в мире с двумя мощными ударными группировками в зонах предполагаемых боевых действий: Германия и Дальний Восток.

В 1953 г., как вспоминал позже тогдашний министр финансов Зверев, дефицит бюджета, остающийся даже при сохранении на прежнем уровне расходов на оборону, должен был составить не менее 50 млрд руб., т.е. десятую часть. Маленкову, чтобы сдержать свое обещание о приоритете мирной экономики и повышении жизненного уровня, предстояло получить согласие узкого руководства на пересмотр сверстанного народнохозяйственного плана и его финансового эквивалента — бюджета, а значит — заставить Берию и Булганина пойти на ущемление их интересов. И он сумел добиться этого на Пленуме. Почему и оказался единственным докладчиком на сессии, длившейся всего два часа. Он выступил 15 марта с речью, в которой кратко подытожил результаты Пленума, о чем большинство депутатов узнало только 21 марта из газет[1].

Маленков объяснял предложенную перестройку вовсе не последними событиями, а давней практической необходимостью: «Мероприятия по укрупнению ныне существующих министерств, по объединению в одном

---

[1] Заседания Верховного Совета СССР, третья сессия. М., 1947, с. 22; там же, третья сессия. М., 1952, с. 25; *Зверев А.Г.* Записки министра. М., 1973, с. 248—249.

министерстве руководства родственными отраслями народного хозяйства, культуры, управления назрели не сегодня. Они уже длительное время, при жизни товарища Сталина, вместе с ним вынашивались в нашей партии и правительстве. И теперь в связи с тяжелой утратой, которую понесла наша страна, мы лишь ускорили проведение в жизнь назревших организационных мер». Вскользь коснулся он вопроса о «коллективном руководстве» (возникшего буквально накануне как результат очередного раунда борьбы за власть): «Сила нашего руководства состоит в его коллективности, сплоченности и монолитности. Мы считаем, что строжайшее соблюдение этого высшего принципа является залогом правильности руководства страной». Такая формулировка означала: если Маленков принимает свершившийся передел полномочий с ограничением его прав, то и он предупреждает соперников, что тоже не позволит кому-либо из них стать единоличным лидером. А потом подчеркнул свое «первое место среди равных»: «Правительство во всей своей деятельности будет строго проводить выработанную партией политику во внутренних и внешних делах. Мы уже заявили об этой позиции Советского правительства. Я имею в виду свое выступление, выступление товарища Берия Лаврентия Павловича, выступление товарища Молотова Вячеслава Михайловича на траурной церемонии 9 марта». И далее в нескольких фразах повторил собственную программу действий[1].

Лишь после этого Пленума, на котором обозначилось новое ядро власти, на этот раз «четверка» — Маленков, Берия, Молотов и Хрущев, и после сессии, утвердившей правительство в составе 28 человек, стало возможным завершить то, что начала делать «тройка».

---

[1] Правда. 16.III.1953.

Прошло формирование коллегий укрупненных министерств, создание их внутренних структур, утверждение в должностях руководителей подразделений в центральном аппарате и на местах. Осуществление этого проводилось с 15—17 марта после постановления Совета Министров СССР, решения Президиума и возобновившего теперь свою работу секретариата ЦК партии. Но с каждой очередной неделей и с каждым очередным назначением интересы членов «четверки» расходились все больше и больше. Единственно общим для них во внешней политике оставалось стремление прекратить войну в Корее: то, что наметили Маленков, Берия и Булганин еще весной 1951 г. и против чего не возражали теперь Молотов и Хрущев. Мир на Дальнем Востоке позволял выйти из тупика, в котором оказались оба военных блока. Для Маленкова же — еще и решение первой из промежуточных задач при проведении в жизнь его курса: «В настоящее время нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных сторон. Это касается наших отношений со всеми государствами, в том числе и наших отношений с Соединенными Штатами Америки».

Дополнительную уверенность Маленкову в том, что международная разрядка возможна, придало событие 12 марта, когда посол Великобритании в Москве А. Гаскойн посетил Молотова и по инициативе Лондона сообщил, что «сможет оказать помощь в деле ослабления напряженности отношений между двумя странами» (СССР и США). И все же советское правительство отказалось тогда от весьма выгодной с пропагандистской точки зрения роли инициатора мирного

процесса и предоставило право сделать первый ход былым союзникам[1].

После того как в Москве стало известно о согласии главнокомандующего объединенными силами ООН в Корее генерала М. Кларка вновь направить делегацию в Паньмыньчжон, с заявлением выступил Молотов, который приветствовал намеченную встречу делегаций воюющих сторон. Затем он сказал и о решающем: «Советское правительство выражает уверенность, что это предложение будет правильно понято правительством Соединенных Штатов Америки. Советское правительство неизменно поддерживало все шаги, направленные на установление перемирия и на прекращение войны в Корее»[2]. Вскоре Правительство СССР практически подтвердило свою готовность пойти кое в чем навстречу былым союзникам, включая Великобританию[3].

16 апреля в вашингтонском отеле «Статлер» на традиционном заседании Американского общества редакторов газет Д.Эйзенхауэр выступил с речью «Шанс для мира». В ней, ставшей как бы своеобразным ответом Маленкову, президент США выразил свои взгляды на происшедшие за последнее время перемены и связанные с ними свои ожидания: «Теперь к власти в Советском Союзе пришло новое руководство. Его связи с прошлым, какими бы сильными они ни были, не могут полностью связать его. Его будущее в значительной мере зависит от него самого. Новое советское руководство имеет сейчас драгоценную возможность осознать вместе с остальным миром, какая возникла ответственность, и помочь повернуть ход истории.

---

[1] РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 32, л. 7.

[2] Правда, 1.IV и 2.IV.1953.

[3] РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 32, л. 12—17, 24.

Сделает ли оно это? Мы этого еще не знаем. Недавние заявления и жесты советских руководителей в известной мере показывают, что они, быть может, признают возможность такого момента».

Среди «конкретных дел» Эйзенхауэр назвал такие, завершения которых добивалась, причем весьма давно, именно Москва, а не Вашингтон: подготовка мирных договоров с Австрией и единой Германией; освобождение немецких военнопленных, все еще остававшихся в СССР; заключение «почетного перемирия» в Корее. Но президент США упомянул и то, к чему Кремль тогда еще не имел ни малейшего отношения: «прекращение прямых и косвенных посягательств на безопасность Индокитая и Малайи». Наконец, пожелал, чтобы Советский Союз обеспечил «полную независимость народов Восточной Европы». В обмен на уступки со стороны СССР по этим пунктам Эйзенхауэр готов был заключить соглашение об ограничении вооружений и по контролю за производством ядерной энергии, чтобы обеспечить «запрет ядерного оружия»[1].

22 апреля советские газеты опубликовали одобренные неделей раньше Президиумом ЦК партии «Призывы к 1 Мая». Если первой шла традиционная здравица в честь международного праздника трудящихся, то вторым оказался призыв из выступления Маленкова: «Нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных сторон». 1 мая в речи на Красной площади перед началом военного парада то же положение повторил Булганин[2].

25 апреля газета «Правда» опубликовала полный

---

[1] Правда, 25.IV.1953.

[2] Там же, 21.IV и 2.V.1953.

текст речи Эйзенхауэра, сохранив даже некоторые антисоветские выпады, содержавшиеся в ней. В предпосланной ей редакционной статье «К выступлению президента Эйзенхауэра» газета пункт за пунктом отвечала на все предложения и обвинения, содержавшиеся в речи. А завершалась статья так: «Как известно, советские руководители свой призыв к мирному урегулированию международных проблем не связывают ни с какими предварительными требованиями к США или к другим странам, примкнувшим или не примкнувшим к англо-американскому блоку. Значит ли это, что у советской стороны нет никаких претензий? Конечно, не значит. Несмотря на это, советские руководители будут приветствовать любой шаг правительства США или правительства любой другой страны, если это будет направлено на дружественное урегулирование спорных вопросов. Это свидетельствует о готовности советской стороны к серьезному деловому обсуждению соответствующих проблем как путем прямых переговоров, так и, в необходимых случаях, в рамках ООН». Британский премьер У.Черчилль выступил 11 мая в Палате общин и предложил «без долгих отлагательств» созвать «конференцию в самых высших сферах между ведущими державами»[1].

Несколько дней спустя предложение Черчилля поддержали в комиссии по иностранным делам Национального собрания Франции. 21 мая Эйзенхауэр высказал мнение, что для начала следует провести совещание лидеров трех западных держав, чтобы согласовать их позиции перед грядущей конференцией. И в «Правде» 24 мая появилась редакционная статья «К современному международному положению», сводимая к одной четкой фразе: «Советский Союз всегда

---

[1] Правда, 14.V.1953.

готов с полной серьезностью и добросовестностью рассмотреть любые предложения, направленные на обеспечение мира и возможно более широких экономических и культурных связей между государствами». В Паньмыньчжоне же переговоры возобновились еще 26 апреля. Спустя месяц удалось сблизить позиции обеих сторон и 8 июня подписать соглашение об обмене военнопленными, а 27 июля — о перемирии.

Тогда же новое советское правительство начало форсировать разрешение германской проблемы. 29 мая была ликвидирована Советская контрольная комиссия, а главнокомандующего советскими войсками в ГДР избавили от занятий гражданскими делами, которые передали в ведение верховного комиссара СССР в Германии В.С. Семенова. 5 июня аналогичные меры провели в Австрии, где спустя неделю верховного комиссара И.И. Ильичева возвели в ранг посла. 26 июня СССР официально объявил о досрочном освобождении и возвращении на родину немецких военнопленных[1].

Тем временем Молотов уже с середины апреля восстанавливал свои прежние позиции в МИДе. Определенную роль сыграл в том отъезд Вышинского в Нью-Йорк как советского представителя в ООН. Всего за две недели Молотов успел отправить Малика послом в Лондон, утвердить возвращенного в Москву Громыко своим первым заместителем, а так и не уехавшего еще в Пекин Кузнецова — своим вторым заместителем. Избавился он и от В.Н. Павлова (прежнего переводчика у Сталина), которого «спихнул» главным редактором в Издательство литературы на иностранных языках, и заменил посла в Париже А.П. Павлова на С.А. Виноградова, побывавшего вместе с Молотовым в

---

[1] Правда, 29.V, 7 и 12.VI.1953; Отношения СССР с ГДР. Документы и материалы, 1949—1955. М., 1974, с. 268—269.

опале. Затем назначил на ключевые посты в МИДе как заведующих отделами хорошо знакомых ему по совместной работе лиц: А.А. Соболева — по странам Америки, Н.Т. Федоренко — по странам Дальнего Востока, Г.П. Пушкина — сначала по странам Среднего и Ближнего Востока (его заменил Г.Т. Зайцев), а затем в 3-й европейский отдел.

Несколько иначе, довольно келейно, стал готовить Маленков осуществление второй составляющей своего плана: переориентацию производства с военной на мирную продукцию. О предстоящей конверсии и ее масштабах до середины лета практически не знал никто, кроме лиц, напрямую связанных с предварительными расчетами по отраслям и заводам и введением их в народно-хозяйственный план и бюджет. Вызывалась такая скрытность тем, что при решении не внешнеполитической, а сугубо экономической проблемы союзников у Маленкова в узком руководстве быть не могло. Ни Берия, ни Булганин не желали умаления роли оборонной промышленности и сокращения всегда неограниченных ассигнований на вооружение. Их поддерживал и Зверев, представивший 11 апреля такой второй вариант бюджета, в котором только открытые военные расходы составляли 24,8%[1].

Это означало отказ от завершения восстановления народного хозяйства и от модернизации промышленности. А ведь приходилось учитывать еще и секретные статьи бюджета: расходы на содержание внутренних и пограничных войск, создание водородной бомбы, баллистических ракет Р-5 и Р-11 составляли около трети годовых ассигнований. Столь непосильное для страны бремя порождало длительную отсрочку надежд народа на материальное улучшение жизни. Конечно, при еще

---

[1] РГАНИ, ф. 4, оп. 9, д. 391, л.17; д. 394, л. 105; ф. 5, оп. 30, д. 12, л. 48.

сохранившейся конфронтации двух блоков нечего было думать о поддержке со стороны Президиума и Пленума ЦК партии смены курса внутренней политики, об одобрении конверсии. Узкому руководству, страдавшему синдромом 22 июня 1941 г. и пораженному острой ксенофобией, выражавшейся в вульгарной трактовке борьбы социализма и капитализма, следовало сначала предъявить неоспоримые свидетельства разрядки. Например — мир в Корее. Затем доказать, что разрядка приобрела необратимый ход. И только потом заводить разговор о сокращении военных расходов.

Потому-то Маленков применил не раз испытанную в кулуарах Кремля тактику. Внешне все выглядело как очередная реорганизация системы управления. В действительности началась децентрализация военно-промышленного комплекса (ВПК). Еще в первой половине марта Маленков настоял на ликвидации отраслевых бюро при Совмине и сумел разделить контроль над ВПК между «ястребом» Берией, «голубями» Сабуровым, Малышевым и пока не игравшим самостоятельной роли Д.Ф. Устиновым. Следующим шагом к конверсии стало закрытое постановление Совета Министров СССР от 11 апреля «О расширении прав министров СССР». Оно наделило значительной самостоятельностью не всех министров СССР, а только тех, кто непосредственно руководил промышленностью, строительством и транспортом, т.е. Сабурова, Малышева, Первухина, Устинова и немногих иных. Они освобождались от необходимости согласовывать или утверждать значительный круг повседневных вопросов в Президиуме Совета Министров, т.е. у Берии, Молотова, Булганина и Кагановича, и в ЦК КПСС — у Хрущева через соответствующие отделы ЦК, занимавшиеся контролем за выполнением производственных планов.

Постановление от 11 апреля предоставило министрам СССР права: утверждать структуру и штаты административно-управленческого аппарата как самих министерств, так и подведомственных предприятий и строек; изменять ставки зарплаты и тарифные сетки, вводить в необходимых случаях прогрессивную или повременно-премиальную системы оплаты труда, переводить предприятия в более высокую по оплате группу; утверждать или изменять проектные задания, сметно-финансовые расчеты, капиталовложения по отдельным стройкам, годовые планы ввода в действие или ремонта оборудования; перераспределять между предприятиями свободные оборотные средства или их излишки, изменять годовые ассигнования, переводить кредиты из статьи в статью; изменять номенклатуру продукции.

Если бы постановление ограничивалось только этими вопросами, оно не изменяло бы изжившую себя систему управления народным хозяйством, которая сложилась в годы первой пятилетки и годилась для руководства отраслями, имевшими тогда по два-три завода или комбината, по пять-шесть строек. Остался бы консервативно-бюрократический механизм управления, приобретавший все более деструктивный характер, и усугубился порочный стиль руководства, вот уже четверть века сводившийся к одному: «План любой ценой и непременно досрочно!» Но постановление содержало и такие пункты, которые наделяли некоторыми правами директорский корпус, разрешив ему продавать, покупать, безвозмездно передавать и получать излишки нефондированных материалов, демонтированное оборудование, сами фонды[1]. Это послабление развязало хозяйственникам руки и должно было по-

---

[1] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). Т. 4. М., 1968, с. 5—14.

степенно, рано или поздно, подорвать основы старой управленческой системы.

В мае началась новая перестройка лишь двумя месяцами раньше реорганизованных министерств. Упрощались их центральные аппараты и сокращались штаты (от 12% в Минфине до 41% в Мингосконтроле)[1]. Свидетельством перемен стали и реформы в республиках. В конце марта укрупнение министерств началось в Азербайджане. 4 мая оно распространилось на Казахстан, РСФСР, Украину, Киргизию и Латвию, а завершилось к середине июня. С 22 апреля по 28 мая в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Татарии и Башкирии ликвидировали областное деление, введенное двумя годами ранее. Реформа медленно, но заметно приобретала черты целенаправленной борьбы с бюрократией. Уже на своем первом этапе она высвободила из управленческих структур более 100 тыс. человек, основную часть которых направляли на производство. Многих чиновников понизили в должностях, лишили огромных зарплат и различного рода привилегий, включая телефоны правительственной связи («вертушки»), персональные машины, спецполиклиники и спецстоловые (в которых приобретались дефицитные продукты высокого качества чуть ли не задаром) и такое денежное довольствие, как неофициальную добавку к зарплате («конверты»).

Однако, опасаясь восстановить против себя сильный в массе бюрократический аппарат, Маленков совершил и обходной маневр, попытавшись расслоить чиновников и перетянуть на свою сторону тех, на кого ему пришлось бы опираться в дальнейшем. Секретными постановлениями Совета Министров СССР от 26 мая и 13 июня были значительно повышены размеры вло-

---

[1] Постановления Совета Министров СССР за май 1953 г., б. м., б. г., с. 57, 61.

жений в «конверты» для некоторых должностей[1]. Это повышение персональных ставок двум группам бюрократии — главам союзных министерств и местных исполкомов — прояснило отношение Маленкова к республиканским правительствам и их министерствам как излишним и надуманным для управления экономикой. Маленков стремился постепенно добиться ликвидации существовавшей лишь в строчках Конституции призрачной суверенности союзных республик. Отрицательно относился он и к необычайно возросшим за последние годы, особенно после вступления в ООН БССР и УССР, претензиям республик на большую самостоятельность. Он был поборником унитарного государства.

Постановления об изменении персональных ставок нанесли удар и по кадрам КПСС, и, значит, по ее престижу, по традиционному представлению о ее месте и роли в жизни общества. До 26 мая «конверты» позволяли приводить государственный и партийный аппараты в финансовое соответствие, создавая двуединую иерархическую структуру. На союзном уровне были денежно равнозначны должности замминистра и завотделом (не всяким) ЦК КПСС, начальника главка министерства и завсектором ЦК; на республиканском — председателя Совета министров и первого секретаря ЦК местной компартии, министра и завотделом местного ЦК, замминистра и замзав отделом местного ЦК; на областном — председателя облисполкома и первого секретаря обкома партии. 26 мая это рухнуло. Партработники, если определять их имидж величиной ежемесячного жалованья, вдруг оказались на порядок или даже на два ниже работников исполнительных структур. Столь вопиющая «несправедли-

---

[1] РГАНИ, ф. 5, оп. 26, д. 46, л. 53—55; д. 55, л. 11—14; оп. 30, д. 37, л. 40.

вость» заставила их сплотиться с тоже «обойденными» членами республиканских правительств и дружно выступить в защиту своих материальных интересов. Они направляли в ЦК КПСС, на имя Хрущева, жалостливые просьбы о повышении и для них суммы в «конвертах», а заодно о возвращении пониженным в должностях утраченных привилегий[1].

Три месяца Шаталину удавалось сдерживать неуемную алчность партии госаппаратчиков. Он отклонял (но только вследствие твердой поддержки со стороны Маленкова) подобные претензии. А что делали другие бонзы? Берия, получив укрупненное министерство, поначалу занимался кадровыми вопросами, и не столько ради реальных нужд реорганизации, сколько из-за стремления окружить себя теми, на кого мог бы положиться в случае необходимости. 4 марта, только что вступив, пока неофициально, в новую должность, он произвел перестановку в высшем звене руководства МВД и провел через бюро Президиума ЦК утверждение своими первыми заместителями С.А. Гоглидзе (прежде занимал тот же пост в МГБ), С.Н. Круглова (с декабря 1945 г. министра внутренних дел СССР), И.А. Серова (в последние годы — заместителя Круглова). А заместителями стали Б.З. Кобулов, отозванный из Берлина, где он служил заместителем начальника Советской контрольной комиссии, и П.В. Федотов, продолжительное время фактически возглавлявший Комитет информации.

Две недели спустя для Берии утвердили руководителей основных структурных подразделений министерства. Начальником I главного управления (внешняя разведка) стал С.Р. Савченко, до того заместитель министра госбезопасности СССР; II (контрразведка) —

---

[1] РГАНИ, ф. 5, оп. 26, д. 46, л. 79—80; оп. 30, д. 14, л. 5.

В.С. Рясной; III (военная контрразведка) — С.А. Гоглидзе; IV (идеологический контроль) — Н.С. Сазыкин; следственной части по особо важным делам — Л.Е. Влодзимирский; управления правительственной охраны — С.Ф. Кузьмичев; контрольной инспекции — Л.Ф. Райхман. В этой же группе оказались пониженные в должности бывшие заместители министра МГБ: Б.П. Обручников, назначенный начальником управления, и Н.П. Стаханов, возглавивший Главное управление милиции. Представляя кандидатов на должности, Берия говорил, что Кузьмичев и Райхман чуть ли не накануне были освобождены из тюрьмы, где провели два года как соучастники Абакумова. Зато обратным выглядело отстранение ближайших сподвижников Абакумова (Л.Ф. Цанавы) и Игнатьева (А.А. Епишева), что продемонстрировало оценку подчиненных вне зависимости от отношения к ним предшественников Берии.

Затем Берия реорганизовал вверенное его попечению ведомство. 15 марта по его предложению Совмин СССР утвердил включение в структуру нового МВД ранее самостоятельных учреждений — Главного управления геодезии и картографии, Управления уполномоченного по охране государственной и военной тайн в печати (т.е. Главлит, попросту — цензура). Одновременно в министерство юстиции был передан ГУЛАГ, а в промышленные и строительные министерства — 13 гигантских хозяйственных управлений, применявших принудительный труд заключенных, в том числе Дальстрой, Спецстрой, Главспецнефтестрой, Гидропроект. Берия, избавляясь от того, чем занималось старое МВД, снимал с себя ответственность за выполнение планов по заготовке древесины, добыче угля и руды, сдаче в срок промышленных объектов, проектированию грандиозных каналов. 19 марта по его пред-

ставлению секретариат ЦК переутвердил в должностях министрами внутренних дел союзных республик (кроме РСФСР, где такого поста не было) прежних министров госбезопасности, а начальниками управлений МВД по автономным республикам, краям и областям РСФСР — соответствующих начальников управлений МГБ. Берия оставил практически без изменений сложившееся при Игнатьеве руководство местными органами, сделав четыре исключения: назначил, с согласия Хрущева, председательствовавшего на секретариате ЦК, министрами: на Украину — П.Я. Мешика, бывшего заместителя начальника I главного управления при Совете Министров СССР, и в Грузию — В.А. Кокучая; начальниками управлений: по Московской области — П.П. Макарова и по Ленинградской — Н.К. Богданова[1].

Только теперь у Берии появилась возможность сосредоточиться на главном — борьбе за власть с проведением собственной политической линии. Практикуя начатое в марте прекращение судебно-следственных дел и освобождение из заключения некоторых бывших сотрудников МГБ с их реабилитацией и возвращением им прежних чинов и званий Берия действовал строго выборочно. Он дал свободу и должности на Лубянке Н.А. Эйтингону, Л.Ф. Райхману, Н.Н. Селивановскому, С.Д. Кузьмичеву, М.И. Белкину, также некоторым иным, но только тем, кого хорошо знал по совместной работе и на чью безоговорочную поддержку мог рассчитывать. Однако он оставил в Лефортовской тюрьме Абакумова, а 16 марта отправил туда же М.Д. Рюмина, который способствовал летом 1951 г. падению Абакумова, признававшего над собою лишь власть Сталина.

---

[1] Постановления Совета Министров СССР за март 1953 г., б. м., б. г., с. 215, 219; РГАНИ, ф. 4, оп. 9, д. 398, л. 26; д. 384, л. 1; д. 403, л. 53, 77—78.

Рюмин, один из главных инициаторов «дела врачей» Лечсанупра Кремля, был вознесен в конце 1951 г. на должность заместителя министра МГБ СССР, а год спустя, когда он стал ненужным, его отправили старшим контролером в министерство госконтроля. Держа в заключении Абакумова и Рюмина, Берия отстранялся от подозрения в причастности к «делу врачей» (один из них, Я.Г. Этингер, был лично связан с Берией), а также к «мингрельскому делу». 2 апреля он направил Маленкову записку, в которой обвинил С.И. Огольцова (в прошлом заместителя Абакумова) и Цанаву (после войны — министра госбезопасности Белоруссии) в предумышленном убийстве в 1948 г. выдающегося режиссера и актера С.М. Михоэлса, прося согласия на арест и привлечение к уголовной ответственности виновных. И тогда же внес на рассмотрение Президиума ЦК КПСС аналогичный вопрос, основанный на признании Рюмина, который сообщил: дело 28 врачей — сотрудников и консультантов Лечсанупра Кремля, а также 9 человек их семей — русских, евреев, украинцев, обвиненных лично им во вредительстве, шпионаже и террористических действиях, полностью сфальсифицировано и создано искусственно на основе ложных, надуманных сведений или самооговоров[1].

3 апреля Президиум ЦК КПСС утвердил проект постановления о прекращении «дела врачей», об освобождении и реабилитации привлеченных к следствию по нему и в то же время не отменил прежние решения по данному вопросу, принятые им же 4 декабря 1952 и 9 января 1953 г. Козлом отпущения сделали Рюмина как главного виновника беззакония. С Игнатьевым же как министром, направляющим действия подчиненных и отвечающим за них, поступили так: третьим

[1] *Ваксберг А.* Нераскрытые тайны. М., 1993, с. 297, 298.

пунктом того же постановления потребовали от него «объяснения о допущенных министерством государственной безопасности грубейших нарушениях советских законов и фальсификации следственных материалов»; а потом, другим решением, освободили его от обязанностей секретаря ЦК партии[1].

Теперь Берия освободился от контроля со стороны Маленкова, действовавшего через Игнатьева, предстал перед общественностью как бы поборником справедливости и даже постарался придать своему одиозному министерству более привлекательный вид.

Официально все это выглядело так. Сначала поместили в газетах и неоднократно передавали по радио 4 апреля «Сообщение Министерства внутренних дел СССР» о прекращении «дела врачей», освобождении арестованных и их реабилитации. 6 апреля в газете «Правда» увидела свет статья «Советская социалистическая законность неприкосновенна», в которой сообщалось, что «честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс» «был оклеветан», а ответственность и за это преступление, и за «дело врачей» возлагалась на «ныне арестованного» Рюмина, действовавшего «как скрытый враг нашего государства, нашего народа»; в вину же Игнатьеву вменялось то, что он «проявил политическую слепоту и ротозейство» и «оказался на поводу» у «преступного авантюриста» Рюмина. Наконец, 7 апреля была опубликована информация «В Центральном комитете КПСС», которая уведомляла читателей, что Игнатьев выведен из секретариата ЦК партии.

10 апреля по инициативе Берии Президиум ЦК партии утвердил постановление об отмене двух партийных решений по «мингрельскому делу», согласно ко-

---

[1] *Костырченко Г.* В плену у красного фараона. М., 1994, с. 358; Правда, 7.IV.1953.

торому высокопоставленные чины Грузии мингрельского происхождения (заметим тут, что Берия тоже был мингрелом) обвинялись в сотрудничестве с националистической белоэмиграцией и с зарубежными спецслужбами[1]. Это реабилитационное постановление не стали публиковать в центральной прессе и ограничились его оглашением на закрытых партсобраниях в Грузии. Именно с этого момента члены лидерской группы осознали, что они полностью обелили Берию, сняв с него все грехи, но оставив за ним возможность обвинять теперь уже их в грехах; поняли, что Абакумов и Рюмин в его руках стали дамокловым мечом над каждым из них.

А Берия 26 мая проявил дружеское участие к Маленкову и заботу о его добром имени, направив ему записку о том, что давнее дело бывшего министра авиационной промышленности А.И. Шахурина, командующего ВВС страны Главного маршала авиации А.А. Новикова, заведующих отделами ЦК партии А.В. Будникова и Г.М. Григорьева, осужденных в 1946 г. за провал в строительстве самолетов, — еще одна фальшивка Абакумова. Значит, необоснованна и тогдашняя кратковременная опала Маленкова в связи с этим делом как куратора авиационной промышленности в ГКО. После чего Маленков уже сам сделал все дальнейшее, чтобы ускорить реабилитацию жертв произвола. И 29 мая военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело Шахурина и других за отсутствием состава преступления, а 12 июня Президиум ЦК отменил соответствующее решение Политбюро от 16 мая 1946 г.[2]. Так Берия наглядно показывал соперникам, что они зависят от него.

---

[1] РГАНИ, ф. 5, оп. 15, д. 404, л. 113; оп. 30, д. 3, л. 3—7.

[2] Источник, 1993, № 4, с. 91—93, 99—100.

А пока что он форсировал работы по развитию ракетно-ядерного щита и запуски ракет на секретных полигонах в Капустином Яру и под Семипалатинском, детали чего были известны в совокупности только ему. Под Сталинградом, на первом полигоне, завершались испытания ракеты ПВО 10-Х, созданной конструкторским бюро В.Н. Челомея, и продолжались, с переменным успехом, запуски баллистических ракет стратегического назначения Р-5 и Р-11 из конструкторского бюро С.П. Королева. На втором полигоне велись приготовления к взрыву водородной бомбы. Успех того и другого сделал бы Молотова как сторонника жесткого внешнеполитического курса и Булганина как министра обороны союзниками Берии. После чего желательно было привлечь на свою сторону еще одного члена узкого руководства. Не годились Каганович и Микоян, не имевшие за собой ничего, кроме прошлого. Требовался голос Хрущева, который мог обеспечить поддержку и 125-тысячной армии партийных функционеров, и всеохватывающей пропагандистской машины.

Хрущев, вошедший в группу лидеров, поначалу вел себя незаметно — как один из шести секретарей ЦК партии, хотя и руководивший повседневной работой партийного аппарата. Нам думается, что в те дни он еще страшился ответственности за трагедию, происшедшую при похоронах Сталина в ночь на 7 марта в Москве. Ведь именно он, как председатель комиссии по организации похорон, обязан был сделать все возможное, чтобы избежать жертв чудовищной давки. Увереннее Хрущев почувствовал себя после Пленума ЦК, когда официально стал председательствовать на заседаниях секретариата ЦК. Но и тогда он еще продолжал уклоняться от поддержки, даже косвенно, любого из двух претендентов на полную власть и избегал

высказывать свои взгляды относительно внешней политики страны и путей ее экономического развития.

Сокращение числа секретарей ЦК партии с 10 в октябре 1952 г. до 4 спустя пять месяцев нарушило прежнюю практику наблюдения ими за работой 17 отделов ЦК и усилило роль самих секретарей, получивших в свое распоряжение по четыре-пять отделов. Значимость последних соответственно понизилась, хотя они и оставались «приводными ремнями» ЦК и каналом обратной связи, последней инстанцией для жаловавшихся, советовавших или доносивших о чем-то местных партийных организаций и отдельных членов партии. А в самом секретариате царили пока зыбкость и неустойчивость, отражавшие борьбу между членами Президиума ЦК. В таких условиях опереться на кого-либо из секретарей означало в открытую стать на сторону либо Маленкова, либо Берии, т.е. выиграть многое или проиграть все. Опора же на отделы сулила возможность потом, кто бы ни взял верх, возглавить многотысячный партийный аппарат. Хрущев избрал второй вариант. Он не стал тогда вдаваться в международные связи КПСС, знакомиться с положением в зарубежных коммунистических и рабочих партиях, оценивать их ориентацию и отношение к СССР, оставив это на усмотрение Суслова. Не вникал пока и в начатую Поспеловым с середины марта кампанию по десталинизации, поначалу весьма слабую. Не обращал внимания и на поддержку Поспеловым легкой «оттепели» в литературе и искусстве. А все силы отдал реорганизации части аппарата ЦК, обосновывая ее оглашенной тенденцией к упрощению и сокращению управленческих структур.

17 марта, на первом после смерти Сталина заседании секретариата, Хрущев помог Суслову преобразовать Комиссию по связям с зарубежными компартия-

ми в отдел ЦК и передал его Суслову под наблюдение. 25 марта провел слияние четырех отделов — художественной литературы и искусства, науки и вузов, философских и правовых наук, экономических и исторических наук — в отдел науки и культуры, сделав его заведующим хорошо знакомого ему по партийной работе на Украине А.М. Румянцева. А В.С. Кружкова, бывшего зав. отделом художественной литературы и искусства, не сократил (как Ю.А. Жданова) и не понизил в должности, но передвинул на важный в партийной иерархии отдел пропаганды и агитации, который с войны последовательно занимали Г.Ф. Александров, Д.Т. Шепилов, Суслов и Михайлов. 8 апреля Хрущев слил административный отдел, занимавшийся подбором кадров для силовых министерств, включая МВД, с отделом планово-финансовых органов и утвердил заведующим А.Л. Дедова, рекомендованного Шаталиным, т.е. Маленковым[1].

Лишь 16 апреля Хрущев совершил поступок, раскрывший его ориентацию, поддержав предложение о ликвидации одного из ключевых структурных подразделений ЦК, фактически стоявшего над всеми остальными, — отдела по подбору и расстановке кадров, за работой которого наблюдал Шаталин, и утвердил Е.И. Громова заведующим вторым по важности для функционирования КПСС отделом — партийных, профсоюзных и комсомольских органов, впоследствии переименованным в организационный и взятый сразу же Хрущевым под свой прямой контроль. Наконец, помог Суслову в третий по счету раз возглавить отдел по связям с зарубежными компартиями, освободив от

---

[1] РГАНИ, ф. 4, оп. 9, д. 384, л. 27; д. 386, л. 15—16; д. 387, л. 54; д. 392, л. 2.

поста прежнего заведующего В.Г. Григорьяна и отправив его на работу в МИД[1].

Это однозначно свидетельствовало о переходе Хрущева в лагерь Берии. Нам кажется, что Хрущев опасался услышать новые «признания» Абакумова, теперь уже о самом себе: о своей роли в ликвидации сепаратистского вооруженного подполья — западноукраинской Украинской повстанческой армии в 1944—1949 гг., окончившейся лишь частичной удачей, и о его инициативе при подготовке секретного указа Президиума Верховного Совета СССР насчет высылки в Сибирь украинских и прибалтийских крестьян, отказывавшихся вступать в колхозы. Новой ситуацией воспользовался Берия, пожелавший приписать лично себе и новому МВД «умиротворение» западных земель. Сначала он нарочито преувеличил опасность ситуации. Со второй половины апреля отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов совместно с МВД начал концентрировать сугубо негативные сведения о ситуации в Литве и Западной Украине, оперируя данными с 1944 по 1952 г. Соответствующие материалы, отраженные в двух записках Берии, были внесены на рассмотрение Президиума ЦК: 8 мая — по Литве, 16 мая — по Западной Украине. Благодаря поддержке со стороны Хрущева и Молотова инициативу Берии признали своевременной, важной и поручили секретариату ЦК в трехдневный срок подготовить проекты постановлений. 20 мая вариант обоих документов обсудили, внесли коррективы и 26 мая утвердили их[2].

В них содержался такой вывод: «Главной причиной неблагополучного положения в Литовской ССР [западных областях Украинской ССР] являются ошибки

---

[1] РГАНИ, д. 392, л. 5; д. 393, л. 41.

[2] Источник, 1993, № 4, с. 87—88.

и извращения, допущенные партийными и советскими органами в политической и организационной работе и в руководстве колхозным строительством»; они выражаются в «огульном применении карательных мер и репрессий»; республиканские органы власти «неправильно относятся к делу выращивания национальных кадров... руководящие посты в центральных, областных и районных организациях в большей части заняты работниками неместной национальности, людьми, не знающими литовского [украинского] языка... делопроизводство, как правило, ведется на русском языке».

В постановляющей части требовалось «обеспечить в ближайшее время ликвидацию антисоветского националистического подполья», «покончить с администрированием в отношении населения», «в кратчайший срок исправить ошибки и извращения в деле подбора и выдвижения кадров, обеспечить смелое выдвижение литовских [украинских] кадров на руководящую работу». Разница между постановлениями заключалась лишь в том, что для западных областей Украины украинцев из восточных областей приравняли к русским и запретили направлять их на работу в западные области. А в первой половине июня Президиум ЦК КПСС утвердил еще два идентичных постановления: «Вопросы Белорусской ССР» и «Вопросы Латвийской ССР». Их редактировал и вносил на рассмотрение Хрущев. И одновременно готовил аналогичные документы по Эстонии и Молдавии[1].

В июне наметилась новая расстановка сил «наверху»: Маленков, Первухин, Сабуров против Берии, Молотова, Хрущева и Булганина. Ворошилов, Каганович и Микоян еще не приняли решение, готовясь примкнуть к победителям.

---

[1] РГАНИ ф. 5, оп. 30, д. 6, л. 12—29; оп. 15, д. 445, л. 46, 267—277; д. 443, л. 29—59.

По традиционному кремлевскому сценарию в ближайшие дни должен был собраться Президиум ЦК партии. Но 17 июня забастовка берлинских строителей переросла в стихийное выступление, охватившее несколько городов ГДР. Для нормализации положения туда направили Берию. За трое суток он «навел порядок» в советской оккупационной зоне. Однако в Москве Берию не встретили как триумфатора и умолчали о его миссии, а спустя два дня арестовали, ибо он «сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков для захвата власти»[1]. В подкрепление этого обвинения доныне не представлено ни одного доказательства. Осталось неясным, кто, помимо Берии и расстрелянных с ним его сподвижников, входил в число заговорщиков, на какие боевые части они опирались и многое другое. Наша гипотеза состоит в том, что Маленков, чтобы выиграть время, использовав поездку Берии в Берлин, успел привлечь на свою сторону двух заместителей Лаврентия Павловича по МВД — Серова и Круглова, Жукова как заместителя Булганина и командующего войсками Московского военного округа генерала армии К.С. Москаленко. Затем заявил Хрущеву, Булганину и Микояну, что у него имеются доказательства их участия в антипартийных действиях, и предъявил ультиматум: либо они на заседании Президиума ЦК поддержат предложение об аресте Берии, либо сами будут арестованы. Для Хрущева, Булганина и Микояна выбора не было, и они безоговорочно приняли предъявленные условия, заверили Маленкова в поддержке и сдержали слово. И в том же кабинете председателя Совета Министров СССР, в кремлевской резиденции Сталина, 26 июня Берия был арестован. В те часы в Москву входили

[1] Правда, 17.XII.1953.

танки Таманской дивизии по Киевскому шоссе, Дорогомиловской улице и через Бородинский мост; на Смоленской площади свернули на Садовое кольцо и помчались к центру города.

Те жаркие четыре месяца 1953 г. многому научили Хрущева. Он больше не ввязывался в чужие авантюры, действовал сугубо сам, медленно, неустанно продвигался к избранной цели. В середине августа восстановил «конверты», повысив сумму в них ответственным сотрудникам аппарата ЦК КПСС, и выплатил им разницу за три месяца, после чего они рьяно взялись за подготовку очередного Пленума ЦК, подбирали выступающих, готовили для них речи, реплики и вопросы из зала. А на Пленуме его участники единодушно избрали Хрущева первым секретарем ЦК партии. Власть стала «двуглавой». 7 декабря Хрущева без обязательного утверждения сессией Верховного Совета СССР ввели в Президиум Совмина СССР и утвердили заместителем главы правительства. А заодно поручили возглавить созданное в тот же день отраслевое бюро по сельскому хозяйству и заготовкам и сделали ответственным за разработку и осуществление аграрной программы[1].

Вскоре заговорили об освоении целинных и залежных земель. Наконец, в декабре того же 1953 г. Хрущев вспомнил о неотмененных четырех постановлениях, рожденных Берией, после чего ЦК партии принял решение о расширении прав союзных республик[2]. Борьба за высшую власть продолжалась. Впрочем, в СССР она никогда не прерывалась.

---

[1] РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 11, л. 73; ф. 2, оп. 1, д. 51, л. 50; Постановления Совета Министров СССР за декабрь 1953 г., б. м., б. г., с. 66.

[2] Правда, 7.III.1954.

Глава 2

История и геополитика

НЕФТЬ В ОБМЕН НА РОДИНУ[1]

В 1923 году в Москве обсуждали идею — продать Сахалин Японии

Учебники утверждают: период Гражданской войны и иностранной интервенции в истории нашей страны завершился в октябре 1922 г. с уходом японских войск из Владивостока. Это ложь. Полного освобождения территории Советской России удалось добиться почти тремя годами позже. И главную роль в том сыграл не полководческий талант будущего маршала Блюхера — решающим фактором оказалась нефть.

Весной 1920 г. Советская Россия находилась на грани полного краха. Крестьяне потеряли в ходе Гражданской войны почти всех лошадей. Мало того, собственно гражданская война шла практически в хлебопроизводящей зоне — на Украине, Северном Кавказе, в Среднем и Нижнем Поволжье. В стране начался голод. Физическое и моральное истощение бойцов Красной Армии превратило их к тому времени в пассивную массу, которую уже никто не мог заставить сражаться. В сложившейся ситуации Кремль был вы-

[1] Публикуется по: Политический журнал, № 4, 7 февраля 2005 г.

нужден отказаться от наступления за Байкал. 6 апреля 1920 г. была провозглашена формально независимая Дальневосточная республика (ДВР) с многопартийной системой, свободными выборами в парламент — Народное собрание, собственной армией.

ДВР, каждый шаг которой направлялся из Москвы, и предстояло добиться сугубо мирным путем вывода японских войск, используя обострившиеся отношения великих держав в тихоокеанской зоне. Нараставшее недовольство США, Великобритании и Франции чрезмерными территориальными захватами Японии, попыткой Токио закрепиться не только в южной Маньчжурии, но и в Сибири, на Дальнем Востоке, Северном Сахалине, Камчатке. Проникнуть даже на Чукотку.

Лишь под нажимом Вашингтона в конце октября 1920 г. японцы покинули Забайкалье и Амурскую губернию. Однако остались в Приморье и на Северном Сахалине. Трезво оценив ситуацию, нарком иностранных дел РСФСР Георгий Чичерин и его заместитель по странам Востока Лев Карахан решили с максимальной выгодой использовать противоречия между США и Японией.

В конце 1920 г. министр иностранных дел ДВР Александр Языков, выполняя полученные из Москвы инструкции, предложил владельцу крупной независимой американской нефтяной компании Гарри Синклеру взять концессию на два нефтеносных участка на Северном Сахалине. Нефть была обнаружена там еще в 1870 г., но добыча ее не велась.

Первыми всерьез отнеслись к богатому месторождению японцы. Потому и оккупировали северную часть острова 14 июля 1920 г.

В Москве и Чите (с октября столица ДВР) полагали, что приняли верное решение, поскольку, по имевшимся в Наркоминделе сведениям, Синклер был в

близких отношениях с президентом США Уорреном Гардингом и госсекретарем Чарлзом Хьюзом. Следовательно, чтобы отстоять свои интересы, он сумеет добиться поддержки Белого дома. Ну а тот надавит на Токио, которому придется вывести войска с Северного Сахалина. А может быть, и из Приморья.

14 мая 1921 г. правительство ДВР и представитель «Синклер ойл» подписали предварительный договор о концессии, а 31 мая Хьюз в ноте, направленной правительству микадо, твердо заявил: Соединенные Штаты «не могут согласиться на принятие японским правительством каких-либо мер, которые нарушали бы... территориальную неприкосновенность России». Северный Сахалин прямо не был назван, но явно подразумевался.

Полагаясь на поддержку США, правительство ДВР подписало с представителем «Синклер ойл» окончательный договор. В соответствии с ним американская компания получила концессию на два участка общей площадью около 1000 кв. км для добычи нефти и газа сроком на 36 лет. «Синклер ойл», в свою очередь, обязывалась затратить на разведку и добычу не менее 200 тыс. долл., в конце второго года запустить одну буровую, а к концу пятого — еще одну. Арендная плата устанавливалась в традиционной форме: 5% от ежегодной валовой добычи, но не менее чем на 50 тыс. долл. В качестве обеспечения будущих выплат компания немедленно вносила в Госбанк ДВР 100 тыс. долл. и гарантийное письмо на 400 тыс. долл.

ЯПОНСКАЯ ИГРА

Вместе с тем переговоры пришлось вести и с Японией. За четыре дня до подписания концессионного договора с «Синклер ойл» делегация ДВР, ведшая

с Японией переговоры в Дайрене (Китай), в ноте отметила: она, «идя навстречу жизненным интересам японского народа, готова предоставить японским предпринимателям промышленные концессии на северную часть острова Сахалин».

Предложение должно было повлиять на непреклонную позицию Токио.

Время шло, но Белый дом так и не оказывал давления на Токио. В конце сентября Политбюро предложило дипломатам «считать возможным вести переговоры о предоставлении Японии концессий на Северном Сахалине». Если потребуется, предоставить равные права и «Синклер ойл», и «Норт стар», за которой стояли японские концерны «Мицубиси», «Мипуи» и др.

Москва была готова платить нефтью за освобождение своей территории, которую не могла возвратить иным способом. И все же пока ничего не могла добиться. Токио не уступал. Оставалось одно — соглашение с «Синклер ойл», которое после воссоединения ДВР с Советской Россией 15 ноября 1922 г. Кремлю предстояло либо подтвердить — как правопреемнику, либо отвергнуть. Так и не дождавшись ответа из Токио, 26 января 1923 г. Совнарком РСФСР одобрил концессионный договор с «Синклер ойл» на разведку и добычу нефти и газа на Северном Сахалине.

Однако и переоформление концессионного договора не сдвинуло дело с мертвой точки. Адольф Иоффе, представлявший РСФСР и ДВР на переговорах с японцами, информировал Политбюро и Наркоминдел о весьма интересном, с его точки зрения, предложении Токио: продать Северный Сахалин Японии и тем самым разрубить гордиев узел проблем, связанных с этой «спорной» территорией.

Политбюро, не имея возможности сразу же отвергнуть безумную идею Иоффе, которого открыто под-

держивал Троцкий, поступило чисто бюрократически. 5 мая 1923 г. была образована комиссия по определению экономической и стратегической ценности острова Сахалин, члены которой единодушно постановили, что Северный Сахалин необходимо сохранить за СССР любой ценой.

16 июля Иоффе был отозван в Москву, а полпредом СССР в Китае и представителем на переговорах с Японией утвердили Карахана.

Троцкий не смог смириться с поражением и добился решения Политбюро о пересмотре условий договора с Синклером. Дело было поручено его верному соратнику Георгию Пятакову, занимавшему сразу три чрезвычайно важных поста: заместителя председателя Совета труда и обороны СССР, заместителя председателя ВСНХ и председателя Главконцесскома. Пятаков включил в условия нового договора отчисления с валовой добычи в 30%, предоставление советскому правительству кредита, а российским заводам — заказов на оборудование. И добавил явно невыполнимое: договор может быть заключен лишь по установлении нормальных отношений между США и СССР.

Но противники Троцкого вновь сумели настоять на своем и поручили ведение переговоров уже Литвинову. А Максим Максимович, воспользовавшись отсутствием в стране Пятакова, который вместе с Радеком и Раковским отбыл в Берлин организовывать революцию в Германии, и болезнью Троцкого, поспешил завершить переговоры с «Синклер ойл». А 23 октября информировал Политбюро, что к окончательному решению по сахалинской нефти необходимо прийти в ближайшие же дни, до отъезда из Москвы представителя компании Мейсона Дэя. И добился своего, найдя поддержку у Сталина.

Только теперь американские нефтяники получили право приступить к работам. В начале января 1924 г. во Владивосток пароходом из Сан-Франциско прибыли два инженера компании — МакКаллох и МакЛафлин. По зимнику добрались до устья Амура, там переправились через скованный льдом Татарский пролив и 7 февраля высадились на западном побережье Сахалина, в районе селения Погиби, где их незамедлительно арестовали японцы и, продержав несколько дней взаперти, выслали.

Столь беззастенчивые действия оккупационных властей напугали прежде всего Токио, где стали ждать реакции Вашингтона на столь очевидное нарушение международного права. В случае если США прибегли бы к стандартной процедуре по защите своих граждан, Японии пришлось бы не только незамедлительно вывести свои войска с Северного Сахалина, но и навсегда распрощаться с мыслью получить доступ к его нефти.

19 марта посол Японии в Пекине Иосидзава сообщил Карахану о готовности Токио признать СССР деюре, вывести войска с Северного Сахалина и начать по этим вопросам переговоры на приемлемых для советской стороны условиях: получить концессии на Северном Сахалине и в Восточной Сибири.

Но даже через два месяца после получения заманчивого предложения Токио в Москве продолжали склоняться в пользу обязательств по договору с «Синклер ойл». 20 мая Чичерин направил в министерство иностранных дел Японии ноту протеста против высылки представителей «Синклер».

Токио безмолвствовал. Зато ноту незамедлительно прокомментировал нью-йоркский «Джорнел оф коммерс», который сообщил, что, по его информации,

официальный Вашингтон не предполагает вносить какие-либо перемены в политику молчания по сахалинскому вопросу. Маловероятно, продолжало издание, что правительство США окажет поддержку Синклеру, в особенности в силу натянутых отношений между Америкой и Японией.

Так как ни Белый дом, ни Госдепартамент не опровергли комментария «Джорнел оф коммерс», Кремлю пришлось разрабатывать новые планы для того, чтобы добиться освобождения своей территории. 12 июня Москва впервые решила несколько переориентироваться — Красину, Чичерину и Пятакову было поручено разработать проект соглашения с Японией, включающий предоставление ей концессии на разработку нефти.

Получив окончательные директивы, Карахан возобновил переговоры с Иосидзавой и сообщил ему о готовности СССР предоставить Японии концессию на добычу нефти. И поспешил довести до всеобщего сведения результат встреч в Пекине. В интервью «Известиям» он объявил о выводе японских войск с Северного Сахалина. Затем перешел к сложному вопросу о концессиях на сахалинскую нефть.

Интервью содержало преднамеренную утечку информации. Оно было последним призывом к Вашингтону защитить интересы американской компании. Однако Белый дом и на сей раз решил остаться в стороне.

3 января 1925 г. НКВД и ВСНХ согласовали проект. Решили предоставить японской стороне для эксплуатации половину нефтяных полей, но не единым участком, а в шахматном порядке, вперемежку с участками, остававшимися за советской стороной, сроком на 45 лет.

20 января в Пекине Карахан и Иосидзава подписали конвенцию «Об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией», что фактически оз-

начало восстановление дипломатических отношений. К конвенции прилагались два протокола. Первым устанавливался крайний срок вывода японских войск с Северного Сахалина — 15 мая 1925 г. Вторым — зафиксирована договоренность об условиях получения японским концерном «Кита Сагарен Сэкию Киге Кумиай» концессии на сахалинскую нефть.

14 мая последний японский солдат покинул советскую часть Сахалина.

14 декабря в Москве Дзержинский и Литвинов от советской стороны и адмирал Накасато от японской подписали концессионный договор.

Еще раньше, 24 марта 1925 г., Московский губернский суд вынес решение по делу о расторжении договора с компанией «Синклер ойл», признав его утратившим силу. Также суд признал, что равным образом утратило силу гарантийное письмо, представленное синклеровской компанией, а внесенные синклеровской компанией в обеспечение исполнения договора деньги не подлежат обращению в доход СССР.

Доктрина национальной безопасности СССР в 1941—1946 годах[1]

К концу января 1944 г. война для Советского Союза вступила в новый этап. Изначальная, самая важная задача — любой, даже самой дорогой ценою, величайшим напряжением всех сил остановить врага, отстоять независимость и целостность страны — была решена. Немцев уже изгнали с двух третей занятой

[1] Публикуется по: XX век: власть и внешняя политика России. Материалы научно-практического семинара «Российская государственность и внешняя политика». — М.: МГИМО, 1998, с. 63—70.

ими территории СССР, в самом близком временя советские войска должны были выйти к старой, на 1 сентября 1939 г., границе.

Именно успехи Красной Армии на всех фронтах, ее постоянное, неуклонное продвижение все дальше и дальше на запад заставили временно отсрочить осуществление стратегических планов Генштаба, выдвинули на первый план оказавшиеся более значимыми политические проблемы.

Накануне гитлеровской агрессии Кремль, еще не имевший боевых союзников, осознавший неподготовленность СССР к борьбе с нацистской Германией в одиночку, отчетливо понимал ту роль, которую могли бы сыграть хотя бы лишь дружественные страны, протянувшиеся вдоль границы страны. Они могли стать буферной зоной, предохраняющей Советский Союз от внезапного нападения, послужили бы предпольем для первых самых непредсказуемых по исходу и потому крайне опасных сражений. Тогда подобные и, главное, открытые, ни от кого не скрываемые намерения в силу жестокой реальности ограничились примитивными, почти всеми странами оцененными как «империалистические» и «захватнические» действиями СССР.

Теперь же, в предвидении близкой победы, для советского руководства оказался возможным, наконец, и иной, более приемлемый для всех, цивилизованный, привычный и понятный в практике международных отношений вариант решения той же задачи. Во-первых, с помощью признанных мировым сообществом договоров закрепление за СССР приобретенных в 1939—1940 гг. территорий. Во-вторых, таким же образом достижение того, чтобы вдоль границ Советского Союза появились дружественные ему страны, желательно связанные с ним системой договоров об обеспечении взаимной безопасности. Именно такое виде-

ние будущего послевоенной Европы Сталин изложил Идену во время беседы 16 декабря 1941 г.

«Советский Союз, — пояснил Сталин, — считает необходимым восстановление своих границ, как они были в 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 г., Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Что касается границы СССР с Польшей, то она... в общем и целом могла бы идти по линии Керзона и со включением Тильзита в состав Литовской республики. Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 г. подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимыми ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок. Далее Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы... На севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, т.е. Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы».

Так впервые предельно ясно и четко была сформулирована концепция национальной безопасности СССР.

На Тегеранской конференции Сталин и Молотов сумели добиться от Черчилля и Рузвельта одобрения таких планов.

Для Кремля тегеранские договоренности означали нечто большее, нежели появление вполне законных оснований для восстановления стратегических границ, позволяли, по сути, бескровно приблизить победу, вывести из войны, если переговоры пройдут успешно,

Финляндию и Румынию без продолжения с ними боевых действий, без новых, непредсказуемых по величине людских потерь.

В силу сложившейся на фронтах ситуации первым объектом двойного, комбинированного давления — и силового, и дипломатического — оказалась Финляндия.

Через три неделя после снятия блокады Ленинграда, 16 февраля 1944 г., в Стокгольме начались тайные и неофициальные пока переговоры. Посланник СССР в Швеции А.М. Коллонтай изложила прибывшему на встречу Юхо Паасикиви советские условия мира. Они, помимо выхода Финляндии из войны, разрыва отношений с Берлином, разоружения и интернирования частей вермахта, предусматривали и то, что было согласовано с Черчиллем и Рузвельтом: восстановление границы 1940 г. и отказ от Петсамо, лишавший тем самым Финляндию выхода к Баренцеву морю.

После конфиденциальных переговоров обмен мнениями двух правительств перестал быть тайным. 1 марта те же самые условия перемирия с Финляндией были изложены в заявлении НКИД.

Неделю спустя финская сторона столь же открыто выразила желание «восстановить в самый короткий срок мирные отношения между Финляндией и СССР», но вместе с тем продемонстрировала ничем не обоснованный страх оккупации Финляндии, преобразования в советскую республику и включения в состав Советского Союза. «Для того чтобы Финляндия, — говорилось в ответе Хельсинки, — после заключения перемирия могла оставаться нейтральной, необходимо, чтобы на ее территории не находились иностранные войска».

Через день, 10 марта, последовала гневная реакция НКИД: «Советские условия перемирия в виде шести пунктов, переданные г-ну Паасикиви, являются минимальными и элементарными, и... лишь при принятии

этих условий финским правительством возможны советско-финские переговоры о прекращении военных действий». И хотя в очередном ответе Хельсинки опять проявились опасения некоей «интерпретации» условий перемирия, Кремль настоял на своем, добился все же того, что 26 марта в Москву прибыла финская правительственная делегация — министр иностранных дел К. Энкель и Ю. Паасикиви. Однако двухдневные обсуждения, проводившиеся на достаточно высоком уровне — с Молотовым и его заместителем по НКИД В.Г. Деканозовым, не привели к положительным результатам. Чтобы отклонять советские предложения, финская сторона нашла новый повод — опасение, что экономика страны не позволит возместить убытки, причиненные Советскому Союзу.

Обмен заявлениями продолжался еще почти месяц, до 22 апреля, но переговоры о перемирии так и не начались.

С конца марта началось комбинированное, военное и дипломатическое, давление на еще одного гитлеровского сателлита — Румынию. Возможность тому представили очередные успехи Красной Армии, вышедшей на реку Прут — на границу 1940 г. 2 апреля на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов Молотов отметил, что советское правительство «преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии». Более определенно сформулировать новую для многих позицию СССР — не революционную, не коминтерновскую — было трудно. Правительству Румынии предоставлялся выбор: или немедленный выход из войны, или полный разгром и капитуляция.

13 мая 1944 г. последовало суровое напоминание. На этот раз — от имени всех трех великих держав, и не

только Финляндии и Румынии, но и Венгрии, Болгарии. «Эти государства, — подчеркивалось в совместном заявлении правительств СССР, Великобритании и США, — все еще могут путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией и путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами сократить срок европейской борьбы, уменьшить собственные жертвы, которые они понесут в конечном счете, и содействовать победе союзников... Эти государства должны поэтому решить сейчас, намерены ли они упорствовать в их безнадежной и гибельной политике препятствования неизбежной победе союзников, хотя для них есть еще время внести вклад в эту победу».

Несколько иная ситуация складывалась по отношению к Польше, третьему, притом ключевому, компоненту системы национальной безопасности СССР в Европе, и не только потому, что она была союзником Советского Союза по антигитлеровской коалиции, что в принципе исключало какое-либо давление на нее, прежде всего военное. Проблематичность даже обычных консультаций с польским эмигрантским правительством крылась в твердой, категоричной позиции последнего в вопросе о восточной границе, которую в немалой степени упрочило советско-польское соглашение, подписанное премьер-министром В. Сикорским и послом И.М. Майским в присутствии Черчилля и Идена в Лондоне 30 июля 1941 г. Его первый, основополагающий пункт недвусмысленно гласил: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 г. относительно территориальных перемен в Польше утратившими силу». Тем самым Москва сама признала юридическую несостоятельность границы, установленной в сентябре 1939 г., необходимость в будущем переговоров для ее определения.

Однако все это не повлияло на настроения, господствовавшие в политических кругах польской эмиграции. Открытые антисоветские взгляды там были настолько сильны, что Сикорскому пришлось уже 30 января 1942 г. подготовить циркуляр, призванный нейтрализовать влияние представителей санации.

Между тем сам Сикорский, оказываясь во все большей изоляции и в самом правительстве, и в Генералитете, вынужден был лавировать, открыто выступая сторонником нерушимости границ довоенной Польши. Попытался склонить У. Черчилля к отказу от линии Керзона как этнического рубежа на востоке. Не встретив понимания у британского премьера, генерал в марте 1942 г. вылетел в Вашингтон, надеясь добиться поддержки со стороны администрации Рузвельта, но и там не добился успеха. Колебания же Сикорского, его попытка совместить несовместимое — и сохранять дружественные отношения с Москвой, и противостоять ей в вопросе о границах — привели к трагическому результату. Его старый политический противник генерал В. Андерс, командующий формировавшейся в Советском Союзе польской армии, уже в марте 1942 г. настоял на выводе на Ближний Восток отдельных подчиненных ему наиболее боеспособных частей. А затем, глубоко убежденный в скором и неизбежном поражении СССР, вынудил советское правительство 13 июля того же года согласиться на эвакуацию через Красноводск в Иран польской армии в полном составе. Тогда же прекратилось и только что наладившееся сотрудничество Армии Краевой (АК), подпольных вооруженных сил на территории Польши, с командованием Красной Армии.

Теперь советско-польские отношения стали чисто формальными, но и такими они оставались недолго. После поражения в Сталинграде нацистская пропаган-

да решила использовать давно известный Берлину факт расстрела в Катыни польских генералов и офицеров, надеясь с помощью широкой шумной огласки этого добиться разрыва отношений, боевого союза СССР не только с Польшей, но и с Великобританией, США. Но провокация удалась лишь частично. 25 марте 1943 г. Молотов вручил Т. Ромеру, послу Польши, ноту, в которой было объявлено о разрыве дипломатических отношений между СССР и польским эмигрантским правительством.

В создавшихся не имевших прецедента, донельзя своеобразных условиях советскому руководству оставалось лишь одно: как можно скорее подыскать более надежного, покладистого партнера для предполагавшихся в будущем переговоров, найти или создать политическую структуру, выступившую бы как общенациональная, обладающая не меньшей, нежели правительство Сикорского, легитимностью, а вместе с тем такую, которая безусловно признала бы линию Керзона как единственно приемлемую восточную границу освобожденной от оккупантов возрожденной Польши.

События, последовавшие за разрывом дипломатических отношений с эмигрантским правительством, продемонстрировали, что они оказались неожиданными для Кремля, застали его врасплох. Москва в тот момент еще не располагала, как Великобритания и США во Франции — выбором между генералами Жиром и де Голлем, необходимой альтернативной польской политической структурой, даже не была готова к ее созданию искусственно. Потому-то советское руководство вынуждено было поначалу использовать Союз польских патриотов (СПП), общественную организацию, созданную в январе 1943 г. во главе с писательницей Вандой Василевской для исполнения весьма ограниченной роли — проведения просоветской пропа-

ганды среди поляков, находившихся в СССР. Только поэтому СПП и пришлось выступить 6 мая формальным инициатором создания новых польских частей.

С этого момента польская проблема оказалась предметом заведомо безрезультатного обсуждения Сталина с Черчиллем и Рузвельтом. Было совершенно очевидно: ни Сталин, ни тем более Молотов ни на какие серьезные уступки в вопросе о границах не пойдут.

Но новый уровень дискуссии Кремль не смущал, ибо время работало на него, укрепляя его позиции. Красная Армия совместно с Войском польским, преобразованным в марте в 1-ю польскую армию, продолжала упорно продвигаться на запад, приближаясь к границе 1939 г. А это позволяло Москве оттягивать окончательное решение польской проблемы, оставляя за собой возможность сделать то, что окажется наиболее возможным, приемлемым в изменившихся обстоятельствах.

Драматично развивались события на северо-западе. 10 июня соединения Ленинградского фронта, прервав четырехмесячную паузу, начали наступление на Карельском перешейке. Десять дней спустя, не задержавшись на старой границе, заняли Выборг. И вновь перешли к обороне. 21 июня возобновились активные боевые действия и на соседнем Карельском фронте. Там Красная Армия, быстро продвинувшись на северо-запад, освободила столицу Карело-Финской ССР — Петрозаводск. Представилась возможность далее действовать дипломатам.

Только теперь финское руководство окончательно осознало бессмысленность продолжения борьбы.

Финская сторона согласилась, наконец, принять полностью предложения, выдвинутые Москвой еще в марте. Настаивала только на одном — ее праве самостоятельно добиться эвакуации частей вермахта из

южных районов страны до 15 сентября либо в тот же срок их интернировать. Пыталась тем самым исключить даже возможный предлог для ввода советских войск, оккупации. Получив же согласие на это, правительство Финляндии в ночь на 4 сентября объявило о прекращении военных действий.

По точно такому сценарию, только в необычно быстром темпе, развивались события и на юго-западе. После длительного затишья 20 августа и там внезапно возобновилось наступление Красной Армии, по плану развернувшееся в Ясско-Кишиневскую операцию.

В ночь на 23 августа в Бухаресте был совершен государственный переворот. Генералитет и офицерский корпус, поняв губительность дальнейшей ориентации на Берлин, вступили в союз с оппозиционными партиями и захватили власть. Диктатора осени 1940 г. маршала Антонеску арестовали, провозгласив главой государства обладающего всеми необходимыми полномочиями (разумеется, лишь на словах) короля Михая. От его имени и появилась наутро декларация о прекращении военных действий против объединенных наций, о готовности заключить с ними мир.

Румынское правительство безоговорочно согласилось со всеми требованиями и для официального оформления их направило 30 августа в Москву полномочную делегацию. 12 сентября, после непродолжительного обсуждения, соглашение о перемирии было подписано министром юстиции Л. Патрашкану и маршалом Р.Я. Малиновским.

Необычно благоприятная ситуация, сложившаяся летом 1944 г., предоставила советскому руководству возможность попытаться осуществить программу-максимум своей доктрины национальной безопасности: не ограничиваться достигнутым — созданием пояса дружественных стран вдоль западной границы, но и

продвинуться несколько дальше, возвести еще одну дальнюю «линию обороны», установить тесные союзнические долговременные отношения с Чехословакией, Югославией и Болгарией.

На редкость стремительно и в то же время необычайно удачно для Советского Союза менялось положение в Болгарии. Едва только Красная Армия вышла на ее северную границу, как в Софии 5 сентября поспешно огласили программную правительственную декларацию, заявили о восстановлении демократических свобод, роспуске фашистских организаций, о денонсации антикоминтерновского пакта и намерении впредь проводить политику нейтралитета. Однако СССР и его союзников подобная попытка уклониться от принципиальных решений не удовлетворила, ибо мало что меняла по существу.

7 сентября софийский режим попытался вновь отсрочить свой крах очередными уступками. 8 сентября в Софии было сформировано новое правительство — Кимона Георгиева. Оно арестовало членов прогерманского регентского совета и объявило о готовности сделать все, что только от него потребуют, для официального выхода из войны.

Удовлетворенное достигнутым, советское руководство заявило о прекращении военных действий в Болгарии. Условия же, предъявленные правительству Георгиева, оказались достаточно мягкими. Требовали лишь вывода войск с территории Югославии и Греции, занятых в ходе боевых действий на стороне Германии. Эвакуация болгарских частей началась 10 октября, а 28 октября в Москве министр иностранных дел Болгарии П. Стайнович и командующий 3-м Украинским фронтом маршал Ф.И. Толбухин подписали соглашение о перемирии.

Единственной страной, где столь удачно опробо-

ванный сценарий не оправдал себя, стала Чехословакия, страна, в которой у Советского Союза на всем протяжении войны ни разу не возникало ни проблем, ни осложнений. Еще 18 июля 1941 г. в Лондоне с ее правительством в эмиграции был подписан договор о совместной борьбе с Германией, развитый московским соглашением от 27 сентября 1941 г. о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве.

В середине апреля 1944 г. Красная Армия вышла в районе Закарпатья на старую границу Чехословакии. Рассчитывая на безусловную удачу задуманного, СССР и Чехословакия еще 30 апреля заключили соглашение, предусматривавшее в деталях взаимоотношения командования Красной Армии с номинальной администрацией правительства Эдварда Бенеша, которую предполагалось создавать в ходе восстания. Новый документ вместе с тем подтвердил весьма важное условие для послевоенного устройства Европы: независимость Чехословакии в границах, существовавших до Мюнхена.

Выход советских войск на Балканы позволил Москве решительно вмешаться и в крайне сложное, ни с чем не сравнимое положение, сложившееся в Югославии. Там длительное время беспощадно боролись, главным образом между собой, несколько политических группировок. С одной стороны, союзники Германии: хорватские легионеры, усташи и домобранцы-ополченцы; «Белый корпус» — три полка русских эмигрантов-врангелевцев; словенские домобранцы. С другой — антифашистские силы: четники (партизаны) генерала Драже Михайловича, министра обороны королевского правительства в эмиграции; Народно-освободительная армия (НОА) под командованием Иосипа Броз Тито, созданная на основе коммунистических партизанских отрядов, начавших сопротивление окку-

пантам еще в июле 1941 г. При этом ситуацию до абсурда доводило то, что четники сражались не с немецкими и итальянскими частями, а с НОА, которой приходилось ко всему прочему защищать сербское и черногорское православное, боснийское мусульманское население от хорватов-католиков.

В феврале 1944 г. советское руководство отклонило предложение королевского правительства заключить пакт о взаимопомощи, а в марте направило к Тито военную миссию во главе с генерал-лейтенантом Королевым. Еще сильнее подчеркнул ориентацию Кремля ставший демонстративным прием 19 июля Сталиным прибывших в Москву представителей штаба НОА Терзича и Джиласа. Советские войска 28 сентября начали Белградскую операцию, позволившую уже в начале октября, с официального согласия НКОЮ, освободить значительную часть Восточной Югославии, а 20 октября — и ее столицу.

Своеобразным завершением действий союзников в Европе за 1944 г., предвосхищением решений, принятых позже в Ялте и Потсдаме, стал впоследствии широко известный своеобразный «джентльменский» договор, заключенный Черчиллем и Сталиным в Москве 9 октября. Фактически он гласил о сферах интересов, сферах влияния Великобритании и СССР, что должно было послужить, с их точки зрения, одним из краеугольных камней послевоенного устройства мира.

Руководство Советского Союза поначалу твердо придерживалось достигнутой 9 октября 1944 г. договоренности. На протяжении двух лет, до подписания в Париже мирных договоров с Финляндией, Румынией, Болгарией, а также и с Венгрией, оно не делало попыток «изменить общественный строй» в этих странах, довольствовалось достигнутым, вполне достаточным: появлением надежного прикрытия территории СССР

на случай еще одной войны, которой тогда, да и много позднее, продолжали опасаться — с возродившейся, милитаризованной и сохранившей агрессивные устремления Германией.

Именно такая ситуация, в свою очередь, предопределила своеобразное внутриполитическое положение, установившееся в странах Восточной Европы, распространение в их компартиях представления о возможности своеобразного, отличного от того, что было присуще Советскому Союзу, развития, некоего «национального пути к социализму», базирующегося на системе широких блоков, близких к тому, что понимали под народным фронтом в середине 1930-х гг. Отсюда не только многопартийность правительств в странах «новой демократии», как их называла тогда официальная пропаганда в СССР, но и сохранение монархий: в Албании и Венгрии — до января 1946 г., в Болгарии — до сентября 1946 г., а в Румынии — даже до декабря 1947 г.

Все дальнейшее, включая и силовое разрешение внутренних политических кризисов в Польше на рубеже 1946—1947 гг. и в Чехословакии в феврале 1948 г., стало прямым следствием распада прежнего союза трех великих держав. Появление и обострение между ними соперничества, выразившегося прежде всего в провозглашении доктрины Трумэна, принятии плана Маршалла в первой половине 1947 г., подготовке тогда же и подписании в марте 1948 г. Западного союза, ядра появившегося год спустя НАТО, но, главное, явное, откровенное нежелание Великобритании и США завершить подготовку мирного договора с Германией и соответственно с Австрией и послужило одной из причин сохранения военного присутствия СССР в странах Восточной Европы.

Необходимость обоснования и обеспечения его вы-

нудила советское руководство к установлению там жесткого контроля: сначала, с помощью надуманных политических процессов, отстранить некоммунистические партии от руководства правительствами, а коммунистические — заставить забыть о «национальном пути к социализму», а затем, но лишь в 1955 г., юридически закрепить достигнутое созданием оборонительного Варшавского пакта.

Какую же войну проиграл СССР?[1]

Страны, особенно многонациональные и потому огромные, гибнут обычно только после проигранной войны. Именно так исчезли с политической карты мира Австро-Венгрия, Оттоманская империя. Но в ряде случаев для иного рода государств распад становится следствием войн принципиально иного характера — национально-освободительных, колоний против метрополий. Примером тому могут служить распад Британской империи, потеря Нидерландами, Бельгией, Португалией своих заморских территорий. Наконец, могут оказать катастрофическое воздействие на великие державы и оба таких фактора, при этом далеко не всегда совпадающих по времени. Так произошло с Французским союзом.

В 1991 г. как карточный домик — вдруг и в одночасье — рассыпался, распался Советский Союз. Трагическое для большинства его граждан событие оказалось практически для всех — и сепаратистов, и сторонников единства, целостности — столь неожиданным, что

---

[1] Публикуется по: Пять лет после Беловежья. Что дальше? Материалы круглого стола, состоявшегося в Горбачев-Фонде 16 декабря 1996 г. — М.: Апрель-85, 1997, с. 123—132.

до сих пор порождает неослабевающие споры. Заставляет вновь и вновь искать ответы на мучительные вопросы: почему же так произошло? Кто повинен в распаде, ответствен за него?

Причины ищут во всем. Прежде всего, и вполне обоснованно, в проигрыше Советским Союзом «холодной войны». А потому еще и в происках США, явлении явно бесспорном. Заодно, что также вполне логично, в политике последнего руководства нашей страны, возглавлявшегося Горбачевым. И в роли ГКЧП, остающейся довольно туманной, не проясненной по-настоящему даже сегодня. И в неуемном властолюбии Ельцина, Кравчука, Шушкевича. Некоторые же голословно пытаются объяснить причину гибели Советского Союза откровенно надуманным — природой существовавшего до августа 1991 г. строя, безосновательно именуя его тоталитарным. Но всякий раз, рассматривая и пытаясь решить проблему, все исходят только из конкретной политической ситуации, почему-то исключая ее из контекста истории.

Отнюдь не умаляя, не отрицая значимости перечисленных выше факторов, кроме, разумеется, последнего, вынужден настаивать на ином. Все, что произошло в 1991 г., стало лишь следствием. Причина же, подлинная и глубокая, коренится в давней, насчитывающей почти сорок лет **борьбе национальной партократии союзных республик с Москвою за власть**. Власть полную и безраздельную, никому не подконтрольную. Коренится в борьбе — закулисной, подчас малозаметной даже для самих ее участников. В борьбе, начавшейся еще в 1953 г., постоянно нараставшей и достигшей апогея в 1989-м, когда, собственно, и была предрешена судьба СССР.

В свою очередь, само существование национальных партократий, лишь номинально числившихся комму-

нистами, было естественно обусловлено, проистекало из заведомо искусственного существования союзных республик. Из лежащего в основе административного устройства Советского Союза национально-государственного принципа. Того самого, который и по сию пору сохраняется неизменным. А посему угрожает целостности многих возникших на руинах СССР республик. В том числе и Российской Федерации.

О той не просто негативной, а поистине опасной стороне государственного устройства, базирующегося на национальной основе, вспоминают крайне редко. Только тогда, когда пытаются разобраться в причинах многочисленных межэтнических конфликтов. Но всякий раз малограмотные современные политики да невежественные публицисты возлагают ответственность за появление именно таких государственных структур исключительно на большевиков, на Сталина. Не знают либо просто не желают знать, что создание союзных полиэтнических республик с произвольно установленными границами оказалось вынужденным, единственно возможным в 1922 г. Стало отражением суровой действительности.

Забывают или не хотят знать, что национальный вопрос нерешенным достался большевикам, советской власти как тяжкое наследие самодержавия. Как одно из слишком многих проявлений отсталости слаборазвитой, нищей Российской империи. От самодержавия, которое свое полное неумение и нежелание решать жизненно важные проблемы, даже впрямую угрожавшие его существованию, оправдывало тем, что в этом якобы и заключается особый путь развития России, в том и состоит некое ее предначертание.

Пять столетий постоянно расширяясь, присоединяя все новые и новые территории, царизм упорно игнорировал основное — то, что покоренные народы

слишком разнятся между собою. Находятся на различных ступенях социально-экономического развития — от родового строя до капитализма. Различаются по расам, по конфессиям, культурному уровню. Словом, цивилизационно. Но все пять веков самодержавие не только ничего не предпринимало для того, чтобы выровнять уровни развития народов страны, но и даже поддерживало именно такое состояние.

Во-первых, — **культурно**. Отсутствие в царской России обязательного образования, хотя бы начального, в принципе исключало саму возможность даже в отдаленном будущем нормального развития всех народов страны, включая и русский. Исключало естественное превращение всего лишь податного сословия в сознательных если не граждан, то подданных. Во-вторых, — **территориально**. Сначала крепостным правом, не позволявшим крестьянам покидать свои деревни. А потом безысходной нищетой того же крестьянства, так и не смогшего приобретать землю там, где было возможно товарное сельскохозяйственное производство, и в необходимых для того размерах.

Обе эти причины и привели к формированию своеобразных этнических заповедников, если не резерваций, где люди жили по обычаям и традициям XVII—XVIII веков. Такие архаические ареалы ко всему прочему были лишены еще и даже подобия какого-либо самоуправления. Исключение составили только самые развитые регионы. Финляндия, обладавшая все столетие пребывания в составе Российской империи полной автономией, позволявшей ей даже не участвовать в войнах, которые вел ее суверен. Польша, но в максимальной форме лишь пятнадцать лет. Прибалтийский край, где, правда, рядом автономных прав пользовалось только немецкое дворянство.

Подсознательно понимая, что в одной стране может быть лишь одна нация, что народы, населяющие Рос-

сию, должны быть непременно чем-то объединены, царизм в конечном итоге избрал самую порочную и бесперспективную внутреннюю политику. Попытался насильственно навязать всем без исключения «общую» идеологию. Ту, что выражалась пресловутой уваровской триадой. Результат хорошо известен. Это бунты, восстания, революции. Наконец, появление политических партий. Начало тому положила социал-демократия королевства Польского и Литвы, объединяемых общей конечной целью — свержением самодержавия, освобождением народов, угнетаемых им.

Развал Российской империи на отдельные национальные государственные образования, предвозвестником чего стала революция 1905 г., начался во время Первой мировой войны как ее прямое следствие. А вместе с тем и как проявление глобальной стратегии Германии при ее прямом вмешательстве. Так, уже в 1916 г. от России отделилась Литва. В следующем году за нею последовала Украина, а после соглашения с СНК РСФСР обрели независимость еще Финляндия и Польша. В 1918 г. процесс суверенизации резко усилился. Охватил все территории, оккупированные германскими и турецкими войсками.

Большевики давно и отлично понимали, какую угрозу целостности страны несут любые формы проявления национализма, изначально противопоставили ему не только интернационализм, но и **унитарный принцип государственного устройства**. Закрепили его первой за всю историю нашей страны **Конституцией 1918 г**. Зафиксировали в ней, что Российская Федерация в границах бывшей Российской империи, но без Польши и Финляндии, **не имеет никаких национальных образований**. Складывается лишь из областных объединений, создаваемых из двух-трех, а то и более губерний, исто-

рически и, главное, экономически тесно взаимосвязанных.

Однако реальный характер Гражданской войны, в равной степени и классовой, и политической, и межэтнической, продемонстрировал слишком уж реальную силу национализма, даже у некоторых большевиков. Вынудил отказаться от первоначальной, вненациональной идеи построения государства. Пойти на признание и суверенных, и автономных национальных советских республик. Но только под давлением обстоятельств, а потому — временно, до той поры, пока модернизация экономики не изменит облика страны, не консолидирует ее население.

Вот отсюда и то согласие на условные, отнюдь не этнические, а всего лишь административные границы. Отказ от плебисцита — практики, столь характерной для версальского переустройства Европы. Создание будущих союзных республик с включением — ради достижения в ближайшем будущем вполне понятных целей — экономически развитых территорий с преобладающим русским населением: Донецко-Криворожского бассейна, Одесской и Херсонской губерний — в составе Украины, Могилевской и Витебской губерний — в составе Белоруссии. Ну а в Закавказье, где такое решение оказалось невозможным, применили другое — федерализацию, да еще двухуровневую.

Откровенно полиэтнический облик первых четырех союзных республик подчеркивался многими чертами. И объявлением в трех из них государственными нескольких языков. И созданием различных форм автономии для нацменьшинств — от республик до районов, округов.

Противовесом же потенциальным, не исключавшимся на будущее, центробежным устремлениям союзных республик, сдерживающей силой служила идея

социализма, **общесоюзная ВКП(б)**, что и обусловило появление ее весьма сложной, своеобразной структуры, да система жесточайшего, всепронизывающего контроля в лице **ОГПУ**.

Системная модернизация экономики всей страны, а вместе с нею и быта, начало быстрого культурного роста в годы первой и второй пятилеток сыграли свою роль. Вне зависимости от выполнения планов, подлинные достижения привели к неизбежной реорганизации административного устройства СССР. Правда, успели осуществить ее только в РСФСР. Там, на рубеже 1920—1930-х гг. образовали **края**, повторявшие прежние областные объединения. Края, включавшие не только несколько упраздненных губерний, но и автономные республики. Тем самым Фактически понизили статус последних. Их незаметно, без особой огласки, превратили из субъектов Федерации всего лишь в некие национальные районы, подчиненные теперь не ВЦИКу, а администрации краев.

Однако уже к середине 1930-х гг. от подобного рода реорганизации отказались. Вернулись к национальным основам государственного строительства. Восстановили прежний **статус автономных республик**, даже повысили его для некоторых. Преобразовали Таджикскую, Казахскую, Киргизскую в **союзные**. А заодно ликвидировали Закавказскую федерацию. Вместе с тем **Конституция 1936 г.**, зафиксировавшая эти перемены, окончательно отошла от даже лишь по форме договорного, конфедеративного характера Советского Союза. Усилила фактическую унитарность еще и системой управления новой экономикой. Поставила всю ее под прямой контроль центра, Москвы, через главным образом союзные наркоматы.

Возвращение к национальным принципам было обусловлено тем, что СССР, как оказалось, все еще

пребывал на весьма низком уровне культурно-политического развития. Треть населения, прежде всего сельского, оставалась азбучно неграмотной. Более половины — лишена столь необходимой для появления гражданского самосознания элементарной информации, ибо огромное число населенных пунктов не только не имело возможности получать газеты, журналы, но и не было радиофицировано.

Отсутствие достаточного количества жилья в городах, на стройках оставалось непреодолимым препятствием для ухода крестьян из деревни. Заставляло делать такие перемещения строго дозированными, контролировать их с помощью паспортной системы, прописки. Ну а все это в совокупности продолжало поддерживать существование обособленных моноэтнических регионов, сохранявших давние, дедовские быт, обычаи, традиции, привычки.

Радикальный сдвиг наметился лишь в октябре 1937 г. На октябрьском Пленуме ЦК, где по докладу Сталина приняли, наконец, постановление об обязательном преподавании русского языка во всех школах национальных республик. Как единственно возможное средство проведения в жизнь закона о всеобщей воинской обязанности. Но и как первый конкретный шаг на длительном пути создания **единой советской нации**.

К сожалению, дальнейшие привходящие события затормозили начавшийся процесс. Сначала — включением в состав СССР восточных районов Польши, стран Прибалтики, Бессарабии. Внезапным пополнением населения Союза многомиллионной массой людей, не только не знавших русский язык, но и просто требовавших как минимум одного-двух десятилетий для ассимиляции в уже сложившийся советский образ жизни. А потом в годы Великой Отечественной войны

трагическим совпадением необходимости принять два взаимоисключающих решения.

С одной стороны, создание ООН, заведомое большинство в ней англо-американского блока, заставляло добиваться принятия в ООН союзных республик. И для того пойти на откровенно формальное придание им черт, приближающих их по статусу к британским доминионам. В январе 1944 г. объявить о создании республиканских наркоматов иностранных дел, обороны. Но с другой — именно тогда же приступить к подавлению вооруженного националистического подполья. Того самого, что было создано в Прибалтике, на Украине с помощью вермахта, для его прямой поддержки. Эта ситуация и вынудила тогда отказаться от значительного ослабления роли партии, от отделения ее от государства. Сохранив партию как один из самых надежных противовесов ожившему национализму, центробежным устремлениям.

Подобное крайне сложное и двойственное положение сохранялось почти восемь лет. До середины 1951 г. заставляло балансировать во внутренней политике. Постоянно ограничивать права союзных республик на деле, на словах прокламируя их якобы возрастающую самостоятельность. И подтверждать последнюю самым, как тогда казалось, безопасным способом. Широкой государственной поддержкой национальных науки, литературы, искусства. Чем в конечном итоге добились прямо обратного — усиления национализма в его наиболее чистом виде.

Когда же удалось покончить с националистическим вооруженным подпольем, контроль, осуществлявшийся на западных землях войсками МГБ, местными партийными органами, попытались сохранить, заменив государственным. И для того ввели областное деление в Эстонии, Латвии, Литве, увеличили число областей

на Украине. А чтобы столь труднообъяснимая акция не бросалась в глаза, разделили на области еще и Грузию, Азербайджан, даже Башкирию и Татарию. Использовали же эту административную реформу только для того, чтобы заполнить все появившиеся чиновничьи вакансии людьми со стороны. Из старых советских регионов преимущественно русскими.

Но данный курс сохранять удалось недолго, несмотря на все отчаянные попытки Маленкова, Молотова его закрепить — и повышением прав союзных министерств, и усилением значимости, самостоятельности край- и облисполкомов, не только противопоставленных советам министров союзных республик, но и призванных стать основой структур государственного управления, демократизации. И резким понижением роли местных, прежде всего республиканских, партийных организаций.

Настойчивые же усилия Берии и Хрущева, опиравшихся на партократию союзных республик, привели в 1953 г. к иному. К ликвидации областного деления в Прибалтике, Закавказье, Поволжье, назначению на все мало-мальски значимые должности повсюду представителей коренной национальности. В следующем, 1954 г. — на основе постановления ЦК КПСС об усилении прав союзных республик — к передаче в их ведение практически всех промышленных предприятий, за исключением лишь оборонных. А еще два года спустя — закреплению и усилению данной тенденции кратковременным существованием совнархозов, в конечном итоге созданных в границах все тех же союзных республик либо их экономических районов.

Правда, для тех же 1950—60-х гг. оказались свойственными и иные — органические, неизбежные, объединительные процессы: ранее невиданная по масштабам миграция населения, начатая освоением целины,

подкрепленная свободной выдачей паспортов жителям деревни, усиленная новым этапом модернизации экономики — строительством прежде всего в союзных республиках большого числа мощных, крупных промышленных предприятий, потребовавших привлечения квалифицированных рабочих рук в основном из России и Украины.

Следствием стало значительное сокращение традиционно отсталого сельского населения, возрастание более образованного городского. Все большее размывание, даже исчезновение в ряде случаев замкнутых моноэтнических регионов. Возрастание по площади территорий со смешанным населением, использующим в общении русский язык.

В то же время уцелевшая, выжившая, отстоявшая свое существование в 1953 г. национальная партократия союзных республик за то же десятилетие сумела необычайно укрепиться. Сохранить и свои властные полномочия, и связанные с ними привилегии. Заодно слиться, срастись на этой основе с местной, национальной же советской бюрократией. Ощутить свою силу. И потому воспрепятствовать Хрущеву, слишком поздно понявшему, какого же джинна он выпустил из бутылки, вновь обуздать себя. Помешать Хрущеву разрушить сформировавшиеся республиканские национальные элиты.

Далее я позволю себе не останавливаться на деталях, подробностях. Ведь все они слишком хорошо известны, памятны. Отмечу лишь самое основное.

То, что мы называем «брежневским застоем», в действительности оказалось затишьем перед бурей. Временем, потерянным центром, но зато использованным республиканскими политическими элитами для перехода в наступление.

Им, как оказалось, уже не хватало тех огромных

прав, которыми они обладали. Более того, они чувствовали себя все более и более ущемленными. Еще бы, ведь обладая неограниченной властью у себя в республиках, юридически они все еще зависели от Москвы в главном — само их пребывание на постах зависело от союзного центра. Именно он, точнее, Политбюро и утверждало их в должностях. И освобождало. А потому республиканские национальные политические элиты попытались для начала завоевать это Политбюро, подчинить его себе, чтобы обезопасить себя. И сумели сделать это.

Весной 1953 г., до схватки, в Президиуме ЦК КПСС из десяти членов только один Берия был выходцем из союзной республики, а из четырех кандидатов еще двое — Багиров и... Мельников. Всего тринадцать лет спустя, вскоре после отстранения Хрущева, положение на вершине власти коренным образом изменилось. Выразилось в своеобразном, пока еще условном равновесии сил. Из девятнадцати членов и кандидатов в члены Политбюро уже десять человек, т.е. чуть более половины, оказались представителями компартий союзных республик, выразителями именно их сугубо региональных интересов. А еще через четырнадцать лет, накануне распада СССР, последние составляли две трети, шестнадцать из двадцати четырех.

Именно такая ситуация и оказалась роковой, решающей. Региональные национальные элиты больше не желали довольствоваться достигнутым. Максимально использовали все возможное: разумеется, накопившиеся ошибки, недостатки. Но в еще большей степени — сугубо личные интересы национальной творческой интеллигенции. Той самой, которую столь заботливо создавала, опекала КПСС, советская власть все послевоенные годы.

Республиканские политические элиты вполне соз-

нательно использовали творческую интеллигенцию для пропаганды формально демократических, а на деле, по существу националистических сепаратистских лозунгов. Широко использовали и послушные, управляемые средства массовой информации, так и не ставшие четвертой, самостоятельной властью.

Использовали республиканские политические элиты еще и то, что в первые же годы перестройки был упущен единственный шанс предотвратить трагический финал. Использовали не просто бездеятельность Политбюро ЦК КПСС, а прямую поддержку им, прежде всего в лице А.Н. Яковлева, сепаратистских устремлений. Того, чего не потерпела бы ни минуты, ликвидировала бы в самом зародыше любая демократическая страна — США, Великобритания, Франция, Италия.

Именно потому руководство союзных республик и смогло столь быстро, без каких-либо ощутимых препятствий, даже при откровенном потворстве, попустительстве осуществить давно желаемое.

В 1991-м полностью освободились от ставшего чисто номинальным руководства, контроля со стороны партии. Сразу вслед за тем — использовав крайне запутанную политическую ситуацию, добились провозглашения независимости своих республик. А потом, в РСФСР — в октябре 1993-го — избавились и от последней формы контроля, ограничения своих властных амбиций — советов. Добились, наконец, полной власти. Абсолютной.

Глава 3

«Новая история» и новая мифология

«НАША ИСТОРИЯ: ГОРДИТЬСЯ, А НЕ КАЯТЬСЯ!»

Интервью журналу «Российская Федерация сегодня»[1]

Когда Президент РФ распорядился создать Комиссию по борьбе с попытками фальсификации истории, противоречащими интересам России, многих это озадачило, ибо одни считают фальсификацией историю, написанную в советское время, другие, напротив, убеждены, что именно в последние годы фальсификация российской истории вышла как у нас в стране, так и за рубежом на новый виток, приобрела невиданные ранее масштабы.

— О чем ваша следующая книга, Юрий Николаевич?

— О периоде распада России в 1917-м до воссоединения в 1922 г. Почему об этом? Потому что уже тогда встали вопросы, с которыми мы столкнулись сравнительно недавно. Ибо Гражданская война была не столько войной белых против красных, сколько тех и других против сепаратизма. На чисто национальной, русской территории боевые действия шли лишь до тех пор, пока там присутствовали иностранные войска. Возьмите север. Высадились англичане — началось, ушли — все кончилось. То же — в Поволжье. Выступи-

---

[1] Публикуется по: Российская Федерация сегодня, № 17, 2009.

ли чехи — вспыхнула война. Восточнее — японцы и американцы. Ушли они — и все кончилось.

Где дольше всего шла борьба? На национальных территориях: Прибалтика, Украина, Кавказ. В Прибалтике эстонцы воевали с латышами. Литовцы с поляками. Поляки с украинцами. У Азербайджана было две войны с Арменией. Армения воевала с Грузией. Грузия воевала с деникинцами.

Приходится отвечать и на ряд других вопросов, интересующих многих сегодня. В частности о Брестском мире. Ведь что приходится слышать по всякому поводу и без повода: большевики подписали Брестский мир в ущерб интересам России, в частности, сдав немцам Украину. А ведь за месяц до большевиков Украину сдала немцам Центральная рада, подписавшая 9 февраля с Германией и Австро-Венгрией мир, по которому пригласила их оккупировать страну, предложила им хлеб, сало, мясо — все то, благодаря чему немцы смогли продолжить войну, оттянув ее окончание еще на полгода. В этих, прямо скажем, непростых условиях советская делегация уступила немцам немногое — север Латвии и Эстонию. И только! Причем оговорив целый ряд условий, включая проведение на этих территориях референдума. Между прочим, Троцкий первый признал права на тех переговорах делегации Центральной рады, которая в результате участвовала в них на равных с советской делегацией.

— Но почему тогда же Ленин называл Брестский мир «похабным»?

— Потому что он, кроме прочего, был еще и публицистом. И надо же было выразить народу недовольство этим миром. Ведь задачей большевиков было затянуть эти переговоры в надежде, что немцы вот-вот проиграют войну. Все шло к тому. В Вене и Будапеште

уже вспыхнули голодные бунты. Австро-Венгрия к весне 1918 г. была на грани выхода из войны. Та же ситуация у немцев. Затянись переговоры до конца апреля — начала мая, все, немцы капитулировали бы. Но, как видим, им помогла Центральная рада.

Тем же, кто сегодня клеймит большевиков за их установки на предательский мир, стóит напомнить, что тогдашний папа римский Бенедикт XV в первой же своей энциклике осудил кровопролитие и затем неоднократно призывал воюющие стороны к миру, называя войну «самоубийством Европы». Всего этого ни в наших школах, ни в СМИ, к сожалению, «не проходят». Как и многого другого.

— Что в этих условиях призвана сделать созданная Президентом комиссия?

— Трудно сказать, что может комиссия, основу которой составляют не профессиональные историки, а чиновники.

— Тогда поставим вопрос так: зачем Президенту понадобилось создавать комиссию?

— Я лично с президентом незнаком и даже никогда с ним не общался. Могу лишь предположить, что, видимо, до него дошло, что наша история, а точнее, история Великой Отечественной войны — это последний рубеж, который удерживает страну в нормальном состоянии. Ведь народ существует до тех пор, пока он не только живет на одной территории, говорит на одном языке, но еще имеет общую историю.

Великая Отечественная война — тот период, когда вся страна встала на защиту от захватчиков. А что мы видим в СМИ? Когда нам рассказывают о сегодняшней жизни в странах Балтии, то в информации фигурируют либо марши эсэсовцев, латышей и эстонцев,

либо то, как там угнетают наших ветеранов-партизан. А ведь в составе Красной Армии были эстонский корпус, латышский корпус, литовские части. Почему о них мы не слышим ни слова? Почему молчим о том, что бóльшая часть населения Прибалтики была за советскую власть? Умалчивая об этом, мы, по сути, подыгрываем нацистам, вчерашним и сегодняшним, принимаем их историю. Принимаем чужую лживую позицию и начинаем оправдываться.

Взять тот же «голодомор». На Украине запустили цифру, а у нас ее приняли на веру, мол, умерло 3 млн человек. Из них, уточняется тут же, 1 млн 300 тыс. человек в Казахстане. Между тем несколько лет назад в Казахстане издали на русском языке книгу о демографическом положении республики в XX веке. Там опубликованы документы о том, как в 1931 г. казахи, не желавшие стать оседлыми, свернули свои юрты, сели на верблюдов и откочевали в Китай. Их было 1 млн 300 тыс. человек — столько, сколько сегодня считают умершими от голода! Кстати, во времена горбачевской «перестройки» в газетах промелькнуло сообщение, что потомки этих казахов получили разрешение вернуться. Их расселили, между прочим, в тех областях Казахстана, где испокон веку 90% населения составляли русские.

Остается еще 1,7 млн человек. Но при этом опять же «забылось», что то был период первой пятилетки, строек по всей стране. Да, был неурожай, да, было голодно. Но разве люди оставались при этом в деревнях, дожидаясь смерти? Нет, они поднимались и уходили на ближайшие стройки — в Харьков, Сталинград, в Кузнецк и Магнитку. Это кто-то учитывает?

Тогда же шла коллективизация. В ходе ее происходила любопытнейшая вещь: те крестьяне, которые полагали, что их будут раскулачивать, не дожидаясь это-

го, грузили на телеги скарб, семьи и переселялись в соседнюю область, где их с радостью принимали, так как кому-то надо было заменить своих, тоже ушедших от раскулачивания. Так что если бы кто-то дал себе труд посчитать, сколько в те годы появилось народа на стройках Челябинского тракторного, Горьковского автомобильного и многих других заводов, то оказалось бы, что этого народа больше, чем у нас считается умершими.

Такая же ситуация с Великой Отечественной войной. Здесь искажения начались во времена Н. Хрущева, стремившегося всемерно порочить память о предшественнике. Поэтому все внимание историков, публицистов сосредоточилось на первых месяцах войны, на отступлении. К. Симонов создал трилогию в этом ключе «Живые и мертвые», словно забыв о первом романе «Товарищи по оружию», где все описывалось иначе. С тех пор, а тем более сегодня, — все безысходнее картины отступления, даже бегства наших войск, окружения. Не знаю, что скажет обо всем этом созданная Президентом комиссия, есть ли в ее составе хоть один человек, способный напомнить о действиях 14-й армии, воевавшей в Заполярье под Мурманском, которая отступила от границы всего на 40 километров, так как этот рубеж был более удобен для обороны. Заняв данную позицию в сентябре 1941 г., армия до начала наступления в 1944-м не отступила ни на сантиметр. Почему такое замалчивается? Кому это выгодно?

Бесспорно, симоновский Серпилин, сыгранный в кино Папановым, — прекрасный образ. Но ведь кроме художественного был реальный командующий 16-й армией М. Лукин. Мой отец был одним из заместителей командующего этой армии. И я в свое время в Подольске хотел найти какие-то документы. И обнаружил — первое формирование погибло полностью.

Вместе с документами. Но знамя сохранили. Второе формирование — тоже полностью. В боях между Смоленском и Москвой полегло и третье. Все это в 1941 г. Вот кто остановил немцев на подступах к Москве. Не сдавался в плен, не бежал, не попадал в окружение, никого не гнали в бой под пулеметами заградотрядов. Почему обо всем этом ни звука?

Лукин потерял в боях ногу, руку. Без сознания попал в плен. Когда его освободили, кое-кто в Москве стал проявлять, что называется, активность: пленный командарм — надо бы разобраться. Но вмешался Сталин, вступился за Лукина. Более того, предложил ему вернуться в армию, в Академию Генштаба, на что тот сказал: «Здоровье не то», — и ушел на пенсию. Вот кто должны быть героями рассказов о войне!

Далее. Смотрим грандиозный телесериал про бандитскую Одессу после войны. Смотрим и спрашиваем: откуда взялось столько евреев после освобождения Одессы от оккупации? Ведь одних немцы уничтожили, другие еще не вернулись из эвакуации. К тому же Одесса была городом не столько еврейским, сколько греческим. Отсюда главным образом и акцент, и кухня, и весь колорит города. Но даже не это главное. Вы нам про бандитскую Одессу после войны. А чем она была во время войны? Почему стала городом-героем? Как оборонялась, подобно Брестской крепости, когда фронт ушел далеко на восток? Кто, Смерш заставил ее так воевать? А может быть, вспомните, господа, что наша армия перешла румынскую границу в июне 1941 г., но так как оторвалась от тыловых коммуникаций, то вынуждена была отойти и оборонять Одессу, но такую правдивую историю наше ТВ не заказывает и не показывает.

Зато нам закатывают «сенсационный» телефильм о Ржевской операции, на «голубом глазу» заявляя, будто

правда о ней скрывалась, в советское время о ней никто не знал. Дали бы мне автора этого фильма, я бы его носом ткнул в энциклопедии, вышедшие при советской власти: в «Историческую», «Великой Отечественной войны», «Большую» — всюду об этом огромные статьи.

Другая ложь фильма — «объяснение», почему подо Ржевом велись такие тяжелые, ожесточенные бои. Правда заключается в том, что немцы могли, во-первых, в любое время возобновить со Ржевского плацдарма наступление на Москву, во-вторых, прорваться между Москвой и Ленинградом, в-третьих, нам необходимо было оттянуть немецкие войска от Сталинграда. Но все это опять же неинтересно ни заказчикам, ни создателям фильма.

А уж как любят у нас говорить об американской помощи по ленд-лизу. Но забывают даже упомянуть, что за эту помощь союзников мы, им платили золотом. И тем более никто не объясняет, что ленд-лиз нам был нужен главным образом на тот короткий период, когда мы эвакуировали наши предприятия на восток.

На Западе, кстати сказать, тема ленд-лиза строго табуирована. Открыть ее — значит признать, что англосаксы видели в нас не столько союзников, сколько партнеров в весьма выгодной для них торговой сделке.

— Но точно так же на Западе непопулярна тема помощи Гитлеру всей Европы. А ведь она была широкой, всесторонней.

— И не только со стороны Европы. Из нейтральной Швеции в рейх поступала не только высококачественная сталь, но и закупленные в Латинской Америке хром, никель и другие материалы, необходимые для войны.

А кто и что сегодня знает о роли в войне Государст-

венного Комитета Обороны (ГКО), уникальной по своей сути организации, ставшей и над Политбюро, и над Совнаркомом, и над Верховным Советом — словом, над всеми органами власти. Три человека — Молотов, Берия, Маленков плюс Сталин. Потом добавился Микоян. ГКО никогда не заседал. Его члены распределили между собой управление группами оборонных наркоматов. Но менялись каждые полгода, чтобы, вникнув в дела одной отрасли, не погрязнуть в них. Они занимались производством вооружений, обмундирования, призывом в армию и доставкой всего этого на фронт. После чего это переходило в ведение Сталина. Он отвечал за действующую армию.

Когда член Политбюро ренегат А. Яковлев заявил, что в нашей истории полно «белых пятен», скрытых в архивах «еще с тех времен», — разве он имел в виду такие «белые пятна»? А ведь все до единого документы ГКО не закрыты в засекреченных архивах, все доступны. Но это не нужно. А нужно выдать такое, что никакими документами не подтверждается.

— В одном из интервью тот же Яковлев заявил буквально следующее: «В ближайший месяц нам предстоит пересмотреть четыреста тысяч дел невинных жертв сталинских репрессий».

— Очень характерно: за месяц предстоит изучить четыреста тысяч дел! Но уже до их рассмотрения ясно: все невиновны. Чохом. Будто не было предателей, полицаев, дезертиров и т.д.

Тема репрессий вообще особая. Ей посвятил себя сотрудник нашего института, доктор исторических наук Виктор Земсков. Он доказал, что число осужденных по знаменитой 58-й статье на порядок меньше цифр, которыми оперируют либеральные политики и публицисты. Коллеги-историки, в том числе зарубежные, не

поверили. Но он представил такие документы, против которых возразить нечего: полтора миллиона, а не десятки, за которые они нас требуют каяться.

— Как за ту же Катынь?

— Нужно совершенно не иметь мозгов, чтобы придумать: накануне войны из трех лагерей, находившихся в разных концах громадной территории, свезти сколько-то тысяч польских офицеров, чтобы именно здесь их расстрелять. Зачем?

— Оставив в то же время в Сибири 100 тыс. человек польских военных с семьями.

— Как и во всем, тут нужна правда. Да, действительно, мы расстреляли в Осташковском и других лагерях примерно полторы-две тысячи человек. Но кого? Главным образом жандармов, чиновников из военно-судебного ведомства польской армии. Тех, кто виновен в гибели то ли 40, то ли 60 тыс. пленных красноармейцев в 1920—1921 гг. Мы не предъявляем польской стороне никаких претензий относительно польских концлагерей вдоль восточной границы, где уничтожали наших людей. Вот тех, кто виновен в этом уничтожении, мы накануне войны выявили, судили и расстреляли. С остальными же получилось так. В Катынском лагере содержались бывшие военнослужащие польской армии, которых использовали на строительных работах на линии возможных сражений. Их не успели эвакуировать, настолько стремительным было немецкое наступление. Их-то немцы — это достоверно — расстреляли, списав все на НКВД. И не случайно история с Катынью была поднята Геббельсом после поражения в Сталинградской битве. Эта клевета Геббельса до сих пор повторяется поляками. И услужливо «подтверждается» некоторыми нашими исследователями.

— Действующими на польские гранты!

— Более того, получившими польские ордена за поддержку геббельсовской версии.

Мы все время занимаем не просто оборонительную, а отступательно-оборонительную позицию. Оправдываемся там, где мы правы на 100%. Еще раз вынужден повторить: как только мы уничтожим подлинную память о Великой Отечественной войне, страна наша просто перестанет существовать. Ее и без того уже размыли под ельцинским лозунгом: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите». Теперь добавили преподавание в школах религии. Это значит, что с десятилетнего возраста ребята будут показывать пальцем друг на друга — ты иной. Ты враг. В таком возрасте иначе быть не может. Сначала прокладывается линия конфронтации, а потом и линия фронта.

— Президент создал Комиссию по борьбе с фальсификацией истории, но не со всякой фальсификацией, а с той, которая наносит ущерб национальным интересам страны. Как это понять?

— Здесь начинается та проблема, которая превращает комиссию в мертворожденное дитя. Вред наносит всякая ложь. А ложью заполнена пресса Прибалтики, Украины, но самое главное — наша. Член президентской комиссии Н. Сванидзе почти двадцать лет клевещет на нашу страну. Зачем он это делает, не знаю и знать не хочу. Историк ли он? Вряд ли, потому что истфак он кончал как американист и работал в Институте США и Канады. Возможно, историю США он знает лучше, чем нашу. Возможно, он действует под влиянием стандартного школьного американского учебника истории, где о вкладе Советского Союза, Красной Армии в победу нет ни слова.

— Это установка для остального мира?

— Как сказать. В Лондоне есть Имперский военный музей. Он посвящен всем войнам, которые вела Великобритания в XX веке. Музей открывает гигантский зал, размер которого поначалу не ощущается. Вы видите: танки, пушки, подвешены самолеты. Сперва ощущение, что это, естественно, модели. Но когда вы подходите ближе, то видно, что все настоящее. Когда вы проходите через зал, то что видите? Полутораметровый бюст маршала Жукова. Не Монтгомери, а Жукова! А дальше экспозиция этого музея — государственного! — рассказывает о том, как британские войска вместе с Красной Армией разгромили Германию. Да, участвовали в войне, между прочим, какие-то силы поляков, чехов, югославов, американцев, которым в музее отведено ничтожное место. Особый раздел посвящен Восточному фронту. Звучат наши песни военных лет, фотографии, героизм — все там есть. Но мы предпочитаем действовать по указке американцев, которые еще в восьмидесятые годы XIX века (!) объявили Россию империей зла. Не Советский Союз, которого тогда еще в помине не было, а Россию!

— Мы говорим о внутрироссийском «информационном сопровождении» этой экспансии. Разве нет надежды, что члены президентской комиссии не обратят на него внимания?

— Не знаю. Не знаю, как они оценят предложения, например, бывшего мэра Москвы Г. Попова, призывающего поставить памятник предателям и изменникам: Краснову и Власову. Это же додуматься нужно. Или памятник военнопленным! Он что, не знает, что военнопленные были разные? Что одни — самое маленькое меньшинство — сдавались из трусости и малодушия с оружием в руках, а большинство попадало в

плен не по своей воле. Они бежали из плена, вливались в партизанские отряды, участвовали в сопротивлении. И всем — общий памятник!

Или вот недавно я купил книжку «Тени над Заполярьем» и был потрясен тем, что там прочитал. Авторы вроде русские — Зефиров, Дегтев и Баженов — пишут о действиях немецкой авиации в советском Заполярье. Изложена биография каждого летчика, каждого штурмана, механика, бомбившего Мурманск и другие наши города. А на странице 270 новая глава начинается буквально так: в то время как англо-американцы развернули боевые действия в Северной Африке, на Восточном фронте разразился ужасный кризис над Сталинградом.

— Ужасный кризис?

— Да, именно так. Это ли не пример того, чем должна заняться президентская комиссия? Вы за свободу слова? Но тогда я предлагаю ввести такой мягкий вариант ответа на подобного рода литературу — во всех магазинах собирать такие издания на полках под общей вывеской: «Фальсификация истории России». Пусть покупатели таких книжек видят, что им предлагается. Пусть выбирают.

— Но ведь фальсификация осуществляется и иными путями. Есть блистательная книга О. Ржешевского «Сталин и Черчилль», тираж которой где-то около тысячи. А тиражи книг предателя и перебежчика Суворова-Резуна — миллионные.

— Добавлю, что книга О. Ржешевского вышла в издательстве «Наука», которое подчиняется Президиуму РАН, а Президиум подчиняется, что бы там ни говорили, «прославленному» г-ну Фурсенко. Тому самому, который утверждает, будто учебники истории нашей страны проходят через Институт российской истории.

Могу со всей ответственностью заявить: никогда в Институте российской истории не читали, не обсуждали и не одобряли ни один из тех десятков учебников, которые гуляют по нашим школам. Попади в институт такие учебники, их бы разнесли в клочья.

— Вы как-то обмолвились, что идет фальсификация не только советского периода отечественной истории. Ну а какой смысл фальсифицировать историю более давнюю, досоветскую?

— Тут цели одних фальсификаторов — представить Россию и впрямь империей зла, с вековыми традициями деспотии, рабства, мздоимства и т.д. Цель других, напротив, идеализировать монархическое, сословное устройство. Вот пример — расстрел царской семьи, церемония похорон. Чьих? Вопрос-то до сих пор открытый. А ведь, строго говоря, раз нет трупа, нет и преступления. Правомерности захоронения в Петропавловском соборе не признает ни Русская православная церковь, ни семья Романовых. Но дело не только в этом. За 150 лет, по 1918 г., в России было убито пять царей. Тут убийство Петра III, организованное его женой Екатериной II. Тут Иван VI, 20 лет отсидевший в Шлиссельбурге и в итоге безвинно убитый. Тут Павел I, к убийству которого причастен его сын Александр I. Тут убийство Александра II, в котором официально обвинены революционеры, но нелишне знать, что году где-то в 1905—1906-м, в канун революции 1905 г., был издан стенографический отчет о процессе 1 марта 1881 г. — по убийству Александра II. Согласно отчету, полиция накануне покушения побывала на квартирах у всех его участников и не могла не обнаружить признаков готовящейся акции. Удивительным образом действовала и охрана в момент покушения. Представим себе: в царя летит бомба. По всем кано-

нам часть охраны в этом случае должна броситься на террориста, а часть — на защиту императора.

Охрана же, видя, что Александр II не пострадал, направляет царскую карету под вторую бомбу. Как так? Почему?

Ответ на эти вопросы надо искать в том, что на следующий день Александр II должен был короновать свою новую жену и объявить наследником престола сына от нее, в результате чего будущий Александр III лишался права на престол.

Итак, цареубийство каждые тридцать лет. Если добавить к ним, что тот же Александр III, будучи алкоголиком, умер от цирроза печени, что не до конца ясны обстоятельства смерти Александра I, то возникает вопрос: какое отношение к этому мартирологу имеют большевики? Почему и тут от нас всех требуют сегодня признания вины, покаяний?

На Западе так со своей историей не поступают.

Прогуливаясь раз пешком с вокзала Виктория в центр Лондона, набрел по дороге на Королевские конюшни. Там все кареты, которые до сих пор участвуют в королевских выездах и т.д. И там же развернута выставка, посвященная годовщине казни Карла I, которого англичане обезглавили во время революции. Все гравюры, рисунки — все это есть. Но без каких-либо даже признаков покаяния. Французы отрубили голову Людовику XVI. И тоже никаких признаков покаяния.

— Почему, на ваш взгляд, ОБСЕ приняла резолюцию, ставящую на одну доску сталинизм и гитлеровский нацизм? Нет ли тут со стороны принявших резолюцию своего рода политической корысти?

— Безусловно, есть. И в итоге это может обернуться вполне материальными претензиями к нам. Для нашего обычного человека всякий упрек, касается ли он со-

стояния нашей демократии, прав и свобод или все тех же «белых пятен» истории, морально чувствителен. Что вполне расчетливо используется для выторговывания с нашей стороны каких-либо политических и других уступок и соответственно получения все новых и новых преимуществ для Запада. Вы признаете, что раскол Германии несправедлив? Но он сохраняется, пока ваши войска стоят в ее Восточной части. Мы выводим войска, но американские и английские войска никуда не ушли. Их военная полиция продолжает патрулировать немецкие города. Вы признаете, что пакт Молотова — Риббентропа дал старт Второй мировой войне? Тогда забудьте про мюнхенский сговор, по которому Гитлер вместе с поляками и венграми оккупировал Чехословакию. Забудьте, что в сентябре 1939 г. «Известия» на первой полосе опубликовали карту Польши с жирной линией, обозначающей границу зоны наших законных интересов, признанных еще в результате Первой мировой войны. И ни к чему вам знать, что по секретным приложениям и пакту рейх обязан был принудить к миру с нами своего восточного сторонника — Японию, война с которой была нам никак не нужна, да и шла к тому же не так уже успешно.

А возьмите финскую кампанию зимы 1939—1940 гг., которую нам преподносят как агрессию с нашей стороны, понесшей непомерные потери. Но многие не знают, что накануне большой войны, чтобы обезопасить границу близ Ленинграда, мы предложили финнам исключительно выгодный для них территориальный обмен. Разумность наших предложений, как и действия в отношении Польши, признавал У.Черчилль. Кампания же, проводимая, кстати, силами лишь одного Ленинградского военного округа, не свелась, как нас упрекают, к безуспешным попыткам прорыва укрепленной линии Маннергейма. Весьма успешным —

об этом молчат ревнители исторической правды — было наступление Красной Армии на севере Финляндии, создавшее угрозу захвата всей территории страны. Это и заставило финское руководство пойти на мир с нами.

Из той же оперы весьма предвзятое сопоставление потерь нашей армии и вермахта в Великой Отечественной войне. В наши потери обычно включаются потери, наряду с военными, мирного населения. Из потерь противника же исключаются потери итальянской, румынской, венгерской, финской, словацкой, хорватской армий, «добровольцев» из Франции, Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Испании. Или: такого количества пленных Россия, говорят нам, никогда до этого не знала. Но количество пленных нужно измерять от общего количества вооруженных сил. Если так считать, то у нас пленных меньше, чем у англичан и французов. И меньше, чем в Первую мировую.

— Создание президентской комиссии не даст, на ваш взгляд, тот положительный эффект, что позволит приоткрыть архивы?

— Дело в том, что архивы нужно не «приоткрывать», а в корне изменить систему их организации. У нас до сих пор документы, связанные с внешней политикой, — это документы МИДа. Ведомственные! И все здесь решает чиновник МИДа. Далее — архив министерства обороны. Почему документы советского времени принадлежат ему? Это должен быть просто государственный архив с проистекающими отсюда правилами хранения и выдачи. Или почему существует так называемый Президентский архив? Нет прежней страны. Нет ни партии, ни ЦК, ни Политбюро той партии, но ее архив охраняют, как смерть Кощея. Возьмите историю XIX съезда партии. У нас до сих пор не изданы его стенограммы. Есть всех съездов. А девятнадцатого

нет. И не подпускают к первому Пленуму ЦК, образованному на этом съезде. Архивисты разводят руками: понимаете, не велись стенограммы. Всех Пленумов до этого в течение восьмидесяти лет велись, а тут нет. И вместо стенограммы возникает вымысел, будто Сталин на том Пленуме беспощадно критиковал Молотова и Микояна. Правда же в том, что Сталин на том Пленуме вообще не выступал и что Пленум решил: обязанности председателя Совета Министров исполняет Л. Берия, а обязанности секретаря партии — Маленков. Все! Сталин больше не участвовал ни в каких политических делах. Но если об этом сказать, то как объяснить, что он якобы готовил депортацию евреев на Дальний Восток?

Я помню, как несколько лет назад подготовил двухсерийную беседу с А. Сергеевым, сыном известного революционера Артема, взятым на воспитание Сталиным в месячном возрасте. Сергеев, генерал артиллерии, говорил только про себя и про то, что происходило в этой семье. Ни слова о политике. Но когда руководитель канала О. Попцов просмотрел фильм, он сказал: «Так что же выходит? Сталин — нормальный человек?» И снял фильм, хотя во всех программах он был уже заявлен.

Тут важно понять: пугать людей прошлым — значит сделать их послушными сегодня. Чтобы они не вспоминали, что и когда им обещали Ельцин, Чубайс, как цинично их обманули. Не нами сказано: пуганый обыватель сговорчивее непуганого. Но разве это совсем уже не про нас?

Добавлю к этому — с историей создана шизофреническая ситуация: Ленинградская блокада города Санкт-Петербурга, Сталинградская битва в городе Волгограде. Это классическая шизофрения. Сплошное Зазеркалье.

— Тогда вопрос: нужна ли созданная Президентом комиссия для выхода из Зазеркалья?

— Не нужна! Зачем собирать чиновников с техническим, другими видами образования, когда есть три исторических института: всеобщей истории, российской истории, славяноведения и балканистики. Они и должны заменить комиссию. Но для этого надо дать возможность сотрудникам институтов публиковать свои книги нормальными тиражами. Это во-первых. А во-вторых, дать институтам право вето на школьные и вузовские псевдоучебники и псевдопособия. Только и всего. Проблему можно решить в течение нескольких месяцев. Изъять ряд учебников, рекомендовать один в качестве стандартного, доработав его. И то же самое с вузовскими пособиями и программами. Все это займет три-пять месяцев. Надо быть достойными своей истории. И относиться к ней соответственно.

«ПЫТАЯСЬ СОХРАНИТЬ НЕЙТРАЛИТЕТ, МЫ НИЧЕМ НЕ ОТЛИЧАЛИСЬ ОТ СОСЕДЕЙ»

Беседа с корреспондентом «Красной звезды» Александром Бондаренко[1]

Разговор о событиях Великой Отечественной войны доктор исторических наук Юрий Николаевич Жуков начал с довольно неожиданного заявления:

— Сегодня столько забот, столько насущных проблем, вопросов, которые нужно немедленно кардинально решать, что обращение к теме войны не всегда понятно и не всегда оправданно...

[1] Публикуется по: Красная звезда, 21 марта 2007 г.

— Но ведь интерес к событиям Второй мировой, Великой Отечественной войн в обществе не угасает. Как у нас, так и за рубежом. Видимо, интерес этот не праздный.

— Ну, нам, полагаю, это нужно делать для того, чтобы понять, почему мы сумели такую войну выиграть, преодолеть все испытания, — и те, так сказать, «наработки» использовать для решения сегодняшних проблем.

— А на Западе? Разве это только интерес к чистой науке?

— Там скорее в подоплеке идеология. Известно: американцы считают, что это они выиграли войну. Стандартный школьный учебник США, в главе, посвященной Второй мировой войне, утверждает, что когда Германия напала на Польшу, то Англия и Франция попытались ее спасти, но не получилось — тогда в Европе пришлось высадиться американцам и разбить немцев. Все! О Советском Союзе вообще ни слова! Только через две главы, когда речь заходит о «холодной войне», отмечается, что мы, воспользовавшись войной, оккупировали Восточную Европу. При этом американцы делают вид, что их войск в Германии нет и они там вообще никогда не были.

— Разве это плохо для самих американцев — чувствовать себя самыми-самыми, пусть даже вопреки исторической правде?

— Для них это плохо, отвратительно, потому что они вопреки истории продолжают убеждать свой народ, что обладают великолепной армией и талантливейшими генералами. Но их били во Вьетнаме, в 1993-м американцы бежали из Сомали, они сейчас уже проиграли войны в Афганистане и Ираке — это признано их

конгрессом, но все равно вынашивают планы вторжения в Иран... Все это происходит только потому, что они не хотят трезво оценить свою политику, военную доктрину и собственную армию. Кстати, не в пример американцам англичане к истории Второй мировой войны относятся честно и достойно.

— Но ведь у американцев во Второй мировой войне успехи действительно были?

— А знаете, что в Европе на одного американского солдата в окопе приходилось шесть, его обслуживающих? Их, американских солдат, кормили шоколадом — чем угодно! Если бы красноармейцы имели такое обслуживание, мы за два года дошли бы не то что до Берлина — до Атлантики!

— То есть все зависит от уровня обеспечения?

— Нет, обеспечение — это только приложение к главному, чего американцы как раз не понимают. По этой причине они не понимали и того, почему нищие и голодные вьетнамцы, по существу, разбили их армию, как они считали, лучшую в мире. Не понимают, почему они ничего не могут сделать в Ираке и Афганистане... Так что им прежде всего нужно бы сделать соответствующие выводы из событий Второй мировой войны. Да и нам — не народу, а тем политологам и журналистам, которые изгаляются над нашим прошлым, нужно напомнить, что в 1941-м на нас напала не одна лишь Германия — как она в 1939-м нападала в одиночку на Польшу, потом на англичан и французов в Европе летом 1940-го...

— Гитлеровская Германия, покорив почти всю Европу, напала на СССР. Можно ли считать ее союзниками покоренные страны?

— И все-таки на нас напала практически вся Европа! Кроме вермахта, на нас пошла финская армия, румынская, венгерская, словацкая, итальянская... Добавьте сюда испанскую «Голубую дивизию», добровольцев из Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии. Даже Норвегии, которая одной ногой как бы была с союзниками! На Восточный фронт все же посылали норвежских эсэсовцев, а норвежские суда везли в Германию железную руду... Прямо-таки повторение войны 1812 г.! С поправкой на реалии XX столетия, конечно.

— Действительно, похоже на нашествие «двунадесяти языков».

— Кстати, подсчитывая немецкие дивизии, наши журналисты и «телеисторики» обычно забывают румынские, венгерские, итальянские, голландские, бельгийские и прочие соединения, воевавшие на Восточном фронте... При этом Германия, подчеркнем это, напала, когда мы действительно еще не были готовы к войне. Если посмотреть документы Комиссии (потом — Государственного комитета) обороны...

— Она до войны существовала?

— Да, конечно, с началом войны все на себя взял ГКО. А это был орган ЦК и Совнаркома, как бы объединительный, согласовательный между НКО и НКВМФ, с одной стороны, и наркоматами, производившими вооружение, — с другой. Эта Комиссия обороны могла вызвать «на ковер» и наркома, и любого его заместителя... Так вот, все наши планы по созданию современных вооружений были рассчитаны на конец 1942 г.

— Из-за уверенности, что до этого войны удастся избежать?

— Не из-за уверенности, а из-за надежды оттянуть начало войны! У нас говорят: «Сталин вбил себе в голову, что война начнется через два года!» Нет, дело совсем в другом. Понятно ведь, что, не имея металлургической промышленности — комбинатов Магнитогорского, Кузнецкого, Запорожского, нельзя было создавать тракторные заводы, которые в конце второй пятилетки стали танковыми. Поэтому все расчеты 1938—1939 гг., исходя из возможностей промышленности, ориентировались на 1942 г.

— То есть все-таки планомерная подготовка к началу войны уже велась?

— Я бы столь уверенно не говорил. Не так давно почти полностью рассекретили материалы Комиссии, комитета обороны. Когда я их увидел, то ужаснулся и понял, что те, кто устоял в 1941-м и 1942 гг., — герои, которым нужно ставить памятник из золота! Ведь такое было разгильдяйство в нашей военной экономике — не потому, что там были плохие люди, а потому, что шел период становления. Представьте: завод выполняет военный заказ, допустим, на самолеты — и вдруг в последнюю минуту оказывается, что ему не поставляют резиновых втулок, которые производит какая-то заурядная артель! Начинается переписка, выяснение, кто виноват, но главное, надо же получить недостающие детали. И на все это уходило и три, и шесть, и девять месяцев!

— Получается, что к началу 1930-х гг. оборонной промышленности в СССР фактически не было?

— Так ведь и у царской России ее не было! Не случайно в октябре 1914 г. военный министр пришел в Госдуму — об этом Милюков вспоминает — и сказал: «Спасайте! Патронов и снарядов осталось на три дня!»

А почему так? Да потому, что мы тогда думали, что через две недели войдем в Берлин! Поэтому все первые месяцы мировой войны добывали оружие, патроны и снаряды за рубежом — в Японии, Англии, Америке, во Франции, где только можно. Перед этим мы не были готовы и к Русско-японской войне... Такое же положение сохранялось до 1930 г. Если нет тяжелой промышленности, нет нормальной металлургии, нет станкостроительной промышленности — что можно создавать?

— Но ведь это же только основа...

— Да, нужно еще было изобрести танк, самолет, пушку. Что мы для этого делали? Поначалу — скажем, в танковой промышленности — закупали в Англии, во Франции, в Америке один-два экземпляра, считая, что это новейшие достижения. Дома все разбирали до винтиков, пытаясь создать нечто идентичное...

— Ну да, наши «бэтушки» создавались на основе американского танка «Кристи», а Т-26 — английского «Виккерса»...

— Правильно. Откуда же возьмется инженер, конструктор танков, если он никогда их не делал? Гражданская война в Испании — великолепный полигон — показала, что все, что мы считали своими достижениями, никуда не годится! Что в области создания вооружения мы идем совсем не туда... Мы убедились, что наша авиация многократно слабее немецкой, что танки не соответствуют уровню, достигнутому немецкой танковой промышленностью.

— Сейчас нередко напоминают, что в 1941-м у немцев в основном были легкие Т-I и Т-II, а у нас уже и Т-34, и КВ...

— К 22 июня в Красной Армии были 636 танков КВ-1 и 1225 — Т-34, разработка которых началась в 1937 г. А немецкие Т-III и Т-IV разрабатывались с 1934-го, и, главное, их производство давно уже было поставлено на поток! И в авиации Германия имела бесспорное превосходство... Так что Сталин, стремясь оттянуть начало войны, реально просчитывал возможности нашей промышленности, которая позволяла нам обрести такую же военную мощь, как у немцев, лишь к концу 1942 — началу 1943 г.

— Тогда же решались и вопросы развития флота?

— Еще в феврале 1931 г. именно Сталин подал в Политбюро записку «Об охране Северного побережья», на основе которой и был создан Северный флот... А перед войной в Молотовске, теперь — в Северодвинске, по программе военно-морского судостроения должны были заложить авианосец, заложили два линкора — «Советская Россия» и «Советская Белоруссия», тяжелые крейсера. Когда началась война, все это пустили на изготовление эсминцев — их можно было сделать быстрее и числом побольше. Если бы мы успели создать тот флот, который замыслили в 1938 г. на Севере, не было бы никаких проблем с полярными конвоями!

— Известно, что войну стремились отодвинуть политическими методами, что сейчас осуждается с разных сторон.

— А почему? Действительно, 23 августа 1939 г. с Германией был подписан пакт о ненападении — такой же, какой имели с ней Польша, Дания, ряд других стран. Был же и Мюнхенский договор, когда англичане и французы открестились от нас, от совместной борьбы против Гитлера, отдав ему на растерзание Чехословакию. Именно это и только это привело к пакту о нена-

падении между Германией и СССР, потому что до последнего момента мы были в военном союзе с Парижем и Лондоном, но они отказали нам в этом союзе. Недаром же на Нюрнбергском процессе наша делегация заключила с американской, английской и французской делегациями джентльменское соглашение: они не вспоминают о пакте 1939 г., мы — про Мюнхенский сговор. Честное соглашение: вы сделали гадость — мы были вынуждены сделать тоже не очень хорошее дело, вот и квиты. Зато теперь, когда потоком льют грязь на наше прошлое, без конца упоминая пакт Молотова — Риббентропа, о Мюнхене вообще не вспоминают. Кстати, тогда Чехословакию рвали на куски не только немцы. Поляки отхватили Тешинскую область, венгры — Южную Словакию и Закарпатье... Так что мы мало отличались от своих соседей по Европе, пытаясь сохранить нейтралитет в случае грядущей войны в Европе.

— Вы считаете, это было реально?

— Вполне! К тому же Сталин был уверен, что французы и англичане провоюют по меньшей мере два года — по опыту Первой мировой. Он не думал, что их так мгновенно расколошматят, что англичане бросят даже каски и будут удирать из Дюнкерка, что Петен поспешит войти в тот же вагон, где подписывался мир в 1918 г., чтобы смиренно подписать капитуляцию... Такое Сталину в голову не приходило! Не думал он, что они настолько слабы! Англия и Франция казались ему мощными в военном отношении странами.

— Тем временем СССР продолжал подготовку к войне по всем направлениям...

— Да, уже через пять дней нарком ВМФ Кузнецов подает в Совнарком записку о необходимости высадить на Шпицбергене летчиков и моряков, создать там базы. Ес-

ли мы этого не сделаем, то это сделают немцы, отрежут нам путь на Запад, к нашим — дальше следует смешное слово «нейтралам». Война еще не началась, нельзя было говорить ни о союзниках, ни о противниках.

— Но этого ведь не сделали — не высадились на Шпицберген. По какой причине?

— К сожалению, документ попал на исполнение к Микояну, который ничего не понимал ни в военных, ни в морских делах и гарантировал, что шахты «Арктикугля» на Шпицбергене будут продолжать работу. Он решил, что только это и требуется. Через год, в 1940-м, опять же в августе, наркомат иностранных дел подает наверх ту же записку: необходимо занять Шпицберген...

— Но уже было поздно: Норвегию оккупировала Германия.

— Да, наша высадка на Шпицбергене означала бы начало войны. Вот вам и вся «агрессивная политика» СССР в 1940 г.!

— Кстати, после 22 июня идея высадки на норвежской территории полностью отпала?

— Нет, мы неоднократно заявляли о желании это сделать: Молотов и Сталин настаивали на этом во время переговоров с Иденом и Черчиллем, предлагали высадиться в районе Петсамо — Киркинесс, но англичане не захотели.

— Ладно, оставим союзников. Давно и много говорят о том, что после нападения Германии на Советский Союз Сталин якобы растерялся...

— ...И впал в прострацию? Это не так. Просто человек, который ощущал свою ответственность за подготовку страны к обороне, который делал все, чтобы

отодвинуть войну, но не смог это сделать по объективным причинам, оказался в подавленном моральном состоянии. Все разговоры о том, что когда к нему приехали Молотов, Берия, Маленков и Микоян, то Микоян якобы прочитал в глазах Сталина страх: а не арестуют ли? — сущая чепуха, чистый вымысел!

— Но ведь Микоян примерно так написал? Почему?

— Это за него придумали! В 1972 г. я с ним готовил для АПН материал, который впоследствии стал главой воспоминаний Анастаса Ивановича, и по личной практике знаю, что сам он ничего никогда не писал. Не умел, не дано было! Он был талантливым государственным деятелем, но написать даже одну страницу не мог! Он предлагал другим, если речь шла о воспоминаниях, сделать подоснову, а сам, прочитав, вносил какие-то живые моменты...

— Вы с ним о начале войны не говорили?

— Говорил! Он рассказывал о начале войны, о ГКО, но ни слова — о том самом страхе Сталина. Это появилось гораздо позже, может быть, уже и после смерти Анастаса Ивановича.

— Как вы относитесь к расхожему утверждению о том, что Сталин не верил сообщениям разведки?

— Это опять же ложь — по незнанию или сознательно! Дело в том, что руководители нашей разведки — и военной, и НКВД — после начала Второй мировой войны стали очень опасаться за свою карьеру. И вместо того, чтобы, как это и положено, получив все донесения, анализировать их, выявлять, какие сведения ошибочны, какие — нет, делать какие-то выводы и рекомендации, и именно их представить наверх, в том числе Сталину, они заваливали Сталина перво-

зданной информацией из Европы. А информация была противоречивой. Одни утверждали, что война будет, другие — что нет.

— Есть точка зрения, что это не разведка все давала, а Кремль требовал всю получаемую информацию...

— Аналитические службы ведь были — они задним числом пытаются сейчас себя обелить!

— Все же на чем основывалась точка зрения, что Германия не нападет на СССР в ближайшее время?

— «Битва за Британию», пожар в Лондоне, полыхавший почти всю зиму 1940—1941 гг. ...Черчилль, став премьером, понял, что Англии не устоять даже при поддержке Штатов. Он знал, что война между Германией и СССР неминуема, и поспешил ее ускорить. Он предпринял весьма хитрую акцию, которая давным-давно описана в английских книгах... Черчилль попросил свою разведку подготовить от его имени письмо Гитлеру, в котором он якобы выражал готовность начать переговоры о заключении мира. Условием таких переговоров было нападение Гитлера на СССР... Отсюда и полет Гесса в мае 1941 г., суть которого англичане до сих пор отказываются раскрыть — ни одного документа в связи с этим не опубликовано.

— По распоряжению Маргарет Тэтчер срок секретности этих документов продлен до 2017 г.

— А ведь Гесс полетел в Англию, чтобы вести эти переговоры уже за конкретным столом — все обговорить, подготовить тексты и т.д. Наша разведка получила сообщение о переговорах Черчилля с Гитлером. Как должны были в Кремле расценивать это? Как должны были после этого относиться к сообщению Черчилля о том, что немцы вот-вот нападут на нас?

— Получилось, что Черчилль переиграл и Сталина, и Гитлера?

— Конечно. Для него главным было спасти Великобританию.

— Впрочем, это в традициях английской политики... Вспомним 1812 г., когда нападение на Россию маскировалось «Булонским лагерем».

— Вот видите! А вы хотите, чтобы Сталин точно отгадал, какое сообщение верное, а какое — ложное? Добавьте сюда еще и то, что записал Геббельс в своих дневниках за 1941 г.: Германия тоже вела свою игру дезинформации, пыталась внушить нам, что не нападет. Поэтому в данном случае я бы винил не Сталина, а руководство нашей разведки, которое отказывалось анализировать и выдавать точные прогнозы.

— Насколько известно, наши отношения с будущими союзниками основательно испортились в результате финской кампании. Англичане даже хотели помочь финнам, приняв участие в боевых действиях.

— У нас всегда почему-то многого не договаривают, рассматривают только какой-то один аспект проблемы. Дело в том, что Германия получала железную руду из Швеции, с севера, где колоссальные месторождения. Англичане — почитайте воспоминания Черчилля — стремились захватить эти железные рудники.

— Будем считать — из благих побуждений, чтоб немцам не отдавать!

— Ну да. Но как ни с того ни с сего кинуться на нейтральные Швецию и Норвегию? Тогда был придуман предлог для вторжения. Якобы — помощь финнам. Доказывается это тем, что и после того, как в марте 1940 г. финны подписали перемирие, англичане

продолжали подготовку к высадке в Нарвике, но опоздали ровно на три дня. Если бы не немцы, которые кинулись в Норвегию и Данию в мае 1940-го, англичане были бы в том же Нарвике — уже не под предлогом помощи несчастной Финляндии.

— То есть все сочувствие Финляндии не более, чем повод?

— Посмотрите воспоминания Черчилля — он писал, что Россия права в своих требованиях отодвинуть границу от Ленинграда. Сегодня забыли, что граница тогда проходила в Сестрорецке и Белоострове, что масса островов в «Маркизовой луже» были финскими, так что финны элементарно могли обстреливать со своей территории центр Ленинграда. Кто виноват, что в декабре 1917 г. мы согласились признать независимость Финляндии в ее административных границах эпохи Российской империи? То есть совершили в первый раз ту же ошибку, которая была повторена в 1991 г., когда чисто административные границы позволили разрывать Советский Союз на куски!

— История учит только тому, что она ничему не учит. Особенно — наша... Возвратимся к 1941 г. Итак, войну ждали?

— Конечно. Чувствуя ее приближение, Политбюро вечером 21 июня, еще до первых выстрелов и бомб, подготовило две директивы для нашей армии. Когда же началась война, пришлось обдумывать, как руководить страной в этих условиях.

— Юрий Николаевич, по вашему мнению, в чем основные причины первых наших неудач?

— Не удивляйтесь, но главное, на мой взгляд, то, что мы не имели нужных средств связи. В 1941 г. нем-

цы пользовались радиотелефоном! Говорят, что они все были вооружены автоматами — нет, бóльшая часть немецких солдат, как и наших, шла с винтовками. Но немцы имели радиотелефоны! А у нас связист катушку тянет, провод перебивают, он под огнем связь восстанавливает... В результате командование армии не знало, что делается в дивизиях, в дивизиях не знали, что происходит в полках, батальонах, ротах и т.д. Поэтому кто-то стойко оборонялся, не зная, что рядом пусто, что на фланге обнаженный участок, что немцы его уже прошли, оказались в тылу... Вот главная причина первых наших неудач!

— Только одна причина?!

— Конечно, нет — тут целый комплекс причин, но эта, на мой взгляд, первая по значимости. Среди прочих не могу не сказать о роли начальника Генштаба Жукова. Вспомните, это он в начале 1941-го настаивал на том, что немцы нанесут основной удар на Киев и дальше, к Волге. Это всем известно, просто никто не хочет говорить.

— Невольно вспоминается знаменитая командно-штабная игра в начале 1936 г., когда Тухачевский настаивал, что немцы будут наступать на центральном направлении...

— Да, это классическое направление удара. Его использовал Наполеон, использовали немцы в 1914-м — с той разницей, что еще было Царство Польское, которое им нужно было пересечь. Все равно удар был направлен на Минск, с ответвлением на Прибалтику, Петроград. С точки зрения стратегии это наиболее удобно, выгодно, привлекательно.

— Почему же Георгий Константинович мыслил по-иному?

— Он считал, что немцы поступят нестандартно: пойдут на юг, так как им нужны хлеб, железная руда, кавказская нефть. Поэтому основные наши силы были сосредоточены на Украине, а в Прибалтике и Белоруссии их было меньше. От этого сразу потерпели поражение наши армии в районе Белоруссии... Кстати, вот эпизод, который сегодня опять-таки никто почему-то не желает вспомнить: в Москве была сформирована так называемая «пистолетная дивизия». Большие потери в старшем начсоставе вынудили провести, так сказать, «чистку» академий, военных училищ, наркомата: набрать от полковника и выше, тех, кто носил в кобуре пистолет, и в конце июля срочно направить на фронты «затыкать дыры» на уровне полк — дивизия — армия. А ведь, наверное, эти люди могли бы оказать большую пользу либо на своем посту, в Москве, либо чуть позже, во главе по-настоящему сформированных полков, бригад и дивизий. Но их фактически бросили на гибель. Однако именно героизм тех, кто сражался в июне — сентябре 1941 г., и спас страну. В это время мы хоть частично, но сумели эвакуировать нашу промышленность, наладить отношения с англичанами, американцами, предпринять многое другое — всем этим занимался ГКО.

— Сейчас гуляет версия о том, что мы пытались начать какие-то тайные переговоры с немцами. Так ли это?

— Нет, нет и нет! Версий может быть множество, но за ними чистое вранье, потому что в подтверждение не представлено ни одного доказательства. Нет ни одного документа, который бы эту версию подтверждал! Единственное, что Сталин, как честный руководитель страны, мог себе позволить, — это договор о ненападении между Германией и СССР. Как я уже сказал, такие же договоры Германия подписала и с Бельгией, и с Данией...

— Тогда Сталин надеялся оттянуть начало войны...

— Тогда — да. Теперь же Советский Союз был готов бороться до конца. Так что недаром мы в 1941 г. понудили англичан зафиксировать в наших двусторонних договорах, что ни одна из сторон не пойдет на сепаратный мир.

— Вы начали говорить о ГКО — как, зачем и почему он был образован?

— Как я сказал, в начале войны нужно было принимать меры по созданию руководящего органа, отвечающего времени, задачам и ситуации. То, что аппарат партии, скажем, ЦК ВКП(б), для этого не годится, еще задолго до войны поняли и Сталин, и Маленков, и Молотов. Собирать во время войны Верховный Совет? Бессмысленно... Тогда и было принято решение создать чрезвычайный орган власти: Государственный Комитет Обороны, который стал над всеми советскими и партийными органами...

— О ГКО мы знаем, в общем-то, мало. Кто именно входил в его состав?

— Если оценивать реально, то в действительности он состоял из четырех человек: Сталина, Молотова, Маленкова и Берии. Ворошилов, а позднее и Микоян были «пристяжными», а те, кто потом были туда включены — Булганин, Вознесенский и Каганович, — это уже была чистая проформа. Члены ГКО отвечали за все: от мобилизации на местах, доставки мобилизованных на фронт до обеспечения фронта техникой, вооружением, снарядами и патронами...

— А кто за что отвечал конкретно?

— Ну, во-первых, и Молотов, и Берия, и Маленков выполняли и свои прежние обязанности. Во-вторых,

курирование наркоматов они меняли между собой каждые полгода. Скажем, полгода танковую промышленность курирует Берия, затем передает ее Маленкову, а сам получает авиационную промышленность. Это для того, чтобы не возникали притирка, привыкание к наркомам. Притом никто не знал, кому затем достанется другой наркомат. Это заставляло людей быть в боевой готовности круглые сутки...

— А что делал Сталин как председатель ГКО?

— Он должен был курировать то, что осталось от наркомата обороны — то есть Генштаб, командование фронтов.

— Курировать — или руководить ими?

— Что бы сейчас ни говорили, но Сталин никогда не претендовал на роль стратега или тактика. По сути дела, он выступал в роли, я бы сказал, сверхсудьи. Он заставлял людей в своем присутствии многократно перепроверять то, что предлагается, заставлял высказываться других — для того чтобы принять окончательное решение. Ведь это очень серьезно — где именно нанести удар? Далее он выходил на Молотова, Маленкова и Берию, чтобы обеспечить соответствующее количество танков, самолетов... В общем, его задачей была организация взаимодействия между Верховным главнокомандованием и ГКО.

— Как часто проводились заседания Государственного Комитета Обороны?

— Видимо, я вас удивлю, сказав, что ГКО ни разу не собирался ни на какие заседания. Как название, он существовал формально, а на деле это была команда членов ГКО, каждый из которых имел обязанности, замыкавшиеся именно на нем. Никто не спрашивал с

Молотова, Берии, Маленкова, со Сталина. Так называемые решения ГКО — это конкретные решения отдельно Сталина, решения Молотова, Маленкова, Берии и иногда Микояна — и не больше. Например, Молотов готовил постановление по своему вопросу — и оно шло не как постановление члена ГКО, а как постановление ГКО...

— Но почему — вы и сами это сказали — о Сталине говорят как о единоличном руководителе сражающейся державы и ее Вооруженных сил?

— За годы войны народ привык связывать имя Сталина со всеми победами, никуда от этого не уйти. Он стал именно символом Победы — в конце концов, проще называть одно имя, связав с ним все. Никто ж не говорил, что решающий вклад внес Рокоссовский, Малиновский, Соколовский и так далее — тогда почему-то очень любили эти три фамилии — или Василевский. Меньше вспоминали и Жукова. А Сталин для нашей Победы в войне, конечно же, сделал немало.

И СНОВА – МИФ...[1]

Канал «Россия» преподнес зрителям очередное свое творение — сериал Николая Досталя «Завещание Ленина». Что ж, сериал как сериал. Не хуже, но и не лучше других. Жаль только, что в нем произвольно обошлись с историей. Надругались над нею, сотворив очередной миф. Впрочем, в наши дни этим никого не удивишь.

Заблаговременно готовясь к 90-летию Октябрьской революции, телевидение решило вымазать дег-

---

[1] Публикуется по: Литературная газета, № 25, 20 июня 2007 г.

тем прошлое собственной страны. Показало передачу о Троцком, представив его исчадием американских банков и британской разведки. Иную версию жития Льва Давыдовича рассказал Виталий Вульф. Подал его с безмерным восхищением. Восторженно, даже панегирично, как он это умеет. Привел тем телезрителей в полное недоумение. И вот еще один вариант того же, по сути, сюжета. Только теперь не о самом Троцком, а его учении. О том, как гноили в советских лагерях за приверженность к троцкизму.

Досталь дал своему детищу довольно двусмысленное название. Предоставил зрителям самим судить, чем же является «Завещание Ленина». То ли просто завязка сюжета, то ли то, что колымские лагеря и есть тот самый завет. Поможем же зрителям. Объясним то, о чем, судя по всему, не знают ни авторы сценария, ни режиссер.

22—24 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. появилась загадочная машинопись. Якобы сделанная секретарями больного Ленина. Но почему-то даже не подписанная вождем мирового пролетариата, дабы удостоверить, подтвердить свое авторство. В июне 1923 г. Крупская передала эти несколько страниц, уже получивших название «Письмо к съезду», в ЦК партии. Там странное послание не стали скрывать. Распространили среди делегатов ближайшего XIII съезда, состоявшегося в мае 1924 г. Попросили решить судьбу документа. Делегаты же, так и не получив веских, неоспоримых подтверждений авторства Ленина, посчитали возможным не публиковать «Письмо». Скорее всего — фальшивку.

На том, однако, история невесть откуда взявшихся, непонятно кем написанных страничек не закончилась. Уже в 1925 г. их, но уже как «завещание Ленина», опубликовал троцкист Макс Истмен в Лондоне. Толь-

ко потом их стали тиражировать в Советском Союзе, в подпольных типографиях левых. Тиражировать и распространять.

Почему именно тогда? Да лишь потому, что Троцкий, названный в этом «завещании» истинным преемником Ленина, уже потерял тот самый пост председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам, на котором и стяжал славу создателя Красной Армии, победителя в Гражданской войне. Словом, Наполеона, но только до коронации. Весной 1925 г. Лев Давыдович получил скромную, малозначимую должность даже не наркома какого-либо, а всего лишь руководителя Главного концессионного комитета.

В бесславном падении Троцкого, чего столь долго добивался Зиновьев — глава Коминтерна, Всемирной коммунистической партии, в которой наша партия большевиков была всего лишь одной из секций, — теперь никто не мог усомниться. И Зиновьев вынужден был выискивать того врага Льва Давидовича, который низверг его, героя Октября.

После объединения недавних врагов, Троцкого и Зиновьева, в рядах так называемой «новой оппозиции» враг нашелся быстро. Тот состав Политбюро, из которого вывели этих леворадикалов.

«Новая оппозиция» вобрала в себя большинство думающих большевиков, оказалась необычайно мощной, а потому поспешила продемонстрировать свою силу. Провела 7 ноября 1927 г. в Москве и Ленинграде многотысячные демонстрации и... проиграла. Проиграла партократам-конформистам. Готовым исповедовать любые идеи. Вот тогда-то и потребовалось «завещание Ленина». Но не как документ, якобы дискредитирующий Сталина. Ведь тогда о нем мало кто и знал. Так, в основных официальных идеологических «катехизисах», предназначенных для школьников, студентов,

вообще для трудящихся, — учебнике политграмоты Бердникова и Светлова, «Азбуке коммунизма» Бухарина и Преображенского, краткой истории РКП(б) Зиновьева имя Сталина просто не упоминалось.

«Завещание» потребовалось с иной целью — добиться возвращения Троцкого и Зиновьева на высшие посты в партии и государстве.

Вот к этому-то моменту и относится вроде бы биография Шаламова в представлении Досталя. Режиссера, который счел лишним рассказ о рождении Шаламова как поэта. О его встречах с лефовцами — наиболее леворадикальной группировкой отечественной литературы и искусства. Лишним для Досталя оказалось все то, что заставило его героя стать троцкистом. Зато не поскупился режиссер на карикатурное изображение троцкистов. Якобы крохотной группки молодых евреев, хотя большинство комсомольцев — и русские, и украинцы, белорусы, грузины, латыши, поляки, да еще руководители, вожаки уездных, городских, губернских комитетов — мечтали, что доживут до коммунизма. А для того примут участие в мировой революции. В рядах Красной Армии с лозунгами: «Даешь Варшаву», «Даешь Берлин!»

Собирались они, комсомольцы-троцкисты, на свои конспиративные собрания в убого обставленных комнатенках, а не в роскошных нэпмановских хоромах с прислугой. И не наряжались они так, как увиделось почему-то Досталю, а носили юнгштурмовки — защитного цвета, стянутые ремнем с портупеей гимнастерки с отложными воротничками, под которыми были рубахи и галстуки, в того же цвета бриджах или юбках. Словом, в той униформе, которая подчеркивала их близость к военнослужащим. К тем, вместе с которыми и готовились они к «последнему и решительному бою».

Комсомольцы-троцкисты (а среди них был, к примеру, и будущий писатель Анатолий Рыбаков) готовы были отстаивать свои идеи любой ценой. Даже ценою жизни. Не предполагали они лишь одного — жертвовать собой им придется не в капиталистических странах, а у себя дома...

В конце двадцатых годов никто в СССР не скрывал, что в стране сохраняются тюрьмы. Да и не только они. Были еще и исправительно-трудовые дома или трудовые колонии. В них в обстановке полусвободы содержали преступников, отбывших более половины срока заключения. Содержали для испытания — исправился ли человек, готов ли он вернуться к честной жизни. И тюрьмы, и колонии — для уголовников: убийц, насильников, бандитов, воров, казнокрадов, мошенников. Для политических существовали политизоляторы (их в то время на всю страну было всего четыре) да концлагерь СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения. Где никого не принуждали к работе. Только изолировали от «вредного влияния» на неокрепшие умы сограждан.

Вся пенитенциарная, или исправительная, система рухнула в одночасье летом 1930 г., когда по инициативе Ягоды создали печальной памяти ГУЛАГ. Лагеря, куда по доброй воле никто — ни инженеры, ни рабочие — не поехал бы. На Таймыре, Колыме, иных глухих, неблагоустроенных местах, где нужны были только геологи да чернорабочие. Чтобы строить шахты, добывать золото, платину, потом никель, олово, урановую руду.

Начиная с 1935 г. число заключенных, содержащихся в ГУЛАГе, неуклонно возрастало. Постепенно дошло до своего максимума — миллион с небольшим условно на 1 января каждого года. Но к концу войны, и особенно после Победы, чуть ли не 90% заключенных составляли либо уголовники, либо коллаборанты всех мастей — бандеровцы, «лесные братья» из Прибалтики,

власовцы. Число же политических довольно быстро довели чуть ли не до нуля. В начале войны почти всех, дабы они не создавали проблемы для НКВД, расстреляли.

Но это сюжет для совершенно иного, нежели «Завещание Ленина», фильма.

НЕ СПЕШИТЕ С УТВЕРЖДЕНИЯМИ![1]

Четыре канала телевидения — Первый, ТВ Центр, НТВ, «Звезда» — и газета «Комсомольская правда» не смогли обойти круглую, да еще и симметричную дату — 55 лет со дня смерти Иосифа Сталина. Правда, почему-то в излюбленной средствами массовой информации манере с завидным единодушием задались всего лишь одним, ими же самими и измысленным вопросом: а не был ли Сталин убит кем-либо из своих ближайших соратников?

Следует огорчить доморощенных Холмсов, Пуаро и тетушек Марпл. Еще в Древнем Риме знали — хочешь найти убийцу, ищи того, кому выгодно данное преступление. Так вот, в кончине Сталина, и именно 5 марта 1953 г., НИКТО не был заинтересован. Более того, смерть в тот день оказалась ненужной, преждевременной и для и.о. председателя Совмина СССР Берии, и для и.о. первого секретаря ЦК КПСС Маленкова. Только сошедшихся в последней решающей схватке за власть — за право стать наследником Сталина. В схватке, завершившейся лишь 26 июня — арестом Берии.

Приходится снова и снова напоминать: Сталин был смертельно болен, с февраля 1951 г. полностью отошел от политической деятельности. Уже не занимался государственными делами. Такое утверждение некоторые его поклонники пытаются опровергнуть тем, что

---

[1] Публикуется по: Литературная газета, № 11, 19 марта 2008 г.

Иосиф Виссарионович написал в то время две большие работы. В 1950-м — «Марксизм и вопросы языкознания», в 1952-м — «Экономические проблемы социализма в СССР». Мол, работа над ними и является ярчайшим свидетельством его неувядаемой активности.

Позволю не согласиться с таким утверждением. Напомню, что уже тогда, при жизни Сталина, у всех вызвало неподдельное удивление появление книги, осуждающей, развенчивающей теорию Марра. Начались пересуды: с чего бы это в самый разгар «холодной войны» вождь вдруг вспомнил о давно умершем филологе и решил — с запозданием в двадцать лет — развенчать «классовый характер» развития языков мира?

Ну а что касается «Экономических проблем...», то следует помнить: эта работа возникла в ходе «частного» консультирования группы авторов во главе с Шепиловым, создававших учебник политэкономии.

Теперь задумаемся: Сталин не вникает в вопросы внешней политики, не занимается внутренними проблемами страны, но находит время, в общем-то, на пустяки. Не связано ли такое странное увлечение наукой именно тем, что впервые за многие годы у Иосифа Виссарионовича появился досуг, чтобы он вдруг сосредоточился лишь на явно неактуальном, на второстепенном, если не третьестепенном?

Сталин действительно отрешился от государственных дел, потому что был очень болен, смертельно устал. Не случайно еще в ноябре 1944 г., давая интервью американскому журналисту Кессиди, все время приговаривал, отвечая на вопросы о том, что будет делать после Победы: «Если доживу, если доживу...»

Разумеется, для подтверждения либо опровержения моих утверждений требуются более весомые доказательства. Чем больше, тем лучше. И непременно — надежные, убедительные, бесспорные. Те, что найти

можно только в архивах. Там же слишком многие документы «эпохи Сталина» по-прежнему держат под грифом «Секретно». Мол, материалы эти — давно не существующих органов несуществующей партии несуществующей страны — содержат страшную государственную тайну.

Похоже, так оно и есть. Иначе зачем руководителям Архивной службы РФ — и прежнему Р. Пихоя, и нынешнему В. Козлову — упорно прятать от исследователей ключевые для раскрытия нашего прошлого материалы фондов таких отделов ЦК, как:

— административных органов, курировавшего ОГПУ —НКВД —МГБ, Верховный суд СССР, Прокуратуру СССР; отдела, который и давал санкции на все без исключения аресты высокопоставленных лиц, на проведение закрытых или открытых политических процессов;

— Судебной комиссии ЦК, или, говоря сегодняшним языком, Комиссии по помилованию, отдельные решения которой выдаются за якобы «расстрельные списки»;

— руководящих партийных органов, позже преобразованного в Управление кадров, содержащее «личные дела» всех без исключения лиц, в просторечии именуемых «номенклатурой».

Мало того, недоступны и документы иного рода. К примеру, «история болезни» Сталина. Ее изучение, пусть и предельно ограниченным кругом специалистов, устранило бы наконец все спекуляции о причинах смерти Сталина. Или необъяснимое «отсутствие» стенограммы октябрьского 1952 г. Пленума ЦК. Того, что настойчиво подменяется «воспоминаниями», написанными через четверть века. Руководители Архивной службы наивно разводят руками: да, стенограммы всех Пленумов велись, а вот этого — почему-то нет...

Да, слишком уж похоже, что нам, нашему поколению, так и не позволят узнать правду и о нашем прошлом, и о Сталине.

Потому не будем торопиться с окончательными выводами, безапелляционными утверждениями. Перестанем выдумывать вопросы только для того, чтобы дать на них заранее заготовленные ответы.

Лучше постараемся понять, почему скрывают от нас важнейшие документы. Не для того ли, чтобы окончательно воцарился в умах людских миф, сотворенный Хрущевым, Яковлевым, Волкогоновым. Миф, настойчиво распространяемый недобросовестными журналистами, убежденными:

Все забудется, образуется,
Виноватые станут правыми...

УБИВАТЬ СТАЛИНА НЕОБХОДИМОСТИ НЕ БЫЛО[1]

Беседа с главным редактором журнала «Экономические стратегии» Александром Агеевым

— Позвольте начать с роли Сталина в отечественной истории. Какие основные стратегические задачи ему удалось решить и что оказалось ему не по силам? Какой он оставил Россию?

— Нужно помнить, что Сталин стал Сталиным в нашем понимании, т.е. вождем, только в декабре 1930 г. До этого он был партийным деятелем, перед которым поначалу — примерно до конца 1920-х гг. — стояло две задачи. Первая — это национальный во-

---

[1] Публикуется с небольшими редакционными поправками по: Экономические стратегии, № 7, 2008 г.

прос. Сталин считал, что не может быть никакого деления страны по национальному признаку. Еще в марте 1917 г., сразу после Февральской революции, он опубликовал две статьи по национальному вопросу, одна из которых так и называлась: «Против федерализации». В то же время он понимал, что административное деление страны изжило себя, поэтому рассматривал как необходимое объединение ряда губерний, у которых за 100—200 лет сложились исторические и экономические связи, в то, что тогда Сталин называл областью. Повторяю, главными он считал экономические и исторические связи, а быт населения ставил на последнее место. Не национальный язык, а именно быт, который опять же связан с экономикой. Любопытно, что Сталин это четко сформулировал во второй половине марта 1917 г., а спустя шесть недель эту мысль чуть ли не дословно повторил лидер кадетской партии Павел Николаевич Милюков.

Так накануне войны сошлись два крайних полюса революции. Сталину приходилось очень много заниматься национальным вопросом, поскольку к осени 1917 г. при попустительстве бездарнейшего политика Керенского страна фактически развалилась. По сути дела, инициаторами этого распада выступили украинские националисты, прежде всего Грушевский, который долгие годы жил в Австро-Венгрии, в тогдашнем австрийском городе Лемберге, который теперь известен как Львов. Он разделял представления австро-венгерской монархии о том, как должны жить народы в условиях многонациональной империи. Уже в апреле 1917 г. украинские националисты, создавшие свою Центральную раду, потребовали от Временного правительства признать их автономию. При этом они претендовали на территории от западной границы до Харькова, на Кубань, Бессарабию и еще несколько

чисто русских губерний, вроде Брянской. Мало того, они явочным порядком приступили к формированию армии, что стало одним из факторов, приведших к развалу армии и поражению России в Первой мировой войне. Как ни удивительно, им потворствовал Корнилов, который, будучи Верховным главнокомандующим, официально разрешил формирование четырех украинских корпусов из частей Западного и Юго-Западного фронтов. Представьте, идет война, солдаты стреляют, и вдруг их отводят с передовой линии для того, чтобы они подняли свое желто-голубое знамя. Это развал армии, предательство.

— А сколько это человек примерно, четыре корпуса?

— В целом они потребовали полтора миллиона человек — более половины личного состава, находившегося на фронте. В результате запасные полки, формировавшиеся в тылу, чтобы не идти на фронт, тоже стали объявлять себя украинскими. Временное правительство также потворствовало украинцам. Керенский в июле подписал с Радой соглашение о предоставлении им широкой автономии — правда, на территории только пяти губерний. К этому времени была признана независимость Польши, практически полностью отложилась Финляндия, те же тенденции наблюдались у эстонцев и латышей, которым еще при царском правительстве подготовили территориальную автономию. Заявили о себе националисты в Белоруссии и Грузии. Для развала страны этого оказалось вполне достаточно. Более того, 25 октября, когда в Петрограде большевики взяли власть в свои руки, еще не зная о событиях в столице, украинцы издали третий универсал-манифест, в котором провозгласили свою полную широкую автономию. Они первыми подписали Брестский мир с немцами и разрешили ввод войск Герма-

нии и Австро-Венгрии на ту территорию, которую считали своей, только за то, что Берлин и Вена признали их независимость. Большевики же подписали Брестский мир месяц спустя, уступив немцам только территорию двух прибалтийских губерний, где должен был быть проведен плебисцит по вопросу о государственном статусе. Мало того, стремление к широкой автономии продемонстрировали казачьи области Дона и Северного Кавказа, которые еще до Октября создали Союз казачьих войск.

Сталин, как первый нарком по делам национальностей, пытался восстановить страну в прежних границах и свести к минимуму националистические тенденции. В первой за всю историю России Конституции, которая появилась на свет летом 1918 г. и была подготовлена Сталиным, подразумевалось, что РСФСР — это вся территория Российской империи без Польши и Финляндии. В состав Федерации опять же входили не национальные республики, а областные объединения, о которых Сталин говорил еще весной 1917 г.

Гражданская война шла не столько между белыми и красными, сколько между красными и националистами, с одной стороны, и белыми и националистами — с другой. Приведу пример. Грузия в 1919 г. объявила войну России и решила оккупировать все Черноморское побережье Кавказа до Новороссийска, считая, что это ее историческая территория. Деникинские войска воевали с Грузией, и только вмешательство англичан, которые ввели свои «миротворческие» силы, приостановило этот вооруженный конфликт. Националисты грызлись и между собой: в этот период имело место несколько войн между независимыми Арменией и Грузией. Поляки воевали с литовцами, латыши — с эстонцами. Сегодня закавказские и прибалтийские республики отмечают годовщину своей независимо-

сти, отсчитывая ее от 1918 г., но никто почему-то не вспоминает, что эту так называемую независимость им дали немецкие или турецкие оккупационные войска только для того, чтобы создать марионеточные правительства с перспективой их включения в состав Германской или Оттоманской империй.

Сталин не мог сделать то, что хотел, ему пришлось исходить из того, что есть. Поэтому он, как прагматик, вынужден был смириться с тем, что де-факто существуют национальные республики. Наши ультрарадикалы — троцкисты и сторонники Зиновьева и Бухарина — исходили из приоритета мировой революции. Они полагали, что, когда победит эта революция, Германия с ее организованным пролетариатом и великолепной индустрией объединится с аграрной Россией и возникнет основа и для строительства социализма. А поскольку, как они считали, мировая революция вот-вот победит, то нужен союз республик — ведь Германия или Польша не может войти в состав РСФСР на правах автономной республики.

Но так как мировая революция не произошла, а республикам дали очень много свободы и прав, то очень скоро там махровым цветом расцвел национализм. На Украине, в Белоруссии, в Закавказье были созданы терминологические комиссии: собрали ученых, чтобы они придумывали слова, которые заменили бы русские термины в науке. Приведу пример того, как действовали украинские большевики. В 1925—1926 гг. они провели перепись по национальному признаку. Гражданам предлагалась альтернатива: либо ты пишешься украинцем, либо тебя увольняют с работы. А в стране безработица, остаться на улице невозможно. И это происходило в тот момент, когда на пленумах украинской компартии многие говорили: украинского языка не существует, это крестьянский, деревенский говор, и если

вы спросите селянина, то бишь украинского крестьянина, он скажет, что в городе он должен говорить по-русски, а это просто его деревенский диалект — и не более. В ответ на попытки Сталина противодействовать националистическим тенденциям на местах создавались настоящие подпольные организации националистов — например, возобновил работу «Союз освобождения Украины» — подпольная антироссийская организация, которая появилась в Австро-Венгрии в период Первой мировой войны. Украинцы, воспитанные в австрийской Галиции, стали ведущими идеологами советской Украины и одновременно состояли членами подпольной организации. Сталин нашел, по-моему, единственно возможный способ справиться с проблемами — провел административную реформу.

В 1928—1929 гг. были упразднены губернии и созданы края и области, объединившие несколько губерний. Деление на уезды сменилось делением на районы. Таким образом, например, Поволжье с территориями, населенными татарами, башкирами, удмуртами, чувашами, поглотил Средневолжский край. В Северо-Кавказский край вошли все национальные республики Северного Кавказа, включая Дагестан. С помощью такой реформы удалось обуздать националистические страсти. А когда они утихли, конечно не без помощи ОГПУ, но это нормально — в любой стране подавляют антигосударственные, сепаратистские движения, — снова восстановили губернии, которые теперь назывались областями.

— Какая вторая стратегическая задача стояла перед Сталиным в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг.?

— Борьба с ультралевыми партиями, с троцкистами и зиновьевцами, признававшими только мировую революцию. Троцкий считал, что революцию на Западе

будет делать Красная Армия, которая перейдет границу и поможет пролетариату других стран. Зиновьев был председателем исполкома Коминтерна, т.е. главой мировой коммунистической партии, в которой ВКП(б) была лишь одной из секций. Сталин до 1926 г., когда сняли Зиновьева, был у него в подчинении. Но существовали и «правые» — Рыков, Бухарин. Они не отказывались от идеи мировой революции, но считали, что это произойдет не через месяц или через год, а года три-четыре, поэтому нужно проводить политику ожидания. Сталину помогло то, что воевавшие между собой Зиновьев и Троцкий в 1926 г. объединились и начали откровенную подпольную деятельность: стали устраивать забастовки, шествия, демонстрации и даже, о чем не очень любят говорить жертвы сталинских репрессий, копить оружие. Явно готовились взять власть силой. В результате Троцкого выслали в Алма-Ату, Зиновьева в другое место, но потом вернули в Москву. Однако Зиновьев, который был членом редколлегии журнала «Большевик», в номере от 1 августа 1934 г. опубликовал огромную статью, посвященную 20-летию начала Первой мировой войны. Он писал: нам не нужно создавать мощную экономику и оборонную промышленность, потому что через несколько месяцев победит революция в Австрии, затем она перекинется на нацистскую Германию, Францию, Англию, и угроза войны будет снята.

Здесь нужно сделать небольшое отступление: обычно у нас считают Сталина инициатором индустриализации и коллективизации и совершают грубейшую ошибку. И то и другое впервые предложил Преображенский, видный экономист, человек, которого считали правой рукой Троцкого. В 1925 г. он выпустил книгу под названием «Первоначальное социалистическое накопление», где писал о том, что во всех союзных

республиках, особенно в Закавказье и Средней Азии, нужно создавать рабочий класс, а для этого необходимо развивать промышленность. В отличие от сегодняшних наших демократоров-реформаторов он сразу же поставил вопрос об источниках финансирования и в качестве таковых предложил изъятие средств у крестьянства и нэпманов. Если мы вспомним, как осуществлялся первый пятилетний план, то увидим, что все было сделано по сценарию, изложенному Преображенским.

Почему первый пятилетний план потерпел неудачу? Когда его обсуждали в 1927—1928 гг., в партии уже преобладали так называемые «правые» — Бухарин, Рыков. Они предложили в качестве источника финансирования использовать доходы от внешней торговли, и их поддержал новый нарком торговли Микоян. Тогда основными предметами экспорта были нефть и нефтепродукты. В Англии и Германии практически все автозаправочные станции работали на нашем бензине. На втором месте стояли лес и лесоматериалы, пушнина, драгоценные металлы. И все было бы хорошо, если бы не мировой экономический кризис, который разразился в тот момент, когда мы под кредит купили заводы в Великобритании и Соединенных Штатах — Горьковский автомобильный, Сталинградский и Челябинский тракторные и т.д. Днепрогэс — тоже американский проект. Даже метро строилось с помощью американцев. У нас не было специалистов. Мы брали вполне обоснованные кредиты, потому что под них шли доходы от экспорта, но как только начался мировой кризис, пришлось сократить пятилетний план чуть ли не в 100 раз.

Было принято решение о так называемых ударных стройках — это те стройки, где уже имелся хотя бы нулевой цикл, — и все средства, которые можно было

изыскать, направили туда. Но на все запланированное денег не хватило, поэтому вместо трех автомобильных заводов в первую пятилетку построили один — Горьковский и во вторую — Московский. Ленинградский так и не был построен. Но главным детищем индустриализации стали металлургические комбинаты: Запорожский, Кузнецкий, Магнитогорский, без которых было бы невозможно развитие промышленности. Мы также выполнили программу по станкостроению.

В первую пятилетку из крестьян действительно вытягивали деньги и зерно, которым расплачивались с Германией за кредит. И трагедия, произошедшая в начале 1930-х гг., — это следствие бездарности бюрократии. В Москве точно рассчитали, сколько нужно зерна для поставок в Германию по годам, и все было четко расписано по областям, производившим товарный хлеб. Но на местах чиновники рассудили: «Если мы эту норму разверстаем по районам, а те не выполнят, спросят с нас», — и повысили разверстку примерно в два раза. Это «лишнее» зерно, о котором все молчали, которого как бы не было, гнило в буртах. Отчитывались — и все в порядке. Поэтому вина за голод лежит на чиновниках-украинцах. При исчислении жертв голода также были допущены ошибки. Дело в том, что в этот период крестьяне уходили из деревень, спасаясь не только от голода, но и от коллективизации. Например, переселялись из белорусских областей в Смоленскую, из Смоленской — в Московскую. А их считают изгнанными в Сибирь, умершими или расстрелянными. Говорят о жертвах в Казахстане, но забывают о том, как в начале перестройки к нам из Китая пришло несколько миллионов казахов, которые от коллективизации, а главное, не желая становиться оседлыми, в свое время ушли в Китай. Туркмены ушли в Афганистан и Иран, а у нас их продолжают считать жертвами

сталинского произвола, голода, репрессий. Кроме того, много людей уехало на стройки пятилетки, где остро не хватало техники и требовались рабочие руки.

— Заградотряды не ставили?

— Заградотряды использовали только на Северном Кавказе, в нескольких станицах, где крестьяне отказывались сдавать зерно. Да, были отдельные жуткие, вопиющие случаи, но они не стали системой. А у нас любят преувеличивать плохое и замалчивать хорошее.

Так вот, в декабре 1930 г. Сталин отправил в отставку правительство Рыкова и создал новое правительство во главе с Молотовым, куда вошли люди, разделявшие его точку зрения. Спустя два месяца, в феврале 1931 г., Сталин выступил с первой настоящей программной речью. Он сказал: Россию били все кому не лень, потому что она всегда была отсталой страной, и сейчас у нас остался последний шанс спасти ее: за десять лет нагнать упущенное за 300, создать ту основу экономики, без которой невозможно ни существование Советского Союза, ни его оборона. Если мы этого не сделаем, через десять лет нас сомнут и уничтожат. Он ошибся на несколько месяцев — война началась не в феврале, а в июне 1941 г.

Внешняя угроза, о которой говорил Сталин, была вполне реальной. В 1929 г. произошел конфликт на КВЖД — на нее напали хунхузы, т.е. китайские бандиты, плохо вооруженная разношерстная публика. Чтобы навести порядок на КВЖД, пришлось срочно создавать армию, которая потом стала называться Краснознаменной Дальневосточной — ею командовал Блюхер, — и Амурскую флотилию. Встал вопрос: мы не в состоянии противостоять хунхузам, что же будет, если на нас нападет европейская страна? В 1930 г. папа римский призвал к крестовому походу против Со-

ветского Союза, в 1933 г. к власти пришел Гитлер, никогда не скрывавший, что главная цель германской агрессии — СССР.

С 1931 по 1951 г. Сталин занимался только одним — укреплением экономической мощи и обороноспособности страны. Так было до войны и во время войны, а после войны вместо передышки Советский Союз получил «холодную войну», развязанную американцами в 1945 г. Они сбросили бомбы на Хиросиму и Нагасаки, чтобы продемонстрировать нам, что с нами будет, если мы станем сопротивляться воле Вашингтона. Ведь Трумэн, заменивший Рузвельта на посту президента, уже в 1946 г. начал диктовать Москве, какими по составу должны быть правительства в Варшаве, Будапеште и Праге, не объясняя при этом, почему Америку это должно волновать. Доктрина Трумэна применительно к Греции и Турции, план Маршалла — все это в 1947 г. привело к расколу Европы, а в 1948 г. началось прямое противостояние: события в Чехословакии в феврале 1948 г., берлинский кризис летом 1948 г. В этих условиях Сталин и его группа делали все, чтобы, с одной стороны, удержать мир от новой войны, а с другой стороны — создать противовес американцам в виде собственного ядерного оружия. К тому времени, когда эта задача была решена, Сталин уже был очень тяжело болен. Первый инсульт у него случился в 1945 г. Тогда к нему на Кавказ присылали Гарримана, чтобы выяснить, как он себя чувствует.

— Это было летом 1945 г.?

— Да. Сталин тогда выкарабкался, хотя чувствовал себя очень плохо. Затем он перенес еще три инсульта, а в конце 1951 г. у него началась болезнь Альцгеймера. Поэтому в феврале 1951 г. когда стало ясно, что он неработоспособен, было принято решение Политбюро о

создании тройки — Булганин, Берия, Маленков, которая фактически должна была решать все вопросы. С этого момента Сталин больше ни во что не вмешивался, иногда занимаясь с точки зрения государственного деятеля мелочовкой. А в Кремле в этот момент разгоралась борьба между Берией и Маленковым.

— Может быть, мы прежде поговорим о «ленинградском деле»?

— В январе 1944 г. состоялся первый за всю войну и вообще за многие годы Пленум ЦК. К Пленуму Молотов, Маленков и Сталин подготовили проект, в соответствии с которым коммунистическая партия практически устранялась с политической арены. Отныне партийные органы должны были заниматься только вопросами агитации и пропаганды и участвовать в подборе кадров. Другие сферы жизни — экономика, культура, образование, наука, сельское хозяйство и т.д. — должны были курировать только советские органы, избранные народом. Но члены Политбюро отвергли это предложение.

После войны Сталин впервые заболел, и стало ясно, что нужно готовиться к его уходу, пусть даже в отставку. Встал вопрос о власти, и на этой почве во властных эшелонах, как сегодня говорят, произошел раскол по линии старые — молодые. Во время войны во главе страны над партией и государством стоял Государственный Комитет Обороны, куда входили Берия, Молотов, Маленков и Сталин, а потом добавился Микоян. У них было четкое разделение обязанностей, Берия, Молотов и Маленков, каждые полгода меняя контролируемые наркоматы, занимались производством вооружения, боеприпасов, обмундированием армии, мобилизацией и т.п. Как только оружие, боеприпасы и солдаты попадали на фронт, они поступали под

контроль Сталина. Микоян, как обычно, занимался вопросами продовольствия. Иными словами, эти пять человек в то время возглавляли государство.

Переведенные из Ленинграда Вознесенский и Кузнецов оказались как бы не у дел. Вознесенский всю войну провел в тылу, занимался второстепеннейшими вопросами экономики, но поспешил отметиться как истый бюрократ. Выпустил книгу «Военная экономика СССР в годы Отечественной войны», где три раза упомянул ГКО, не указав его состава, и один раз написал: «ГКО во главе с товарищем Сталиным», — и иди пойми, кто был в составе ГКО. Выслужиться хотел товарищ Вознесенский. Кузнецов, будучи секретарем ЦК, курировал Министерство внутренних дел, Министерство госбезопасности, Верховный суд, Прокуратуру СССР. Поэтому когда сегодня говорят об отступлениях от законности и репрессиях, прежде всего это следует относить на счет товарища Кузнецова. И вот Вознесенский и Кузнецов объединились и решили оттеснить старую гвардию — Берию, Маленкова, Молотова — и сами встать у власти. Но они были неопытны в политических интригах и закулисной борьбе, допустили множество ошибок, и их вскоре раскусили. Было принято решение изгнать заговорщиков из Политбюро и дать им работу подальше от Москвы, но они отказались. Мало того, стали писать письма на имя Сталина, где говорилось, что их облыжно обвинили, и просили вернуть им их большие хорошие должности. За несколько месяцев они до того надоели Маленкову, Берии и Молотову, что те решили возбудить дело, используя тот факт, что у Вознесенского в Госплане пропали очень важные документы, составлявшие государственную тайну. Вознесенского, Кузнецова и еще несколько человек арестовали.

Эта история известна как «ленинградское дело», хо-

тя «ленинградским» оно было только потому, что два главных фигуранта — выходцы из Ленинграда. Но Косыгин тоже был ленинградцем, однако к нему претензий не имелось. Дальнейшее, по сути, превратилось в чиновничью склоку.

Между тем узкий круг государственных руководителей продолжал борьбу за власть, и выяснилось, что наиболее сильными оказались два человека: Маленков и Берия. Первый — как человек, который фактически руководил партией, второй — как руководитель атомного проекта, а не как министр внутренних дел. Более того, он отвечал за разработку еще одного важного направления — ракетостроения. Атомными делами Берия был загружен сверх головы, ни до арестов, ни до девочек у него не доходили руки. Скажу, забегая вперед, что с девочками был связан начальник его охраны Саркисов. Сохранилась записка Власика, адресованная Берии: мол, Саркисов слишком донжуанит. Когда Берию арестовали, грехи начальника его охраны повесили на него. На XIX съезде в октябре 1952 г. отчетный доклад читал Маленков, а, как известно, кто делал отчетный доклад, тот и во главе. Любопытный факт: доклад Маленкова, речи Берия, Ворошилова и других выступавших были изданы Политиздатом на следующий день в виде маленьких брошюр, а пятиминутная речь Сталина — только через две недели. В апреле 1951 г. на XIII томе прекратили издавать собрание сочинений Сталина. Осенью 1951 г. проект изменили: вместо статуи установили шпиль. Политиздат подготовил к изданию двухтомник переписки Сталина с Черчиллем и Рузвельтом в годы войны, но по неизвестной причине эта книга не была издана. Имя Сталина стали вымывать, но на первых страницах газет публиковались письма к товарищу Сталину, рапорты

товарищу Сталину. Создавалась видимость того, что Сталин все еще стоит во главе государства.

После XIX съезда состоялся Пленум. Сегодня мы знаем о том, что было на этом Пленуме, только из воспоминаний Константина Симонова, написанных почти три десятилетия спустя. Я многократно обращался в архивы, просил дать стенограмму октябрьского Пленума 1952 г., и мне с улыбкой отвечали: а ее не существует, не велась стенограмма. Логично предположить, что если профессиональным историкам не дают стенограмму Пленума, а вместо нее подсовывают воспоминания Симонова, неизвестно на чем основанные, значит, от нас скрывают истину. Я не верю, что там выступал Сталин, он был не в том состоянии. Не мог он произнести на Пленуме длинную речь, громить Молотова, Микояна, обвинять их в чем-то. На Пленуме вместо Политбюро избрали Президиум ЦК, и тот принял решение: утвердить товарища Берию исполняющим обязанности Председателя Совета Министров СССР. Второе: утвердить товарища Маленкова исполняющим обязанности Первого секретаря Коммунистической партии Советского Союза. Ясно, что если Сталин и был на Пленуме, то в качестве почетного гостя. Решался вопрос о власти, и предпочтение было отдано Берии. Ведь со времен Ленина главным в партии считался не ее глава, а Председатель Правительства.

Борьба за власть продолжалась между ноябрем 1952 г. и июнем 1953 г. Благодаря не очень, скажем так, честным действиям Маленкова и Берии им удалось подняться наверх. Сначала убрали Абакумова, потом Власика, затем арестовали Поскребышева, и Сталин остался один на один с реальной властью. К тому времени он фактически отошел от дел: будучи уже тяжелобольным человеком, он последние два года жил на ближней даче, делал вино из винограда, который ему

присылали из Грузии, и угощал гостей. Поэтому вздорны попытки приписать ему «дело врачей» и дело Еврейского антифашистского комитета. Сталин уже ни во что не влезал, не до этого ему было. Но у нас только для того, чтобы превратить Сталина в жупел, игнорируют тот факт, что его еще при жизни отрешили от власти — есть Постановление Политбюро о его отрешении. В истории болезни Сталина зафиксировано, в каком состоянии он был в 1951, 1952 и в 1953 гг. Достаточно привести выдержки оттуда — и станет ясно, что не было необходимости убивать человека, который умирает. Это все делают только для того, чтобы сохранять представление о всемогуществе Сталина и свалить на него ответственность за все ошибки.

— Кому это сейчас нужно?

— Мне кажется, это нужно тем, кого Джилас назвал «новым классом» — бюрократии. Кто боится персональной ответственности? Бюрократ. Он скрывается за законы, за бумажки, за начальство и никогда не признает своих ошибок. На Западе, если что-то произошло, министр тут же подает в отставку. У нас не происходит ничего подобного. Арестовали одного министра — Адамова, в Америке ему грозил бы пожизненный срок. Сегодня он получил условный и гуляет на свободе — думаю, отделается и от условного срока. Почему? Потому что, если посадить его, надо сажать и других.

— А почему Берия проиграл Маленкову?

— Дело в том, что он вместе с Хрущевым попытался расширить самостоятельность союзных республик. С помощью аппарата Хрущева он начал готовить постановление об усилении роли Латвии, Литвы, Эстонии, Украины. О чем шла речь? Никаких русских у

власти, в партии и правительстве, в Верховном Совете должны быть только представители местной национальности. Берия и Хрущев, как бывшие секретари союзных республик, представляли интересы национальных элит, которых не устраивала конкуренция со стороны более квалифицированных и лучше подготовленных русских. Многие руководители на местах плохо знали русский язык, а ведь компартии обязаны были регулярно посылать отчеты в Москву на русском языке. Некоторые республики были просто не готовы к самостоятельности. А тут еще Маленков в открытую пошел против партии, то бишь против Хрущева.

В мае 1953 г., как председатель Совета Министров, он подписал постановление, по которому у партийных работников высокого ранга отбирались все привилегии: машина, дача, кремлевская поликлиника и кремлевский паек, а главное — конверт, в котором каждый месяц человеку выдавали два-три, а то и десять окладов. С этой суммы не платились ни партийные взносы, ни налоги. Одновременно всем советским руководителям повысили зарплату. Недовольные засыпали ЦК письмами: кто-то просил вернуть кремлевскую вертушку, кто-то — лечсанупр. Хрущев из денег партии незаконно выплатил им то, что они недополучили за четыре месяца, и в сентябре 1953 г. Пленум единогласно избрал его Первым секретарем. Создание в марте 1953 г. коллективного руководства означало, что больше не будет ни Генерального, ни Первого секретаря, а есть просто секретари партии. Избрание Хрущева Первым секретарем без каких-либо обоснований было прямым нарушением решений мартовского Пленума. В декабре 1953 г., понимая, что государственная власть сильнее партийной, Хрущев стал заместителем Председателя Совета Министров СССР — председателем бюро по сельскому хозяйству Совмина СССР. Он не

только получил возможность проводить свои аграрные реформы, но и должен был, казалось бы, отвечать за них. Однако, когда в 1954 г. Хрущев провалил в сельском хозяйстве все, что только возможно, ответственным за его ошибки сделали Маленкова, которого сняли с должности Председателя Совета Министров СССР. Как Маленков устранил своего конкурента Берию, так теперь Хрущев устранил самого Маленкова, получив чуть ли не единоличную власть.

— А как удалось устранить Берию?

— Очень просто. В воспоминаниях Конрада Аденауэра говорится, что в мае 1953 г. правительствам СССР, США и Великобритании удалось достичь консенсуса по вопросу об объединении Германии. Это не понравилось Аденауэру, и он, как сам признается в воспоминаниях, чтобы предотвратить соглашение великих держав по Германии, с помощью своих агентов спровоцировал выступления рабочих в ГДР — в Берлине и еще нескольких городах. Берлинские события приняли такой оборот, что туда пришлось послать Берию для ликвидации мятежа. Он находился там, по разным подсчетам, от трех до четырех с половиной дней. За это время Маленков объяснил членам Президиума ЦК и Совета Министров, какая страшная участь им уготована, если они не уберут Берию. На следующий день после возвращения в Москву Берия приехал на заседание Совета Министров, и оказалось, что это совместное заседание с Президиумом ЦК. Обсуждались разные вопросы, и, в частности, вопрос о снятии его с поста министра внутренних дел. Заседание было очень долгим и, судя по всему, бурным, продолжалось почти 12 часов. После того как проголосовали, Берию арестовали и увезли, только и всего. Он даже толком не понял, что произошла. Наличие заговора подтверждается и тем, что при-

мерно в пять часов вечера того же дня в Москву вошли танки то ли Кантемировской, то ли Таманской дивизии. Шли они по Можайскому шоссе, затем вышли на Смоленскую площадь, завернули налево по Садовому кольцу, с тем чтобы с разных сторон выйти в центр. Кто им отдал приказ, точно установить невозможно, государственная тайна. Почему? А потому что и сегодня кто-нибудь может заинтересоваться тем, как ввести танки в Москву, где ключевые точки — те самые банк, почта и телеграф, условно говоря.

— Приказ, вероятно, отдал министр обороны?

— Тут можно додумывать и прикидывать, но точно сказать, кто отдал этот приказ, невозможно. Допускаю, что Берию отправили в Берлин и одновременно отдали приказ о вводе войск. Но одно могу сказать: никакой стрельбы, штурма его особняка на углу Садового и улицы Качалова не было, сам бегал, смотрел — тишина и покой. Видимо, слухи пошли после того, как арестовали охрану Берии, которая располагалась там же по переулку, в одноэтажном доме.

— То есть он недооценил угрозу со стороны своих партнеров?

— Да, но в нашей истории такое уже случалось.

— Троцкий ведь тоже уехал, когда хоронили Ленина.

— Но Троцкий уехал по собственной воле, а Берию услали. После его ареста Хрущев от своего имени направил в Тбилиси бумагу, в которой требовал немедленно арестовать всех без исключения родственников Берии. Это человек 20 или 25, в том числе его дядя, глухонемой от рождения, какая-то родная или двоюродная бабушка 90 лет. Гадкая бумага. Как после такой грязи можно сказать доброе слово о Хрущеве?

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ТРОЦКИЙ МОГ БЫ СКАЗАТЬ: «И МНЕ ОТМЩЕНЬЕ АЗ ВОЗДАМ»

Поразительны шараханья нашего ТВ в оценке деятельности русских революционеров. Сталин предстает на экране то кровавым тираном, параноидально жестоким, патологическим убийцей (фильмы Сванидзе, Млечина и др.), то непогрешимым мудрым дедушкой (сериалы «Сталин. Live», «Тухачевский. Заговор маршала»...). Что-то похожее происходит и с Троцким. В документальном фильме Елены Чавчавадзе и Галины Огурной «Лев Троцкий. Тайна мировой революции», не раз показанном на телеканале «Россия», подробно, с привлечением множества документов и свидетельств западных историков, исследуется экономическая и отчасти конспирологическая подоплека судьбы «демона революции», разрушителя России «Иудушки Троцкого». Не прошло и трех лет, как на том же канале демонстрируется фильм Ирины Черновой и Максима Файтельберга «Ледоруб для Троцкого. Хроника одной мести», в котором Лев Давидович предстает «романтиком революции», блестящим оратором, выдающимся организатором Красной Армии, а потом несчастным изгнанником, безобидным, мудрым стариком, который на склоне лет разводил кроликов. В анонсе фильма на телеканале «Россия» сказано: «Авторы пытаются разобраться, чем же была вызвана столь лютая ненависть Сталина к Троцкому и почему диктатор СССР так боялся одного из вождей революции в России». А были ли зависть, ненависть и месть? В этом разбирается известный историк Юрий Жуков.

На Руси любят несчастных. Особенно обиженных властью. Мол, они пострадали «за общество», то есть «за всех». А потому наделяют их всеми мыслимыми и

немыслимыми положительными чертами. Чуть ли не нимбом и крылышками.

Именно таким «несчастным», «невинно пострадавшим» предстал перед нами Л.Д. Троцкий в якобы документальном телефильме «Ледоруб для Троцкого. История одной мести». Спору нет, точку в конце жизни революционера-интернационалиста (по современной терминологии — международного террориста) действительно поставил ледоруб. Но вот месть... для нее ведь нужен повод, и основательный. Попытаемся же разобраться: а был ли он?

Впервые сформированное в марте 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) состояло из пяти человек. Л.Б. Каменева — председателя Моссовета и члена президиума ВЦИК, Н.Н. Крестинского — наркома финансов, В.И. Ленина — председателя Совнаркома, И.В. Сталина — наркома по делам национальностей и наркома госконтроля, Л.Д. Троцкого — председателя Реввоенсовета республики и наркома по военным и морским делам. Но только трое из них — Ленин, Каменев и Крестинский — регулярно, примерно два раза в неделю, собирались на заседания и принимали решения от имени и Политбюро, и ЦК.

Обычно отсутствовали двое. Троцкий по долгу службы на персональном бронепоезде колесил по фронтам. Выступал с пламенными речами перед красноармейцами, идущими в бой, или проводил децимации (расстрел каждого десятого) после позорного отступления, бегства с поля брани. И все же Лев Давидович, постоянно наезжая в Москву, время от времени участвовал в обсуждении и принятии важнейших решений.

Практически не бывал на заседаниях Политбюро только Сталин — его без видимых причин отлучили и от партийной работы, и от руководства двумя нарко-

матами. Почему-то 15 мая отправили на фронт. Поначалу в Петроград, руководить обороной города от 1-й эстонской дивизии, в состав которой входил помимо добровольцев из Финляндии еще и белогвардейский Северо-Западный корпус. (Помните пьесу Вс. Вишневского «Незабываемый 1919-й» и поставленный по ней фильм? Все рассказанное в них — истинная правда!) Затем перебросили на Западный фронт, а несколько позже — на Южный. Всякий раз членом Реввоенсовета. А в следующем, 1920-м, во время польской кампании, Сталин — член Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Он неоднократно обращался к Ленину с просьбой освободить его от «военной работы», но всякий раз ему отказывали. Некий перерыв он получил только весной 1920 г., для участия в IX съезде партии.

Итак, за что тогда, в годы Гражданской войны, Сталин должен был возненавидеть Троцкого, за что впоследствии мстить? За роль победителя? Но таким Троцкого считали лишь его самые верные сподвижники — Н.Н. Крестинский, А.А. Иоффе, Э.М. Склянский, Е.А. Преображенский... Все остальные твердо знали иное. Победили — крестьяне-красноармейцы, не пожелавшие возвращать землю помещикам, шедшим вослед Колчаку и Деникину. Победили — командармы. Победил — Штаб РККА (он же — Полевой, с 1935-го — Генеральный), возглавлявшийся бывшими генерал-майором Ф.В. Костяевым, генерал-лейтенантом М.Д. Бонч-Бруевичем, генерал-майором П.П. Лебедевым. А еще победил верховный главнокомандующий, бывший полковник царской службы С.С. Каменев. Кстати, никто из четверых военачальников не был репрессирован.

Вот и получается: если у Сталина в годы Гражданской войны и появился повод для мести, то скорее —

Ленину, но только не Троцкому. Их политические дорожки тогда еще не пересеклись.

Ничего не изменилось и позже, когда Зиновьев и Троцкий схлестнулись в соперничестве за лавры вождя победоносной мировой революции. Зиновьев, вошедший в состав Политбюро в 1921 г. и глава Коминтерна с момента его создания, был уверен: победы добьются подконтрольные ему европейские компартии. Троцкий же рассчитывал на подчиненную ему Красную Армию. Ведь ей необходимо было срочно реабилитировать себя за поражение под Варшавой, за провал всей кампании по вине «выдающихся» полководцев — Тухачевского, Путны, Корка.

Только потому Лев Давидович, не желая терять абсолютный контроль за вооруженными силами, осенью 1923 г. гордо отклонил настойчивое предложение Политбюро занять должность заместителя председателя Совнаркома СССР. Не пожелал стать заместителем всего на несколько месяцев — состояние здоровья Ленина не оставляло в том сомнения, — чтобы встать во главе и правительства, и партии.

Тогда Троцкий изрядно просчитался. Но стало ли то основанием для злобы у Сталина? О том и помыслить невозможно.

Настоящий конфликт между Троцким и Сталиным возник только три года спустя. 12 августа 1926 г., на заседании Политбюро, Лев Давидович вдруг заявил: «Товарищ Сталин выставил свою кандидатуру на роль могильщика партии и революции». Повод для столь страшного обвинения был более чем незначительный: предложение направить Каменева — уже только кандидата в члены Политбюро и наркома внешней и внутренней торговли — полпредом в Токио. Разумеется, за злобной репликой Троцкого таилось иное, более значительное.

Все присутствовавшие на том заседании отлично понимали: Троцкий взъярился на Сталина из-за того, что тот не пожелал поддержать предложение своего сподвижника Преображенского круто изменить курс партии, курс страны.

Преображенский играл тогда весьма значительную роль. С 1921 г. являлся председателем финансового комитета ЦК и СНК. Затем стал заместителем председателя Главконцесскома, т.е. Троцкого, в январе 1925 г. переведенного именно на эту хозяйственную должность. Еще в 1919 г. Преображенский вместе с Бухариным написал знаменитую «Азбуку коммунизма», а в 1925-м уже один — книгу «Новая экономика». В ней и выдвинул идею нового курса — требование ускоренной индустриализации, источником финансирования которой должно было стать ограбление крестьянства и свертывание НЭПа. Строить же фабрики, заводы, электростанции Преображенский предлагал исключительно в Закавказье и Средней Азии. Только для того, чтобы создать там национальный пролетариат, а с его помощью двинуть мировую революцию на Восток.

Вот эту-то идею Сталин и не поддержал, вызвав острую реакцию Троцкого.

Левацкое предложение Преображенского, за которым стоял Троцкий, нашло оппонентов в рядах тех, кто и стал «правым» — Рыкова, Бухарина, их сторонников. Нет, они не были противниками мировой революции, даже на Востоке. Не возражали они и против индустриализации. Только считали, что проводить ее следует по мере накопления доходов от внешней торговли, а крестьян не следует трогать.

Эти разногласия и привели к самому серьезному расколу партии на «левых» и «правых». И к тому, что в июле 1926 г. из Политбюро вывели Зиновьева, заодно

сняв его с поста председателя исполкома Коминтерна — за поддержку идеи Преображенского. А в октябре та же участь постигла и самого Троцкого. Попытка двух ранее непримиримых противников объединиться и привлечь на свою сторону большинство партии не увенчалась успехом. Не помогли ни демонстрации «левых», ни малочисленные забастовки на ряде предприятий страны в поддержку Троцкого и Зиновьева, ни распространение в виде листовок далеко не полного текста «Завещания Ленина» (за последнее пострадал недоучившийся юрист, будущий писатель Варлам Шаламов). Обоих вчерашних вождей в довершение всего исключили из партии и отправили в ссылку: Зиновьева — в Казань, Троцкого — в Алма-Ату.

В Алма-Ате Троцкий мог предаваться любимому виду отдыха: охоте да писать мемуары. Благо он увез из Москвы весь свой архив, включавший массу документов Политбюро и ЦК. Но нет, он уже не мог без борьбы, без противника, в которого и следовало метать молнии. И таким противником, призванным ответить за все неудачи, за крах его политической карьеры, Троцкий сделал Сталина.

Отказавшегося от политической деятельности Зиновьева вернули в Москву, а продолжавшего оппозиционные интриги Троцкого выслали из СССР. Но где бы он ни оказался — в Турции, Франции, Норвегии, Мексике, он продолжал борьбу со Сталиным, ставшую для него навязчивой идеей. Он не только кроликов разводил. Одна за другой появляются его книги, исходящие злобой и ненавистью: «Сталинская школа фальсификации» (1930), «Немецкая революция и сталинская бюрократия» (1932), «Сталинская бюрократия и убийство Кирова» (1934), «Преданная революция» (1936), «Преступления Сталина» (1937), «Сталин» (1940). И это — не считая 87 номеров «Бюллетеня оппозиции»,

не только полных ненависти к Сталину, но и открытых призывов убить его.

Вот теперь зададимся вопросом: если Сталин действительно хотел мстить Троцкому, то почему не разделался с ним еще в Москве или Алма-Ате? Почему позволил уехать с огромным архивом и одиннадцать лет обливать себя грязью? Почему не приказал устранить Троцкого в Турции, Франции, Норвегии?

Нет, Сталин не был графом Монте-Кристо. Не мстил Троцкому по личным мотивам. Убийство Льва Давидовича далеко не случайно произошло в 1940 г. Тогда, когда уже шла Вторая мировая война. Когда и злобная антиэсэсэровская пропаганда Троцкого, и деятельность созданного им ультралевого IV Интернационала стали угрожать политике Советского Союза, несли раскол рабочего движения, в новых условиях должного сделать все для борьбы с нацистской Германией.

Вот об этом и следовало рассказать создателям телефильма. Но они предпочли создать собственное «прошлое». То, которого никогда не было.

Красно-белый иллюзион

— Юрий Николаевич, можно ли сказать, что сегодня мы способны более объективно судить о Гражданской войне, чем это было еще два с небольшим десятилетия назад? Ведь тогда такие темы, как, например, красный террор, замалчивались, а многие важные документы оставались недоступными для историков?

— Ни в коем случае. Хочу заметить, что с 1954 г. практически со всех документов тех лет был снят гриф секретности. Любой желающий мог прийти, ознакомиться, сделать выводы. Гражданская война — едва ли не единственный период в отечественной истории, в котором не осталось даже крохотного белого пятнышка. Все давным-давно изучено и описано.

Однако, как это ни парадоксально, россияне знают о войне между белыми и красными меньше, чем даже о гражданской войне в США. Любой человек, который только посмотрел фильм «Унесенные ветром», получает представление о том, почему южные штаты воевали с северными. У нас же на смену официальным советским идеологам пришли полуграмотные кинорежиссеры, политики и журналисты, готовые из-за сиюминутных конъюнктурных соображений искажать историю. Достаточно вспомнить недавний телесериал об адмирале Колчаке, делающий чуть ли не национального ге-

роя из бездарного ставленника английских и японских интервентов. Неудивительно, что подавляющее большинство наших сограждан имеют совершенно искаженные представления о Гражданской войне в России, в первую очередь о ее причинах.

— Многие еще помнят усвоенные со школьной парты догматы о классовой борьбе, о том, что «низы» захотели из «ничем» стать «всем»...

— Классовая борьба существует во всех странах и во все времена. Но при этом далеко не всегда принимает вооруженные формы.

Большевики, пообещав крестьянам, составлявшим тогда чуть ли не 95% населения страны, землю, лишили своих противников малейшего шанса на победу. Белое движение, по сути, оказалось поверхностным. Состояло оно в основном из недоучившихся гимназистов и тех офицеров, которые «постреляли» в Первую мировую войну и не могли остановиться. Это явление того же порядка, как афганский, а теперь уже и чеченский синдром, — далеко не каждый человек, понюхавший крови и пороха, может найти себя в мирной жизни.

Стоит непредвзято посмотреть на историю Гражданской войны, и мы увидим: белые побеждали, пока их поддерживали интервенты. Классический пример — боевые действия на севере России. В начале 1918-го англичане высаживают десанты в Мурманске и Архангельске для охраны от немцев огромных складов с оружием, поставленным ими в Россию во время Первой мировой войны. Был период, когда интервенты, в услужении которых было немного белогвардейцев, всерьез рассчитывали, что, наступая со стороны Карелии, возьмут Петроград, а затем и Москву. Однако, получив несколько чувствительных ударов от

Красной Армии, они думали только о том, чтобы дождаться окончания войны с Германией. Сразу после подписания Версальского мира англичане ушли из Мурманска и Архангельска. И уже через несколько месяцев белый фронт рухнул.

— Ну а как же успех армии Деникина? Широко распространено мнение, что, если бы не удар армии Махно в ее тыл, белые в 1919-м взяли бы Москву...

— Вздор. Деникин отступил от Москвы совсем не потому, что ему помешал Махно. Главная причина была в том, что с фронта ушли казачьи части Мамонтова и Шкуро. А ушли они потому, что обозы с награбленным у них растянулись на несколько километров, и казаки решили, что пора возвращаться в станицы. Или вот еще пример. Сам Деникин в своих воспоминаниях признавался, что с удивлением узнал о шести (!) контрразведках, практически бесконтрольно действующих в его армии. В одной из них, кстати, пытали и расстреляли красноармейца Алексея Брусилова, сына знаменитого генерала Брусилова. Не могла такая армия победить.

— Известны многочисленные факты террора против офицеров, которые, по вашему выражению, не «настрелялись». Только в Крыму были уничтожены тысячи (по утверждению писателя Святослава Рыбаса, 20 тысяч) тех, кто имел малейшее отношение к Белому движению. Получается, что большевистская власть ставила «несогласных» перед выбором: или сопротивляться, или быть уничтоженными...

— Никаких массовых репрессий в отношении офицеров царской армии большевики не проводили. В Крыму же произошло следующее. Красная Армия, желая сократить свои потери, первыми на штурм Перекопа

бросила махновцев. Прорвав белые укрепления, те рассеялись по Крыму и занялись тем, чем и положено заниматься бандитам, — грабежом, насилием, убийствами. После победы над Врангелем красные перекрыли выход с полуострова, переловили махновцев и большую часть расстреляли. Почему-то все решили, что тогда расстреливали не бандитов, а белых офицеров.

— Почему же, если большевики были столь последовательны и даже гуманны, Гражданская война охватила практически всю территорию бывшей Российской империи и шла со столь редким ожесточением больше двух лет?

— Принято считать, что Гражданская война закончилась с уходом войск Врангеля из Крыма. Однако, на мой взгляд, продолжалась она до 1926 г., когда в Средней Азии было окончательно подавлено движение, обычно называемое басмачеством, по сути, являвшееся сепаратистским. И вот тут мы подходим к сути того, что называют Гражданской войной.

Весной 1917 г., вскоре после Февральской революции, в России начался парад суверенитетов. Первыми проявили себя украинские националисты — никем не избранная Центральная рада. Возглавлял ее историк Грушевский, долгое время преподававший в австро-венгерском городе Лемберге (ныне Львов). Это та самая рада, которая помимо 12 губерний «исконной» Малороссии требовала от Временного правительства признать украинскими все территории, где жили выходцы с Украины, — и юг Белоруссии, и Кубань, и Северный Кавказ вплоть до Каспийского моря, и даже земли на реке Амур.

Именно украинские националисты, а вовсе не большевики положили начало развалу армии. Летом

1917-го Грушевский обратился к Керенскому с предложением о создании украинских воинских частей. Тот, понимая опасность такого шага для целостности страны, переложил ответственность на главнокомандующего русской армией Корнилова, который дал «добро». С фронта начали снимать боевые части и отправлять на переформировку в тыл. Напомню, наша армия в этот период находилась в весьма сложном положении. Солдаты, которым обрыдла война, не стали дожидаться, пока их распределят по национальному признаку, и, прихватив оружие, разбежались по своим селам и деревням. С этого момента начинается массовое дезертирство в русской армии. А Центральная рада, толком не сумевшая сформировать свои воинские части, продолжала делать все для развала фронта. Ни о каком украинском народе они, конечно, не думали. Им нужна была власть любой ценой. Потому-то они и ходили на задних лапках перед немцами, надеясь, что те признают легитимность их правительства.

Подобные процессы происходили и в Закавказье. Причем сепаратизм всегда находил защитников и покровителей в лице интервентов — англичан, турок, поляков, французов. Они нуждались в марионеточных правительствах, на которые могли бы опереться. И в этом смысле националисты подходили им как нельзя лучше.

В декабре 1917 г. начинается Гражданская война. И неслучайно первый ее фронт — украинский. Большевистские отряды идут на Киев, чтобы установить там советскую власть. В начале февраля 1918-го Центральная рада подписала Брестский мир...

— Я не ослышался?

— Нет, вы не ослышались. Именно Центральная рада на месяц раньше большевиков подписала мир,

по которому Германия оккупировала территорию юга Белоруссии и почти всю Украину. И не будет преувеличением сказать, что именно из-за украинских сепаратистов Первая мировая война протянулась еще полгода. Ведь в начале 1918 г. в Германии сложилось крайне тяжелое положение с продовольствием. Австро-Венгрию сотрясали голодные бунты. И лишь с помощью «незалежного» сала и хлеба, которые по условиям Брестского мира рекой потекли из Украины в эти страны, их правительствам удалось отсрочить капитуляцию.

— Ну а что же большевики — совсем не были причастны к позорному миру с Германией?

— По тому соглашению, которое большевики подписали в Бресте, немцам отходило полторы губернии на территории нынешней Прибалтики — Эстония и северная часть Латвии. Кроме этого, войска кайзера в нарушение договора «прихватили» Псков и еще несколько городов вдоль линии фронта. Кстати, Брестский мир предусматривал, что по окончании войны немцы должны вывести свои войска из Прибалтики, жители которой путем референдума, или, как тогда говорили, плебисцита, решили бы, как им жить: самостоятельно, в составе Германии или России.

Выступая на III съезде Советов в январе 1918 г., Сталин употребил выражение «так называемая гражданская война». И тут же пояснил, почему считает ее «так называемой». По его мнению, речь шла о нежелании национальных окраин подчиняться центру. Вся история Гражданской войны, от боевых действий на Украине до подавления басмачества, подтвердила эту точку зрения.

Большевики понимали губительность сепаратизма, разрывавшего страну на части. Где у нас находились

главные на тот момент месторождения угля и железной руды? На Украине. А где машиностроительные заводы? В Москве, Петрограде, Брянске. В послереволюционной России происходило примерно то же, чего мы вдоволь хлебнули в последние два десятилетия. Нарушались веками складывавшиеся экономические связи. Однако, в отличие от беловежских подписантов, большевики поставили себе задачей сохранить страну. И сделали все возможное для этого.

Вскоре после того, как Германия проиграла войну, представители наркомата по делам национальностей отправляются в Белоруссию, Украину, Прибалтику и делают все, чтобы там возникли Эстляндская трудовая коммуна, Латвийская, Белорусская, Украинская советские республики. А менее чем через полгода, 1 июня 1919 г., все эти образования уже подписывают договор о военно-политическом сотрудничестве. Страна практически воссоздана. Дело тогда не дошло только до Закавказья, которое вернулось в лоно российской государственности после разгрома белогвардейцев на Северном Кавказе.

— Вы пытаетесь представить большевиков радетелями за целостность России... Но ведь общеизвестно, что именно они выдвинули тезис о самоопределении наций, которым немедленно воспользовались Польша и Финляндия?

— Тезис о праве наций на самоопределение возник в «лоскутной монархии», как называли Австро-Венгрию. Кстати, он стал одним из 14 пунктов, на основании которых США вступили в Первую мировую войну. Большевики же довольно быстро от него отказались как от декларативного.

Финляндия никогда не была в полном смысле слова российской территорией. Она имела свою Консти-

туцию аж с 1772 г., свой парламент (сейм), правительство, деньги. Характерный факт: в Первой мировой войне финны не участвовали. Поэтому предоставление независимости этой обособленной территории было вполне закономерным. Ну а вся история отношений с разделенной Польшей в составе царской России показала, что поляки никогда не смирятся с потерей независимости.

— Известно, что Россия интересовала большевиков лишь как «горючий» материал для разжигания «мирового пожара». Цена, которую при этом заплатили бы русские люди, их не волновала. Достаточно вспомнить высказывание Ленина на эту тему...

— У нас любят выдергивать цитаты из работ Ленина самых разных периодов, не думая о том, что его взгляды, как и взгляды других революционных деятелей, изменялись со временем. Ленин много говорил ошибочного. Однако судить надо не по словам, а по делам. Что мне от того, что Ельцин в начале 90-х гг. уверял, что стоит потерпеть два года, а потом наступит изобилие? Скоро 20 лет пройдет, а дела в нашей экономике все хуже и хуже.

Вы не задумывались, почему большинство офицеров царской армии перешло на сторону Красной Армии? Потому что они были подлинными патриотами, читали газеты самых разных партий и понимали, что только большевики в условиях всеобщей анархии могут противостоять немцам.

По условиям Брестского мира большевики не могли вести боевые действия против войск кайзера. Однако делали это как бы чужими руками. Посмотрите: Донецко-Криворожская, Одесская, Таврическая советские республики в 1918 г. своими слабыми силами борются с немцами, а, к примеру, генерал Каледин

пальцем не пошевелил, когда оккупанты вопреки всем договоренностям заняли западные районы Донской области.

Идеолог Белого движения Милюков, выдвинувший знаменитый лозунг «За единую и неделимую Россию», 23 июня 1941 г. в эмигрантской газете писал: «Вся белая эмиграция должна встать на защиту Советского Союза. И если мы этого не сделаем, мы предадим идеалы, за которые боролись в Гражданскую войну».

— Следует ли из нашего разговора, что Советский Союз накануне краха в 1991 г. оказался в ситуации, схожей с той, что сложилась в России после Февральской революции 1917 г.?

— Внешне эти ситуации были похожими, по сути — разными. Вспышка национализма в России начала XX века была вызвана в первую очередь непоследовательными действиями царского правительства. Сначала оно подавляло малейшие проявления национального самосознания на той же Украине. В частности, были запрещены партии, возникшие в 1905 г. и требовавшие всего лишь культурной автономии для малороссов. А затем в декабре 1916 г. вдруг начинается «передел» Прибалтики, в результате чего возникают Эстония и Латвия. Последней при этом разрешается иметь свои воинские формирования, известные в нашей истории под именем латышских стрелков. Вот вам и первый шаг к развалу страны. А вообще говоря, если бы не было крепостного права, закреплявшего крестьян на землях помещиков, ассимиляция очень быстро решила бы национальный вопрос в Российской империи.

В Советском Союзе к середине 80-х гг. были созданы все предпосылки для отмены республик и образования

унитарного государства. Вопрос об этом решался еще в 1944 г. Однако был отложен из-за образования ООН — СССР нужно было как можно больше «своих» голосов в этой организации. Однако после долгой торговли с американцами полноправными участниками ООН помимо СССР в целом были признаны только Белорусская и Украинская социалистические республики.

Сильные националистические настроения к началу перестройки сохранились лишь в Прибалтике. Развал СССР — результат предательства национальных интересов известными всем личностями.

— Можем ли мы извлечь уроки из опыта Гражданской войны, чтобы избежать участи Российской империи и Советского Союза? И есть ли, на ваш взгляд, предпосылки для новой гражданской войны в нашем обществе?

— Нас все настойчивее пытаются разделить по национальным и конфессиональным признакам. Несколько лет назад я проезжал по Псковской области. Деревни стоят полупустые, на каждом втором доме — объявление о продаже. Однако на станциях множество семей — выходцев с Северного Кавказа. Это значит, что завтра в наших исконных русских областях вместо церквей появятся мечети. Да и уже появляются. Какими будут последствия?

Мы уже потеряли большую Россию, а теперь продолжаем терять маленькую. Чтобы этот процесс не стал необратимым, мы в первую очередь должны позаботиться о том, чтобы возродить свою деревню. А это невозможно сделать без национализации промышленности и воссоединения с отторгнутыми частями нашей страны — сначала с Белоруссией и Казахстаном, а потом уже и с Украиной.

Беседу вел Алексей Полубота

«Не надо фантазировать...»

— Знаковым событием стала недавняя премьера на НТВ. Поделитесь своими впечатлениями о фильме «Брест. Крепостные герои»?

— Диктор НТВ Пивоваров продолжает резвиться на полях сражений Великой Отечественной. Он решил ловко опорочить наших солдат и для этого собрал все, придуманное клеветниками России до него. Разумеется, не обошелся без так называемого парада союзников в Бресте. Каких «союзников»? Никогда нацистская Германия и Советский Союз союзниками не были. После окончания польской кампании части генерала Гудериана вынуждены были оставить Брест. Это было сделано торжественно, с соблюдением армейского ритуала — теперь это выдается за некую «дружбу». Пивоваров говорит, что мы захватили часть Польши. Ему следовало бы знать, что в декабре 1919 г. Верховный совет Антанты установил восточную этнографическую границу Польши, «линию Керзона», куда в сентябре 1939-го и вышла Красная Армия, освободила от польских захватчиков Западную Белоруссию и Западную Украину. Пивоварову достаточно было заглянуть в воспоминания британского премьера Ллойд-Джорджа, где он пишет об империализме Пилсудского, его стремлении захватить чужие территории... Пивоваров часто в своем фильме использовал понятие «западники», которого в Белоруссии в отличие от Украины, никогда не было. Были поляки — жандармы, унтер-офицеры, которые сражались с Красной Армией еще в 1919-м и 1920-м гг. и которых как колонизаторов поселили в западных областях Белоруссии. Именно они стреляли нашим в спину. Именно этих людей, которые в начале 20-х запятнали себя кровью пленных

красноармейцев, которые зверствовали в Береза-Картузском концлагере, где содержались польские коммунисты, отправляли в Сибирь. Еще Пивоваров напомнил выдумку Резуна-Суворова о том, что Сталин якобы готовился напасть на нацистскую Германию. Пивоваров считает этот вопрос открытым. Для кого, для таких же невежд, как он?.. О преднамеренных искажениях Пивоваровым нашего прошлого можно говорить бесконечно. Добавлю только, что человек, который выступает в фильме научным консультантом, к науке истории не имеет никакого отношения.

— Какими, по вашему мнению, должны быть критерии оценки профессионализма эксперта-историка?

— Есть на западном телевидении очень хороший способ характеризовать эксперта. Если человек говорит, предположим, об Эйзенхауэре, будут титры: такой-то, автор монографии об Эйзенхауэре. Кто из наших «телевизионных историков» в состоянии представить изданную научную монографию? А она отличается от публицистики тем, что имеет ссылки на архивы. На архивы, а не на чужие книжки. Сегодня у нас кто угодно выступает в роли эксперта. Яркий пример — некий Дмитрий Фост, который характеризовался как «писатель и историк». В своем фильме, показанном на НТВ, он оскорбил двух героев Отечественной войны: командующего 16-й армией Лукина и командующего 5-й армией Потапова. С помощью «Литературки» потомкам генералов пришлось отстаивать честь своих родственников... Странно, у нас ведь якобы действует Комиссия по противодействию фальсификации истории, почему она не заинтересовалась фильмом Фоста?

— Вас приглашали для работы в этой комиссии?

— Никоим образом, в комиссии только чиновники аппарата правительства и президента, а руководители исторических институтов присутствуют там по должности: если человек увольняется, то автоматически лишается места. Ну и еще один участник — Сванидзе... Кстати, уже после создания комиссии на канале «Культура» показали один из выпусков цикла «Не в силе бог, а в правде», в котором ведущий Феликс Разумовский, которого я знаю как корректного историка (когда он касается XV—XVII веков), договорился до откровенной лжи. Из его рассказа следует: когда к Смоленску подошли немцы, там уже не было ни советских, ни партийных властей — они якобы бежали, а повсюду бродили босые призывники, которые не хотели защищать город, отступали до Москвы и только в октябре решили воевать против фашистов. Почему? Потому что до них дошло обращение патриарха о Священной войне. Но это абсолютный бред, ведь именно там в течение двух месяцев продолжалось знаменитое Смоленское сражение: несколько армий, и прежде всего та самая, 16-я армия Лукина, трижды ложились замертво. Ценой своих жизней они, защищая Родину, сорвали наступление немцев на Москву... Однако Феликс Разумовский заявляет, что у советских воинов не было «высокого сознания солдата как защитника Отечества», что «у Рабоче-крестьянской Красной Армии с этим понятием были большие проблемы». И добавляет: «Как известно, у пролетариев нет Отечества».

— Самым масштабным и самым резонансным телесобытием (если говорить об истории) стала программа «Суд времени».

— Мне кажется странным, что программа проходит в форме суда, удивляет сидящий на троне псевдосудия Сванидзе. Почему? Он самый видный отечественный

историк?.. Как гражданин вместе с абсолютным большинством телезрителей я поддерживаю сторону Кургиняна. Однако, к сожалению, ошибались эксперты обеих команд. Обращу внимание на вопиющие заблуждения. Чуть ли не в каждой передаче вспоминают «доклад Хрущева на XX съезде». Доклад Хрущева состоялся после окончания съезда. А это очень существенное уточнение. Называя выступление Хрущева «докладом на XX съезде», мы превращаем его в официальный документ партии. А это не так. Только на XXII съезде говорили об ошибках Сталина и репрессиях того периода.

Также практически все передачи не обходятся без слов, сказанных мимоходом, о многомиллионных жертвах репрессий. Это считается общим местом для дилетантов и тех, кто сознательно фальсифицирует наше прошлое. Не надо фантазировать — уже неоднократно публиковались документы о числе осужденных за контрреволюционные и другие государственные преступления периода с 1921 по лето 1953 г. Всего было отдано под суд около 4 млн человек (а это не означает, что человека осудили, очень многих оправдывали). Из них приговорено к высшей мере около 800 тыс. Подчеркиваю, 800 тыс. за 33 года. Не миллионы, не десятки миллионов. А 2,5 млн попали в лагеря и тюрьмы. При этом мы не должны забывать, что среди них были коллаборационисты, предатели родины, которых ни в одной стране Европы не прощали. Вспомните и Петена, и Квислинга. Были в числе осужденных и украинцы, латыши, эстонцы — эссэсовцы, которые сжигали наши села, расстреливали мирных граждан, и настоящие шпионы. Если сегодня у нас в демократической свободной стране есть шпионы США, то почему не могло быть тогда — немецких, английских, японских, каких угодно? Есть и еще важный момент

для оценки тех, кто был осужден по 58-й статье. В 40-е гг. по лагерям ездили специальные суды, которые рассматривали случаи нарушения лагерного режима. Сегодня из-за огромного потока фильмов об уголовниках каждый знает о существовании «воров в законе», которым в соответствии с их криминальной этикой работать не положено. Суд расценивал это как саботаж, а саботаж являлся частью 58-й статьи... Кстати, если посчитать, сколько сидит в тюрьмах России сейчас, то окажется весьма любопытная вещь — осужденных больше, чем в том же 37-м году на всем пространстве СССР.

— В 70—80-е гг. о культе личности Сталина была одна строка в учебнике для поступающих в вузы. В годы перестройки это представлялось как замалчивание исторической правды. Сейчас такой подход кажется мудрейшим решением компартии. Потому что вопрос о культе личности превратился в бесконечную свару, он разделяет общество и является прекрасным инструментом для манипуляции.

— Раз уж мы говорим о телевидении, я соглашусь с Кургиняном, который отстаивал на «Суде времени» тезис, что XX съезд — это мина замедленного действия. При этом необходимо помнить: Хрущев был активным борцом с «врагами народа», мало кому уступал в кровожадности. Количество жертв репрессий на Украине, когда он работал там первым секретарем ЦК, огромно, и он несет за это ответственность. Прекрасную иллюстрацию того, что представлял собой Хрущев, можно найти в библиотеке, если взять газету «Правда» за январь 1938 г. Там можно прочитать речь Хрущева на Красной площади в связи с судом над Бухариным и Рыковым. Требования расстрелять убийц,

растерзать негодяев, каких только бранных слов не говорил «символ оттепели».

Необходимо отметить, что реабилитация началась не после доклада Хрущева, а в 1952 г. Пусть небольшая, незначительная. А в 1953-м Маленков решил подготовить пленум, на котором планировал осудить культ личности. Что любопытно: он хотел возложить ответственность на партийный аппарат, а значит, среди прочих и на Хрущева — за то, что они вытворяли в агитации и пропаганде. Именно поэтому Маленкова не поддержали, более того, постановили пленум вообще не проводить. Хотя летом 1953-го в газете «Правда» успели появиться несколько статей по поводу культа личности. Что делает Хрущев, какую занимает позицию? Ну, по-моему, для читателей «ЛГ» лучшего примера не подберешь, чем дело Твардовского, который в 1954-м пишет поэму «Теркин на том свете». Он читает ее двум своим товарищам, а вскоре по доносу секретариат ЦК в лице Хрущева и Суслова «за поношение доброго имени Сталина» смещает Твардовского с поста главного редактора «Нового мира». Почему-то об этом сегодня напрочь забыли. В чем заключалась эта «хрущевская оттепель»? В том, что он в Манеже облаял молодых художников за их картины, а Эрнста Неизвестного — за его скульптуры? Или встречи с интеллигенцией (прекрасно описанные Тендряковым), когда Хрущев обливал грязью поэтов, являются «оттепелью»?

— Неоценим «вклад» Хрущева в борьбу с Русской православной церковью.

— А это вообще никто не вспоминает... Ведь за десять лет его правления количество разрушенных церквей многократно превысило статистику потерь с 1921

по 1953 г. ...Хрущев — искусственно созданная фигура «отца русской демократии».

— Условность, выбранная создателями «Суда времени», действительно неоднозначна и даже где-то комична. Но, с другой стороны, можно понять телевизионщиков, которые хотят сделать передачу динамичной, интересной массовой аудитории. Современное ТВ не может себе позволить монотонный разговор пяти историков за круглым столом — зритель через пять минут начнет клевать носом.

— Пусть будет судебное ток-шоу, пожалуйста, но дайте хотя бы две-три минуты, чтобы эксперт мог спокойно, обстоятельно аргументировать позицию. Иначе упускаются очень важные детали. В связи с «Судом времени» я хотел бы напомнить о некоторых из них.

Когда в передаче говорили о коллективизации, то никто не сказал, что сама идея коллективизации была придумана не Сталиным, а Троцким — его антагонистом, а выражена в книге 1926 г. «Новая экономика» главного троцкиста-экономиста Преображенского. В конце концов, есть приоритет, копирайт, авторское право...

В связи с передачей о 1917 г. отмечу историю о «пломбированном вагоне», в котором немцы якобы привезли в Россию только большевиков. В Ленинской библиотеке можно взять газету «Общее дело», ее издавал публицист Бурцев, человек, который известен своим разоблачением Азефа. Там опубликован список тех, кто приехал в этом «пломбированном вагоне». Помимо большевиков в нем были и меньшевики, и даже эсеры. Второе — это вопрос о немецких деньгах, которые якобы получал Ленин. В той же библиотеке можно посмотреть официальное издание «Вестник Временного правительства». В июне 1917 г. там опублико-

вано опровержение слухов, что Временное правительство создано на немецкие деньги. Министерство иностранных дел подтверждает получение денег от Германии, но уточняет: деньги поступают на содержание интернированных немцев, гражданских лиц, из расчета 24 рубля в месяц на взрослого и 12 рублей на ребенка, общая сумма 2,5 млн руб. Сообщается также, что сначала деньги шли через США, а потом через Швецию. Именно этот факт впоследствии, после «июльских дней», стали преподносить как плату большевикам за развязывание антивоенной кампании.

В этой же передаче, посвященной 1917 г., представили генерала Корнилова «рыцарем без страха и упрека», но не упомянули несколько моментов. Лавр Георгиевич с середины июля по середину августа занимал должность главнокомандующего русской армией. Что он сделал за это время? Подписал приказ о переформировании воинских частей, находившихся на фронте, для создания отдельных украинских корпусов. Идет война, есть фронт, там стреляют, а он говорит: уходите в тыл, мы будем разбираться, кто украинец, а кто русский. Все это делается по просьбе самозваной Центральной рады. Кстати, командиром одного из созданных тогда украинских корпусов стал будущий гетман — генерал Скоропадский. Что делают солдаты, когда их отводят с линии фронта? Они все объявляют себя украинцами, берут с собой винтовки и направляются в родные села, потому что в это время как раз идет передел земли, а наделы выделяют по едокам. Винтовки пригодились скоро, уже летом 1917-го начинает возникать «атаманщина», которая позже оформилась как «махновщина». Еще Корнилов сдает немцам Ригу, и те продвигаются на север. Для чего это нужно было Корнилову? Расскажите, он же патриот у вас... В начале 1918-го Корнилов бежит на Дон, а потом туда же приходят немцы, с

которыми Центральная рада подписала мирный договор (на месяц раньше, чем большевики). Именно по этому договору Украина и Южная Белоруссия были оккупированы. Приходят оккупанты, враги, с которыми он вчера сражался... С кем воюет Корнилов, с немцами? Он воюет с командующим армией Северо-Кавказской советской республики Сорокиным, тем самым, который описан Алексеем Толстым в «Хождении по мукам». Так что — Корнилов патриот?..

— Какие исторические темы кажутся вам сегодня наиболее актуальными, требующими освещения и анализа на телевидении?

— Если о Катыни говорили премьер, Президент страны, руководители Польши, — наверное, сегодня это самое главное событие. Однако исторические оценки, данные в этой связи, кажутся мне неверными. Говорить о виновности возможно только на основании решения суда. Те, кто обвиняет советскую власть в расстреле польских военнопленных, должны представить не копии, а оригиналы документов, которые мог бы принять суд — наш или любой другой страны.

— Чего больше в этой теме — политической целесообразности или желания найти историческую правду?

— Именно для поиска исторической правды телевидение должно посвящать Катыни серьезные обстоятельные передачи. Но не привлекать ангажированных властью любителей и дилетантов, таких как Млечин и Сванидзе. А пригласить профессионалов — отечественных и польских историков, которые занимаются в настоящее время этим вопросом.

— По тому, какие исторические сюжеты предлагает зрителю ТВ, можно, наверное, судить о сверхзадаче. Есть, конечно, промежуточные цели: сделать програм-

му, заработать денег. Как вы думаете, какова все-таки сверхзадача?

— Действительно, может показаться странным, что в условиях экономического кризиса, обострения социальных конфликтов телевидение настойчиво обращается к советскому прошлому. Однако нам не рассказывают, как строили Магнитку, Ростсельмаш, Сталинградский и Харьковский тракторные, как водружали над Рейхстагом алое Знамя Победы. Алое, а не трехцветное, как это устроили 9 Мая на Красной площади. Нам посылают сигнал: как бы вам худо ни было, радуйтесь, что не живете в «страшные советские годы». В этом, собственно, и состоит сверхзадача.

Беседовал Олег Пухнавцев

КАТЫНЬ: НЕПОНЯТНО, ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ БРАТЬ ВИНУ НЕМЦЕВ НА СЕБЯ!

«Сенсации», о которой накануне объявил Росархив, выложив документы о «катынском деле» в Интернет, не получилось. У многих историков эта новость, которую поспешили тут же выдать журналисты, снабдив заезженными шаблонами «маховик репрессий», «машина НКВД» и т.д., вызвала лишь одну реакцию: «Этот документ уже 20 лет используется польской стороной». О том, зачем немцы устроили провокацию с Катынью, откуда в деле взялись немецкие «вальтеры», как число расстрелянных поляков увеличилось в пять раз и сколько красноармейцев погибло в польском плену, — в интервью **Накануне.RU** рассказал **доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Юрий Жуков**.

— Юрий Николаевич, накануне Росархив рассекретил документы по так называемому «катынскому делу». В некоторых СМИ началась истерика — сенсация, наконец-то выложили в Интернет «долгожданные» документы. Вы их видели?

— Конечно. Это то же самое, что было 20 лет назад опубликовано! То же самое! Пока ничего нового! Это все та же записка Берии в Политбюро с просьбой разрешить суд, это тот самый документ, который в книге Шведа (Владислав Швед, публицист, политолог, автор книги «Тайна Катыни». — *Прим. Накануне.RU*) подвергается очень тщательному разбору, есть свидетельства эксперта, работающего в системе в МВД, что слишком много сомнений вызывает этот документ. Три странички, две одной печатной машинкой набраны, третья — другой. Но простите, в ведомстве Берии такого произойти не могло! Кроме того, нет всех требуемых атрибутов — номера, даты и т.д. Я сижу с архивными документами Политбюро, где немало записок Берии, на таком же бланке, но такого я еще не встречал. Меня лично насторожило в этом документе то, как расположены подписи Сталина и Молотова. Обычно они шли в левом углу снизу вверх, читаешь и пишешь, чтобы написать так, как в этом документе, нужно перевернуть бумагу вверх ногами, только так получаются подписи. Этого я тоже, проглядев документы высших партийных документов, начиная с 1919 г., никогда не встречал. Ни разу. С точки зрения профессионального историка пока катынское дело настолько темное, что лучше его расследовать, нежели загодя принимать какое-то решение и посыпать голову пеплом.

— Вам посчастливилось держать в руках ксерокопию подлинной записки Берии.

— Действительно, когда готовили процесс над компартией, я работал на Ильинке, в архиве. Там мне дали посмотреть пачку документов, подготовленных к процессу над компартией, среди них была одна страничка — также от Берии в Политбюро с просьбой разрешить вынести смертный приговор польским военнопленным. Тогда меня Катынь не интересовала, но мой глаз остановился на этом документе только потому, что левый верхний угол при ксерокопировании был закрыт, что видно было по бланку. Я спросил сотрудников архива, нельзя ли посмотреть оригинал, чтобы взглянуть на резолюцию, которая как раз ставится в этом углу. Мне ответили: «Нет, оригинал не доступен». Тогда я сказал: «Если вы закрыли резолюцию, то вряд ли она отвечала положительно просьбе Берии, потому что для суда над КПСС этот документ был бы идеальным, на что работники архива ответили: «Мы не знаем, не видели, что нам дали, то мы имеем». После этого разговора и ксерокопия документа исчезла из этой пачки.

— А тут вдруг Росархив выкладывает то, что якобы скрывали столько лет.

— Подчеркну, ничего нового в этом документе нет. 20 лет он используется сторонниками польской версии! 20 лет публикуется во всех их книжках о Катыни! Поэтому заявление Росархива о том, что это новый документ, точно такое же, как сообщение о том, что земля круглая или у нас зимой холодно, а летом тепло. Ничего нового в нем нет! Но уж коли дали людям прочитать этот документ, пусть они вчитаются — там нет ничего о расстреле, там только говорится о решении предать суду определенное количество польских офицеров. Были они преданы суду? Неизвестно! Вынесли

смертный приговор? Неизвестно! Расстреляли? Неизвестно! Этот документ это не доказывает!

— Вы поддерживаете версию Владислава Шведа о том, что то, что выложили в Интернет сейчас, было сфальсифицировано еще в 90-е годы?

— Вы знаете, Швед может говорить то, что считает нужным. Я, не имея на это доказательств, так говорить не могу. Я только выражаю сомнение в подлинности документа, и когда судебная экспертиза подтвердит, что этот документ подлинный или фальшивка, я приму любое решение. До этого я не могу всерьез говорить об этом документе. Для меня там слишком много путаного и неясного.

— Например, записка Шелепина?

— Да, некоторые обороты несвойственны ему, а являются калькой с польского языка, просто по-русски ни один нормальный человек такие фразы не напишет, это явно перевод. Кроме того, Шелепин никогда всерьез не занимался этими проблемами.

— Почему все-таки Росархив решил обнародовать то, что и так известно?

— Я бы связал это с круглым столом, который прошел накануне на эту тему в Госдуме. Противная сторона, которая не явилась на него, хотя и была приглашена, должна была сделать какой-то ответный ход. Вот и сделали. Очень своеобразный, при этом не продуманный, не зная брода, кинулись в воду. Решили, что этим документом покроют. Начальнику Росархива, видимо, в голову не пришло, что документ не новый, не раз публиковался, подвергался критике.

— Получается, что вам и вашим единомышленникам это на руку?

— Безусловно! Большей глупости было сделать нельзя! Выдать старый, хорошо известный документ за нечто новое — при этом документ, который вызывает большие сомнения, мог только сделать не очень думающий человек. Будь я на месте Президента или премьера, я сначала бы потребовал открыть все документы. Они говорят: «Многие документы до сих пор недоступны». Ну отдайте приказ. Рассекретьте, пусть группа специалистов — и военных историков, и представителей карательных служб, и технические эксперты удостоверятся в подлинности этих документов. Нужно, открыв все документы, изучив их, удостоверившись, что эти документы подлинные, возобновлять судебный процесс. И на суде рассматривать прения двух сторон, которые представят свои доказательства, и суд придет к однозначному решению, кто виноват. Тем более, что однажды уже был процесс, в Нюрнберге, и немцы признали свою вину. И непонятно, почему мы должны брать эту вину с немцев на себя? У меня возникает ощущение, что вскоре мы станем доказывать, что мы напали на Германию, мы виноваты в развязывании Второй мировой войны, то есть кругом во всем виноваты мы.

— Вас, как историка, что больше всего настораживает в деле о Катыни?

— Вопросов накопилось больше, чем ответов. Не юридических, не вызванных тем, что человек хочет отстоять мнение Берлина, Варшавы или Москвы, а обычных вопросов для любого человека, уж слишком много непонятного. Более того, некоторые факты просто настораживают. Вспомните, в 1943 г. закончилась Сталинградская битва, в которой ликвидирована армия Паулюса, разбита итальянская армия, румынские части, неподалеку от Воронежа на степном фронте

уничтожены венгерские дивизии. В Германии объявлен национальный траур. А страна воюет. Чем вывести ее из этого психологического состояния? Только тем, чтобы сказать: «Ребята, а ведь если мы будем сдаваться в плен, что с нами сделают эти комиссары?» Для этого и нужна была немцам Катынь. Это понятно как ход психологической войны, но Варшавой никак не объясняется. Не объясняется и нашими правозащитниками, которые вместо того, чтобы заниматься нашими проблемами, не будучи профессиональными историками, юристами, лезут в то, чем они не должны заниматься.

— Вы же знаете, какие у них «глобальные задачи»...

— Конечно, вот, к примеру, заявление Рогинского для Евроньюс по этому поводу просто меня потрясло. Я с ним знаком, он для меня идеологический противник, я ему не раз говорил: «Вы не историк, почему вы лезете в прошлое? У вас других забот по горло должно быть!» Нет, он только и занимается защитой прав польских, немецких, каких угодно граждан, кроме наших!

— Юрий Николаевич, что еще вас настораживает в деле о Катыни?

— Время расстрела. Это март — апрель 1940 г. После этого — весна, таяние, лето — все сохнет, потом снова дожди, снег, и опять таяние. К 1943 г. холмики, как знает любой человек, бывавший на природе и копавший грядки на приусадебном участке, уже залегли, все должно сравняться. Но почему-то в феврале 1943 г. холмики очень зримы и ощутимы. Как это получилось? Если трупы закапывали не очень глубоко, они должны были осесть, но этого не произошло. Почему? На этот вопрос ответов нет. Теперь про место расстре-

ла. Это несколько десятков метров от шоссе Смоленск — Витебск. Нужно быть ненормальным человеком, чтобы расстреливать именно тут. Нельзя ли было найти место более прикрытое, если предположить, что это сделали мы?

Вряд ли в 1940 г. Берия страдал маразмом, слабоумием, размягчением мозгов — для чего везти из Калининской и Ворошиловградской областей такое количество пленных к старой границе, чтобы их там расстрелять? Не проще ли их расстрелять на месте? При этом никто не скрывает того факта, что некоторые польские военнопленные, точнее жандармы, те, кто был связан с уничтожением наших пленных в 1920-м г., сотрудники польской разведки, которые вели работу против нас, действительно были осуждены и расстреляны. Но расстреляли там, под Харьковом и в районе Твери. Нет, почему-то придумывают, что мы везли их под Смоленск. Нужно объяснение такому факту, а его нет.

— И очень много путаницы с цифрами.

— Немцы установили, что было чуть меньше 4 тыс., при этом, как известно из немецких документов, они считали не только трупы, но и просто документы, непонятно, сколько же конкретно людей нашли, нужно считать отдельно трупы и документы, этого до сих пор не сделано. Если немцы нашли 4 тыс., каким образом они превратились в 20 тыс.? В пять раз больше! Поляки говорят, что это цвет польской армии. Хорошо, если это так, скажите тогда — из кого состояли генералы и офицеры польской армии Андерса, которая была сформирована с конца 1941-го по начало 1942 г. и в количестве 73 тыс. человек не стала воевать на фронте против своего врага — немцев, — а ушла через Каспийское море, Иран, Египет? Лишь бы не действовать

на нашем фронте. Обычно считают так: общее количество 73 тыс., значит, офицеров и генералов должно быть 10%, это 7 тыс. 300, но будем даже считать 5—6 тыс., опять не получается. При этом следует не забывать — польско-немецкая война, продолжавшаяся 3 недели, шла в основном на севере и юге, западе тогдашней Польши, многие польские части были окружены, оказались в котле, поэтому, что бы ни происходило, не могло на востоке оказаться такое количество и войск, и офицеров. В 1939 г. мы сообщили о том, что взято в плен 150 тыс. поляков. Замечу, ни одно командование никогда не будет преуменьшать количество пленных, наоборот, скорей будет преувеличивать, чтобы показать свои успехи, значит, будем считать именно 150. Так вот, из них 84 тыс. тут же были распущены по домам, 42 тыс. отправлены в немецкую зону, 42 тыс., проживавших в западных областях Белоруссии, Украины, распущены у нас. Это не кадровые офицеры. Это офицеры запаса, призванные в связи с войной, — это учителя, ученые, агрономы, врачи, т.е. тот цвет интеллигенции, о которой трубят поляки. Опять же что-то не так.

— Есть версия о том, что польские списки были наспех написаны в 90-е годы.

— У меня есть своя гипотеза. Всем хорошо известно, что из-за плохой работы НКВД немцы захватили смоленский областной архив, там были документы обкома партии и НКВД. И вполне возможно, что в материалах НКВД были списки польских военнопленных, которые переправляли с запада на восток, в Ворошиловградскую и Калининскую области. Вот эти списки, возможно, и были. Я считаю, что решить вопрос о списках сегодня необходимо двум сторонам — Польше и нам. Каким образом? Поляки должны представить

списки кадровых офицеров на 1 сентября 1939 г., далее они должны представить списки офицеров-резервистов, призванных в связи с нападением Германии на Польшу. Они должны показать списки армии генерала Андерса, плюс какое-то количество польских офицеров было в дивизии Костюшки и первой армии Войска польского. Сопоставлением этих списков мы можем определить, сколько же действительно пропало польских генералов и офицеров. При этом из этих списков нужно исключать жандармов, они к армии не имели отношения, исключать работников польских спецслужб и лагерей, а их было немало, где они издевались над польскими, украинскими и белорусскими коммунистами. И сотрудников польской разведки. Поляки очень любят говорить о том, что под Катынью погиб цвет интеллигенции. Общие слова никого не интересуют. Список дайте, кто, по-вашему, являлся цветом польской интеллигенции и пропал? И почему этот цвет мог оказаться в рядах армии? Обычно цвет интеллигенции, даже в самые сложные годы, в СССР, во время войны, не то, что не призывали на фронт, а, наоборот, в 1943 г. отправили доучиваться в институты всех студентов, профессуру. Руководство страны понимало, что нельзя оставлять на фронте таких людей — это цвет будущей нации. Если мы их потеряем, страна исчезнет. Как поляки так могли поступить?

— Немецкие «вальтеры» и веревка как доказательство того, что расстреливали именно немцы, польской стороной и некоторыми нашими так называемыми «правозащитниками» опровергается: мол, сотрудники НКВД тогда просто купили все в Германии.

— Правозащитники должны представить документы о покупке СССР «вальтеров», определенного количества патронов и т.д. Правозащитники должны пер-

выми быть в соблюдении правовых норм. Обвинение не может быть голословным, сначала доказательства, потом обвинения, а потом приговор суда, по которому следует виновность. Нет никаких товарных накладных ни на «вальтеры», ни на патроны, ни на бумажные веревки, пусть они найдут и представят в суды. Не найдут — тогда обязаны забыть об этом! Более того, наши правозащитники любят опираться на нормы западного права. На западе в судах запрещено ссылаться на то, что ты слышал от кого-то. Вся система обвинения наших правозащитников основана на такой системе — одна бабушка сказала, к тому же давно умершая, и сказала тому человеку, который тоже давно умер. Правозащитникам лучше помолчать о катынском деле.

— А сколько погибло красноармейцев в польском плену?

— Цифры разные, потому что число попавших в плен мы сами установить не могли. Приблизительные цифры — до 60 тыс., это то количество людей, которое находилось в частях Красной Армии, которые сражались на Висле, потерпели поражение, были взяты поляками в плен и не вернулись на родину. Какая-то часть вернулась, но примерно 60 тыс. так и остались на польской территории. Сейчас я на месте поляков снял бы все судебные иски о выплате нам. Почему? Потому что тогда в ответ поляки могут дождаться таких же исков родственников замученных поляками в их концлагерях наших красноармейцев.

— Когда дело о Катыни можно будет считать закрытым?

— Для меня, как для историка, точка в этом деле будет поставлена только тогда, когда будет три документа. Первый — решение суда о том, что такое-то ко-

личество офицеров плюс их имена, приговорены к смертной казни. Второй документ, подтверждающий вынесение смертного приговора, и третий — свидетельство о смерти, что обязательно во всех таких случаях. Пусть появятся эти три документа, тогда соглашусь с версией поляков, которая пока ничем не подтверждена. Пока нам этих документов никто не представил. Поэтому любой суд в Париже, Вашингтоне, Лондоне, Мадриде не станет рассматривать это дело, и никто никогда не заявит об этом всерьез. Только наши правозащитники и позволяют себе такое.

Беседу вела Евгения Косматулина

Содержание

ГЛАВА 1. РОССИЯ И СССР. ТАЙНЫ ВЛАСТИ
Так был ли «заговор Тухачевского»? 5
Хозяин демократии 20
Сталин не нуждался в партии власти . . . 30
Борьба за власть в руководстве СССР
в 1945—1952 годах 38
Борьба за власть в партийно-государственных
верхах СССР весной 1953 года 77

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ И ГЕОПОЛИТИКА
Нефть в обмен на родину 121
Доктрина национальной безопасности
СССР в 1941—1946 годах 128
Какую же войну проиграл СССР? 142

ГЛАВА 3. «НОВАЯ ИСТОРИЯ» И МИФОЛОГИЯ
«Наша история: гордиться, а не каяться!» . . 155
«Пытаясь сохранить нейтралитет,
мы ничем не отличались от соседей» . . 172
И снова — миф... 189
Не спешите с утверждениями! 194
Убивать Сталина необходимости не было . . 197
Перед смертью Троцкий мог бы сказать:
«И мне отмщенье аз воздам» 216

БЕСЕДЫ С ЮРИЕМ ЖУКОВЫМ
Красно-белый иллюзион 223
«Не надо фантазировать...» 233
Катынь: непонятно почему мы должны
брать вину немцев на себя! 242

Научно-популярное издание

СТАЛИНИСТ

Жуков Юрий Николаевич

ГОРДИТЬСЯ, А НЕ КАЯТЬСЯ!
Правда о Сталинской эпохе

Ответственный редактор *Л. Незвинская*
Редактор *В. Бобров*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Д. Фирстов*
Корректор *Е. Щукина*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции:
109507, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел. (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 06.12.2010.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 3500 экз. Заказ № 2241.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-46904-8

9 785699 469048 >

Новый проект от автора бестселлера «Настольная книга сталиниста». Ошеломляющие открытия ведущего исследователя Сталинской эпохи, который, один из немногих, получил доступ к засекреченным архивным фондам Сталина, Ежова и Берии. Сенсационная версия ключевых событий XX века, основанная не на грязных антисоветских мифах, а на изучении подлинных документов.

Почему Сталин, в отличие от нынешних временщиков, не нуждался в «партии власти» и фактически объявил войну партократам? Существовал ли в реальности заговор Тухачевского? Кто променял нефть на Родину? Какую войну проиграл СССР? Почему в ожесточенной борьбе за власть, разгоревшейся в последние годы жизни Сталина и сразу после его смерти, победили не те, кого сам он хотел видеть во главе страны после себя, а самозваные лже-«наследники», втайне ненавидевшие сталинизм и предавшие дело и память Вождя при первой возможности? И есть ли основания подозревать «ближний круг» Сталина в его убийстве?

Отвечая на самые сложные и спорные вопросы отечественной истории, эта книга убедительно доказывает: что бы там ни врали враги народа, подлинная история СССР дает повод не для самобичеваний и осуждения, а для благодарности, – **оглядываясь назад, на великую Сталинскую эпоху, мы должны гордиться, а не каяться!**

